

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

М.В. Белов

С.В. Григорьева

И.А. Хвостова

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ: НОВОЕ ВРЕМЯ

Учебное пособие

Рекомендовано методической комиссией ИМОМИ для студентов ННГУ,
обучающихся по направлениям подготовки: 41.03.01 «Зарубежное
регионоведение», 41.03.04 «Политология», 41.03.05 «Международные
отношения», 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», 43.03.02
«Туризм»

Нижний Новгород

2020

УДК 94 (100)
ББК 63.3(0)5
Б43

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ» **Я.В. Вишняков**;

кандидат исторических наук, доктор философских наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» **Ф.В. Николаи**.

Белов М. В., Григорьева С. В., Хвостова И. А. Всемирная история: Новое время. Учебное пособие / под общей ред. М.В. Белова. [Электронный ресурс]. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. – 154 с.

Пособие предназначено для студентов-бакалавров 1-го курса направлений подготовки: 41.03.01 «Зарубежное регионоведение», 41.03.04 «Политология», 41.03.05 «Международные отношения», 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», 43.03.02 «Туризм», изучающих курс «Всемирной истории». Пособие включает полный текст лекций по основным темам курса, вопросы для самоконтроля, списки рекомендованной литературы и предназначен для более глубокого понимания предмета и подготовки к экзамену.

Ответственный за выпуск: председатель методической комиссии
Института международных отношений и мировой истории ННГУ канд. ист.
наук, доцент **С.В. Бушуева**

УДК 94 (100)
ББК 63.3(0)5

© Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2020
© М. В. Белов, 2020
© С. В. Григорьева, 2020
© И. А. Хвостова, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Новое время, мир-экономика, капитализм (<i>М.В. Белов</i>)	4
Становление системы колониального господства в XVI–XVII веках (<i>С.В. Григорьева</i>)	14
Английская революция середины XVII века (<i>М.В. Белов</i>).....	30
Война североамериканских колоний за независимость и образование США (<i>М.В. Белов</i>)	41
Французская революция конца XVIII века. «Наполеоновские войны» (<i>М.В. Белов</i>)	47
Промышленный переворот: становление индустриальной цивилизации (<i>М.В. Белов</i>)	65
Объединение Италии и Германии. Гражданская война и Реконструкция Юга в США (<i>М.В. Белов</i>)	80
Страны Запада на рубеже XIX–XX веков: «прекрасная эпоха»? (<i>М.В. Белов, И.А. Хвостова</i>)	92
Реформы и революции в странах Востока в середине XIX – начале XX века (<i>С.В. Григорьева</i>)	107
Особенности национально-освободительной борьбы народов Востока в Новое время (<i>С.В. Григорьева</i>)	123
Международные отношения в Европе в 1871–1914 гг. Колониальные противоречия (<i>И.А. Хвостова</i>)	139

Новое время, мир-экономика, капитализм

Понятие Нового времени зарождается в эпоху Возрождения, и в сознании гуманистов оно ассоциировалось с новой Античностью, которая придет на смену «темным векам». Собственно сочетание «новое время» стало употребляться в сочинениях XV века. А окончательное утверждение трехчастного деления всеобщей истории на Античность, Средние века и Новое время связывают с трехтомным сочинением немецкого историка *Кристофа Келлера* (1638–1707) «*Historia Universalis*».

Эпитет «новое» у гуманистов и у их наследников, ученых и философов-«новаторов» XVII века, а затем и у просветителей следующего столетия имел не только временную отсылку, но и содержал положительную оценку. В этом проявлялся эгоцентризм их творческого порыва. Поскольку Новое время виделось возвращением к гуманистическим идеалам классической древности Греции и Рима, лежащее между ними Средневековье, в свою очередь, часто наделялось негативными характеристиками. Его «реабилитацией» займется романтики в конце XVIII – начале XIX века.

Содержание нововременной эпохи в сознании современников, конечно, менялось вместе с усвоением новаций. «*Революция Гуттенберга*» середины XV века, то есть применение книгопечатания, означала информационный скачок, сопоставимый с появлением персонального компьютера и сети Интернет в конце XX века. Начало *Великих географических открытий* — от первой экспедиции Христофора Колумба (1492) до первого кругосветного путешествия под предводительством Фернана Магеллана (1519–1522) — обозначило разрыв с замкнутым существованием регионов и цивилизаций, открывая дорогу для колониальной экспансии европейских государств. *Реформация*, религиозные войны и возникновение ряда протестантских конфессий наряду с католической церковью в XVI веке основательно потрясли средневековое мировоззрение. А *естественнонаучная революция* второй половины XVI – XVII веков выковала новые формы знания о мире, построенные на эксперименте, технически оснащенном наблюдении, математических подсчетах и рациональных заключениях. Становление *централизованных государств* с регулярными бюрократиями, армиями и налогами потребовало создания стандартизированной культуры образованных элит, что послужило предпосылкой для возникновения западноевропейских наций.

Ко второй половине XVIII – середине XIX века стала очевидна значимость тех перемен, которые Новое время привнесло в организацию экономической жизни и социальную структуру. Их выявило ускорение преобразований в ходе промышленного переворота, захватившего тогда большую часть Европейского континента. Наиболее значимым после появления труда *Адама Смита* «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), конечно, является анализ капиталистического способа производства в трудах *Карла Маркса* (1818–1883). Его сочинения стали отправной точкой полемики в суждениях о современной эпохе для последующих поколений

мыслителей. А его идейные продолжатели, теоретики Второго Интернационала в конце XIX века изобрели понятие «*капитализм*», которым сам Маркс не пользовался, как основную характеристику Нового времени. Особое значение это имело для советской исторической науки, поскольку в СССР так называемый «марксизм-ленинизм» стал непререкаемой официальной догмой.

Капиталистический способ производства описывается в *марксистской теории* с помощью трех взаимосвязанных категорий: *капитал, рынок и продажа рабочей силы*. Главная особенность капитала, отличающая его от остальных форм собственности, — мобильность, в то время как в докапиталистические эпохи преобладала недвижимость, и основным богатством, приносящим доход, являлась земельная собственность. Капиталистический способ производства рождается внутри своего предшественника — феодального, постепенно разрушая и уничтожая его. Генераторами нового были средневековые города, национальные и транснациональные рынки, а затем — заморские торговые экспедиции.

Капитал находится в постоянном движении, подчиняясь конъюнктуре рынков, превращаясь из одной формы в другую. Неподвижный капитал — это мертвый капитал, которому угрожает растрата. Деньги обращаются в товары и наоборот, принося прибыль (торговый капитал). Производственный капитал (оборудование и сырье) перепрофилируется в зависимости от спроса. Сами денежные капиталы могут являться товарами, а их цена исчисляется ростовщическим (банковским) процентом.

Рынок — это естественная среда капитала. Поскольку основным законом его существования является самовозрастание, он стремится к бесконечному расширению рыночных пространств, к их открытию, завоеванию и освоению, в конечном счете — к созданию мирового рынка, в общем сложившемся к концу XIX века. Но, разумеется, рыночная экспансия развивается не только вширь, но и вглубь, коммерциализируя человеческие потребности или же формируя их. Тогда как в докапиталистических обществах рынок сдерживался преобладанием натурального (самообеспечивающего) хозяйства, теперь он подчинял себе все или, во всяком случае, заставлял всех считаться с собой.

Рабочая сила в условиях рынка тоже становится товаром, регулируемым законом спроса и предложения. Если ранее, при античном и феодальном способах производства, преобладали внеэкономические способы принуждения к труду: личная или поземельная зависимость от господина, то теперь искать работу и договариваться о цене за нее (заработной плате) заставляет сама рыночная ситуация. Это и есть преобладание экономического принуждения к труду в рамках капиталистического способа производства. Разрушая натуральность хозяйства, рынок превращает непосредственных производителей (зависимых крестьян и ремесленников) в наемных работников.

Торговый и ростовщический (банковский) капитал имеют древнее происхождение, а первой формой производственного капитала стала *мануфактура*, появившаяся в Северной Италии и, позднее, в Южной Германии эпохи Возрождения. В мануфактуре, как и в ремесле, используется в основном

ручной труд, но ее эффективность увеличивается за счет разделения труда на отдельные операции в производственном цикле. Чем сложнее производство, тем оно глубже. Различают менее сложную *рассеянную* мануфактуру, которая, как правило, основывалась на труде надомников, например, тех же крестьян, отрывавшихся от сельского хозяйства, и *централизованную* мануфактуру, создававшуюся в городах или поместьях латифундистов с использованием новых технологий. На этапе мануфактурного развития (до XVIII века) в экономике, тем не менее, господствовал торговый и банковский капитал.

В качестве условия капиталистического старта Маркс выделил так называемое «*первоначальное накопление*». Его суть не только в сколачивании первичного капитала, необходимого для ведения бизнеса, но и в освобождении работников от средств производства, заставляющем их отправиться на рынок труда. Ярким примером такого рода являются «огораживания» общинных угодий, проводившиеся английскими лендлордами с XV века под влиянием спроса на овечью шерсть в суконной мануфактуре, что привело к разорению малоземельных крестьян, которые ранее пользовались ими, а теперь пополнили армию дешевой рабочей силы. Формами «первоначального накопления», кроме прочего (колониальный грабеж, работоторговля и т.д.), являются меры протекционизма и система государственного долга. Платежи, заложенные в ценах на товары (пошлины), или налоги, обслуживающие долг, обогащают привилегированных торговцев и ростовщиков, разоряя мелких хозяев. Таким образом централизованные монархии, нуждавшиеся в дополнительных ресурсах для финансирования регулярных армий и бюрократий, способствовали «первоначальному накоплению».

Но этим вовсе не исчерпывается список ее ненасильственных форм, крайне разнообразных. «Революция цен» XVI – начала XVII века, вызванная притоком благородных металлов из Нового Света, разорила получателей «обычных» платежей, то есть натурального или денежного оброка, зафиксированного в номинале раз и навсегда. А первым опытом «финансовой пирамиды», столь популярной как механизм обогащения в посткоммунистическом неокapитализме, стала афера с бумажными деньгами и акциями Миссисипской компании, организованная Джоном Ло во Франции эпохи Регентства (1715–1723).

Подчеркивая момент экспроприации непосредственных производителей в ходе «первоначального накопления», Маркс обосновывал право экспроприации капиталистической собственности в результате пролетарской революции.

Критический настрой Маркса и его последователей, лидеров европейской социал-демократии из Второго Интернационала, стимулировал появление альтернативных версий происхождения «современного капитализма». Немецкий социолог *Макс Вебер* (1864–1920) в серии статей «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) провел различие между «архаическим капитализмом», как авантюрной погоней за наживой, который существовал с древности, и ценностно-мотивированным капитализмом Нового времени. Его происхождение он связал с доктриной «мирского призвания» и

практикой «мирской аскезы», распространившимися в протестантских вероучениях. Если монашеская аскеза Средневековья была способом ухода из мира для общения с Богом, то «мирская аскеза» протестантов была способом угадывания божьего предопределения по успехам в профессии, что заставляло всю полученную прибыль обращать в инвестиции, экономя на потреблении, соблюдать строгость нравов и неукоснительную дисциплину. Только когорте «избранных» уготовано Царствие Небесное, но угадать божий замысел до конца никому не дано. Единичный успех может быть проявлением дьявольских искушений, поэтому он должен накапливаться, что и стало моральной санкцией для возрастания капитала.

Вебер исходил из доктрины постепенного «расколдовывания» мира и подчинения его рациональному пониманию. «Мирская аскеза» являлась переходным звеном к «современному капитализму», в котором ценностно-рациональное поведение со временем сменяется целерациональным, направляемым экономической эффективностью, выраженной в статистических и финансовых показателях. В дальнейшем Вебер пытался обнаружить аналоги такого переходного ценностного механизма в других мировых религиях, но не нашел там ничего подобного, что вело к выводу об уникальности европейского пути, который становится моделью для подражания при переходе в современность других частей света.

Современник и соотечественник Вебера Вернер Зомбарт (1863–1941), полемизировавший с ним и отталкивавшийся от раннего увлечения Марксом, предложил собственные объяснения «духа» капитализма, суть которого он связал с «фаустовским стремлением» овладеть материальным миром. В «духе» современного капитализма соединяются, по Зомбарту, две противоречивых ипостаси: авантюрная закваска искателей удачи или сокровищ, рыцарей-разбойников, алхимиков, прожектеров, с одной стороны, и бюргерские добродетели трудолюбия, бережливости, умеренности, верности договору, с другой. Взамен «мирской аскезы» Зомбарт указывал на иной спусковой механизм современного капитализма, порожденный соперничавшими между собой монархиями раннего Нового времени с их показной придворной роскошью (институтом фаворитизма) и бесконечными и столь же дорогостоящими войнами. Кроме того, Зомбарт отмечал роль культурных маргиналов (евреев) как проводников рыночного обмена.

С середины XX века получают распространение разные версии «теории модернизации», которая в качестве социологического фундамента опирается на веберовскую доктрину «расколдовывания» мира. Типологически все общества делятся в этой теории на «традиционные» и «современные», полярные по своим свойствам, что можно представить в виде таблицы:

Традиционные	Современные
Повторяемость традиции	Изменчивость, инновации
Простое воспроизводство материальных ресурсов	Расширенное воспроизводство, экономический рост
Примитивные технологии	Совершенствование техники

Корпоративность общественного устройства, подавляющая личность Обожествление власти, nepoтизм и произвол властителей Религиозное сознание, мифология	Индивидуализм, автономия гражданского общества Партийный плюрализм, формальное право и рациональная бюрократия Секуляризация сознания, наука
--	--

Переход к «современному» состоянию в процессе модернизации видится как переход от аграрной к индустриальной, по преимуществу, форме труда, а также в дифференциации до того слабо расчлененных сфер общественной жизни (экономика, право, политика, культура). Одновременно формируется независимый субъект — индивид, иницирующий изменчивость социальной среды, ранее скованной корпоративным давлением в крестьянской общине, ремесленном цеху, сословных группах и т.д. Приводились и формальные критерии, отличающие «современные» общества от «традиционных». Например, доля промышленности в общем объеме экономики здесь составляет 70 % (против 5–8 %), инвестиции — четверть валового национального продукта (против 1–2 %), разница в доходах между богатыми и бедными составляет 6:1 (против 20:1), средняя продолжительность жизни достигает 75 лет (против 25–50).

Модернизация осуществляется не одновременно, волнами или «эшелонами». Первая волна (самопроизвольная, постепенная, длительная и всеобъемлющая) охватила страны Западной Европы и поселенческие колонии Северной Америки в XVI–XVIII веках.

Вторая, отраженная волна модернизации затронула остальные части Европы, Россию и Японию XVIII – XIX века. Запоздавшие на старте, эти страны не имели в полной мере выраженных внутренних импульсов модернизации, но подверглись внешнему стимулированию со стороны более развитых соседей, которые виделись одновременно как угроза самостоятельному существованию и как позитивный пример для подражания. Тем самым закладывалась модель догоняющей вестернизации или «бега за Европой». Сжатие времени на модернизацию влекло за собой пестроту социальных укладов, острые противоречия между традицией и современностью, пропуск необходимых фаз развития (мануфактурного этапа), гипертрофированную роль государства как проводника реформ, усиленную эксплуатацию внутренних ресурсов при отсутствии колониальных возможностей.

Третья волна модернизации (XIX – середина XX века) распространилась на колониальные и зависимые страны Азии, Африки и Латинской Америки. Стартовые условия здесь были еще более низкими, коренная культура глубоко архаичной, а внутренние импульсы часто вообще отсутствовали. В таком случае проводниками модернизации выступали европейские колонизаторы. Поэтому она имела здесь фрагментарный или даже очаговый, эксцентричный и имитационный характер.

Негативные свойства зависимой от метрополий модернизации постколониальных стран были признаны не сразу. Первые теоретики (1950–60-е гг.) были склонны их затушевывать, подчеркивая позитивную роль Запада в условиях проходящей деколонизации. Тем самым они обосновывали необходимость сохранения его влияния после обретения независимости новыми государствами Азии и Африки. Критика европоцентризма и неокOLONиализма в этих теоретических построениях заставила поздних аналитиков (конец 1960-х – 80-е гг.) внимательнее отнестись к местной традиции, проследить пути ее синтеза с современностью и подчеркивать вариативность модернизации за пределами Европы. Таким образом теоретики откликнулись на японское «экономическое чудо», взлет «азиатских тигров» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань) и китайские реформы второй половины 1970-х. В последнее время развернулась дискуссия о возможности рассматривать советский опыт, при всех его издержках, как один из вариантов модернизации.

Главными оппонентами «теории модернизации» выступили уже в 1950-е гг. сторонники модели «*зависимого развития*». Первые из них опирались на негативный опыт Латинской Америки, как региона занимающего подчиненное место в мировом разделении труда. Высокий уровень бедности и социальная архаика, сырьевой профиль экономики и финансовая зависимость, военные хунты и коррумпированные элиты в латиноамериканских странах рассматривались как следствие политики доминирующих на рынке держав, заинтересованных в консервации их отсталости в целях эксплуатации при неравномерном обмене. Путем выкачивания ресурсов из слаборазвитых стран по законам «свободного» рынка более сильные поддерживают свое лидерство.

В рамках «теории зависимости», распространенной затем и на другие (постколониальные) регионы мира, выработалось иерархическое деление мирового экономического пространства на «центр» и «периферию», которое затем стало краеугольным камнем «*мир-системного анализа*» американского социолога *Иммануила Валлерстайна* (1930–2019). Кроме того, такой подход оказался созвучен исследованиям одного из крупнейших историков XX века *Фернана Броделя* (1902–1985) и, в частности, его трехтомной работе «*Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.*» (1979). Капитализм у Броделя толкуется как исторический нарост на экономике с ее бесконечными «играми обмена», то есть узурпация рынков, возникающих на фундаменте «материальной цивилизации». Принцип капитализма — максимизация прибыли на основании монополии, которую обеспечивает сильная власть, поэтому он явился результатом сговора капиталистов с монархами и бюрократами.

В свою очередь, согласно Валлерстайну, в человеческой истории издревле конкурировали два вида иерархически устроенных систем — империи и экономики. Большинство из них имели сугубо локальный характер, однако в XVI веке пришли в столкновение две системы с притязаниями на глобальное распространение. После гибели «непобедимой армады» (1588) потенциальная мир-империя испанских Габсбургов потерпела поражение и уступила

экспансии мировой капиталистической системы. Центр или «ядро» этой системы, где путем поддержания технологических, торговых или военных монополий, накапливается могущество, может менять свои очертания (и даже включать в себя со временем некоторые периферийные страны, например, Японию), но принцип господства над периферией и занимающей промежуточное положение между ними полупериферией, остается неизменным. Сама иерархичность системы и сохранение разницы потенциалов внутри нее обеспечивает ее функционирование, поскольку в условиях совершенно равной конкуренции прибыль стремилась бы к нулю. Близкий марксизму, Валлерстайн, тем не менее, не разделял марксовой «теории трудовой стоимости», согласно которой прибыль извлекается из неоплаченного времени занятости наемного работника. Эксплуатация в «мир-системном анализе» имеет скорее пространственное распределение. Его критики как раз указывают на бездоказательность и схематизм утверждения об иерархичности капиталистической мир-экономики как неистребимом свойстве этой системы.

Европа в начале Нового времени. Советские историки в 1970-е гг. также задумывались над пространственным измерением в генезисе капитализма. Ими было предложено понятие историко-типологического региона, определяемого не столько географией, сколько общими чертами развития, и они выявили четыре таких региона в Европе XVII века.

Первый из них — регион с утвердившимся раннекапиталистическим укладом (Голландия и Англия), испытавший воздействие первых буржуазных революций. Голландия или Республика Соединенных провинций лидировала до конца столетия, поскольку утверждение новых общественных отношений здесь произошло еще во второй половине XVI века, в результате успешного отделения от империи испанских Габсбургов. Гегемония Голландия определялась, прежде всего, торговым превосходством (именно она в то время являлась «мировым извозчиком»), а также ее техническим первенством в ряде перспективных отраслей экономики (судостроительной, текстильной, бумажной, сахарной и др.). Двухмиллионная Голландия страдала от земельного голода, но ее жители сумели извлечь пользу из неблагоприятных условий. Необходимость откачивать воду с помощью ветряных двигателей способствовала механическим новациям и стандартизации деталей. А отвоеванные у моря земли (польдеры) стали рассадниками интенсивного сельского хозяйства. Агрικультурная революция прошла в Голландии с опережением общей скорости Европы на сто лет. Она обеспечила невиданную ранее урожайность полей (1:8–10) и развитие профилированного скотоводства, что покрыло потребности бурной урбанизации. Созданный в 1609 г. Вексельный банк в Амстердаме превратился в центр сосредоточения европейских финансов. А веротерпимость и республиканское правление привлекали беглые капиталы со всего континента.

Почему же в конце XVII века пальма первенства перешла Англии? Прежде всего, потому что она обладала большими материальными и людскими ресурсами. Промышленность Голландии почти целиком зависела от ввозного сырья, а внутренний рынок был невелик. Напротив, Англия пожинала плоды

переворота в земельной собственности («огораживания»), высвободившего трудовые ресурсы для мануфактуры. Более того, «законы против бродяг» силой принуждали к труду и удешевляли его стоимость. Унитарная государственная система Англии оказалась более адекватной тогдашнему международному контексту, обеспечивая протекционизм и осуществляя успешную колониальную экспансию.

Во *втором* регионе буржуазный уклад находился в подчинении у старых социальных и политических структур. Во Франции, Швеции и мелкокняжеской Западной Германии сильные монархии покровительствовали привилегированным мануфактурам и торговым кампаниям. Это сужало сферу частного предпринимательства, но способствовало подъему городской верхушки, тесно связанной с аристократией и двором. Уникальность Швеции, пережившей взлет экономики в XVII веке, заключалась в том, что, при большой разреженности ее населения и слабости городов, здесь сохранилось свободное крестьянство как резервная база среднего класса. Изобилие рудных ископаемых при поддержке государства с технической помощью и капиталовложениями из Голландии сделали ее центром железоделательной и оружейной промышленности.

Третий регион (Испания, Португалия, Северная Италия и Южная Германия) оказались в состоянии регресса. Страны Пиренейского полуострова извлекли максимальную выгоду из колониальной экспансии в XVI веке, однако они не способствовали капитализации экономики. Сельское хозяйство сохранило феодальную структуру, и более того, позиции грандов усилились благодаря корпоративному контролю над хлебным рынком. Отказавшись от протекционизма, пиренейские монархии поставили местную мануфактуру под удар более сильных голландских и английских конкурентов. Военные поражения поставили крест и на расширении колоний.

Северная Италия и Южная Германия, рано вставшие на путь капиталистического развития, откатились назад из-за переноса мировых торговых путей из Средиземного моря в Атлантику. Капиталы, накопленные здесь ранее, «перебежали» в более успешные города и страны или помещались в земельные приобретения. Деградация способствовала католическая реакция, политическая раздробленность, опустошительные войны.

Четвертый регион (Восточная Германия, Чехия, Венгрия, Польша, Прибалтика и Россия) — зона крепостничества. Капиталистический уклад здесь либо еще не сложился, либо находился в самом зачаточном состоянии. Использование крепостного труда в условиях экстенсивного сельского хозяйства понижало издержки производства, поэтому этот регион являлся главным поставщиком зерна и технических культур в Северную Европу до наступления агротехнической революции второй половины XVIII века. Она же ускорила и разложение крепостнического хозяйства.

Периодизация Нового времени. Символической точкой отсчета Нового времени чаще всего называют 1492 г. — первое путешествие Колумба или начало Великих географических открытий. Однако существуют и более ранние датировки. Например, это дата падения Константинополя (1453),

символизировавшая установление господства турок в бассейне Восточного Средиземноморья, что и заставило европейцев искать обходные пути в Индию и другие страны Востока. Наиболее отдаленной датировкой начала Нового времени является вторая четверть XIV столетия, эпоха Данте и Петрарки, и в таком случае оно совпадает с наступлением Возрождения. К слову сказать, вскоре началось и развитие североитальянской мануфактуры, правда, этот ранний этап в истории европейского капитализма оказался обратимым, а его плоды — утраченными.

В юбилейном 1940 г. советские историки ввели новую датировку Нового времени от начала Английской революции в 1640-м. Революции занимали центральное место не только в исторических трудах, но и в официальной идеологии «марксизма-ленинизма», как вехи межформационных переходов, поэтому они лучше всего годились для отправных дат. Английская революция как-то была названа К. Марксом первой революцией «европейского масштаба», которая выражала «потребности всего тогдашнего мира». Именно она сделала всемирную поступь капитализма необратимой, в то время как опередившее ее почти на полтора столетия восстание в Нидерландах осталось событием локального значения.

В свою очередь революция 1917 г. в России толковалась как обозначившая новую эру крушения мирового капитализма и строительства социализма с последующим переходом в коммунистическую формацию. Поэтому период после 1917 г. в СССР именовался *новейшей историей*. За пределами стран социализма использовался иной термин для XX, а теперь уже и начала XXI века — *современная (contemporary) история*.

Внутри этих больших эпох выделяются разные вехи. Советские историки, например, подчеркивали значение Парижской коммуны 1871 г. — первой пролетарской революции — как даты, отделяющей первый период Нового времени от второго. Но чрезвычайно значимой для них была и Великая французская революция конца XVIII века. Она же служит, в других случаях, отграничителем так называемого «раннего» Нового времени или «ранней Современности (Модерна)».

Часто периодизация проводится по векам, хотя границы исторических веков не совпадают с хронологическими. Так, XIX век называют «длинным»: от падения Бастилии в 1789-м до начала Первой мировой в 1914-м. Начавшийся тогда же «короткий» XX век закончился падением Берлинской стены и распадом СССР в 1989–1991 гг. Рубежом разделившим XX век на две половины (два периода) стали итоги Второй мировой войны, ознаменовавшие выход на мировой уровень в соперничестве альтернативных моделей развития. Если следовать этой логике, XXI век наступил с падением «реального социализма» в конце предыдущего столетия.

Вопросы

1. Как менялось содержание понятия «новое время»?
2. Как связаны между собой основные элементы марксистского объяснения капиталистического производства?

3. Чем отличаются «современный капитализм» по Веберу и Зомбарту от марксистской теории?
4. В чем преемственность «теорий модернизации» по отношению к веберовской социологии? За что их критиковали?
5. Чем отличаются взгляды Броделя и Валлерстайна на капитализм от марксистской теории?
6. Чем обусловлены различия в периодизации нового времени?

Литература

- Бродель Ф.* Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 123 с.
- Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. – М.: Территория будущего, 2006. – 245 с.
- Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 3. Мир в раннее Новое время / Отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. – М.: Наука, 2013. – С. 5–116, 482–500, 752–776.
- Голдстоун Дж.* Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850 / Пер. с англ. М. Рудакова; под ред. И. Чубарова. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. – 224 с.
- Дерлугьян Г.* Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – Ч. I.
- История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. Том 3. От средневековья к новому времени (конец XV - первая половина XVII в.) / Отв. ред. Л.Т. Мильская, В.И. Рутенбург. – М.; Наука, 1993. – Введение, ч. I.
- Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р.П. Шпаковой. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. – Раздел II.
- Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг.: Учебное пособие для студентов. – М.: РОССПЭН, 1998. – Введение.
- Раков В.М.* «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.): Учебное пособие. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999. – 254 с.
- Чистозвонов А.Н.* Генезис капитализма: проблемы методологии. – М.: Наука, 1985. – 300 с.

Становление системы колониального господства в XVI–XVII веках

Причины Великих географических открытий. Глобальная экспансия европейских государств стала следствием развития и мутации феодального общества, роста городов и товарно-денежных отношений, торговых связей стран Запада со странами Востока. Расширение рынков увеличило спрос на звонкую монету, которая стала не только средством удовлетворения все возрастающих потребностей, но и главным видом богатства. В результате в Европе все острее чувствовался недостаток благородных металлов, в то время как возможности их получения на месте сокращались. Зато на Востоке, по представлениям европейцев, таились неисчерпаемые богатства.

Богатейшим континентом европейцам казалась Африка, откуда через средиземноморские города купцы привозили в Европу золото, добываемое в Сенегале и в бассейне р. Нигера. Здесь с VII по XV века существовало несколько богатых государств — Гана, Мали, Сонгаи, в экономической жизни которых добыча и торговля золотым песком занимали большое место. В рассказах купцов золотые запасы Африки имели фантастические масштабы.

Не менее богатыми представлялись европейцам Китай, Индия и сопредельные им страны, что выступало важным побудительным мотивом к географическим открытиям XV–XVI веков.

Первой страной, представители которой устремились на поиски африканского золота в XV веке, была Португалия. Они полагали, что золото в Африке добывается на отмелях больших рек, впадающих в Атлантический океан. Поэтому им казалось вполне возможным добраться до Золотой реки, следуя по морю вдоль западного побережья Африканского континента.

Уровень развития мореходства Португалии в XIV–XV веках позволял осуществить эти проекты: они научились строить каравеллы, новые быстроходные суда, легкие на волне, способные плыть против ветра; хорошо владели математикой, картографией, астрономией; пользовались астрольбией и секстантом; могли ориентироваться на местности.

Чуть позже на путь колониальных захватов вступила и Испания, в которой в 1492 г. закончилась *Реконкиста* и образовалось единое централизованное государство.

Деятельное участие в португальской и испанской морской экспансии приняли многочисленные купцы и моряки, переселившиеся из Италии, в первую очередь из Генуи. Купцам этого итальянского города, из-за турецких завоеваний, пришлось вести восточную торговлю через Александрию, где, как и во всем Восточном Средиземноморье, их теснили венецианцы. Сокращение торговли и мореходства заставило генуэзских купцов и моряков искать счастья на чужбине. Такими переселенцами, в частности, были и знаменитые *Христофор Колумб* и *Джованни Кабото* (*Джон Кэбот*).

К поискам и захвату заморских земель побуждали Португалию и Испанию причины внутреннего характера: закончившаяся Реконкиста в этих странах высвободила огромные массы воинственного и бедного дворянства, жаждавшего наживы и военных авантюр. В финансах нуждалась еще не

окрепшая королевская власть. Экспедиции на Черный континент диктовались военно-стратегическими целями: мавры, населяющие северо-западное побережье Африки, продолжали пиратские налеты на испанские и португальские корабли и на прибрежные города Пиренейского полуострова.

Географические открытия XV века. В 1415 г. португальцы захватили важный пункт на пересечении торговых путей — порт Сеуту, через который африканское золото шло к Средиземному морю. Это событие принято считать началом португальской колониальной экспансии. Впоследствии в поисках золота португальские купцы стали снаряжать регулярные морские экспедиции. Этим предприятиям покровительствовал брат португальского короля, принц *Генрих Мореплаватель*, который спонсировал многие путешествия и содействовал торговым компаниям в обретении монополии на торговлю во вновь открываемых землях.

На первых порах наибольшие доходы приносили грабеж местного населения и работоторговля, что заставляло португальцев продвигаться на юг вдоль Африканского побережья. За тридцать лет они достигли западной оконечности Африки и около 1460 г. вошли в Гвинейский залив.

Дальнейшему продвижению препятствовали сильные встречные течения и ветры — пассаты. Чтобы избежать их, мореплаватель *Бартоломеу Диаш* в 1486 г. использовал необычный маневр: он отошел от берега далеко в море, и, сделав большую дугу, вышел к южной оконечности Африки — мысу Доброй Надежды. Это стало важным достижением мореплавания того времени, которым впоследствии пользовалось большинство моряков. Одновременно с продвижением вдоль западных берегов Африки начинаются плавания португальцев далеко в Атлантический океан — на юго-запад и запад. В 20-х гг. XV века португальцы утвердились на островах Мадейра, в начале 30-х — на Азорах, а в 1456 г. дошли до островов Зеленого Мыса.

Однако пересечь Атлантический океан и открыть земли Западного полушария удалось в 1492 г. Х. Колумбу, представлявшему интересы Испанской короны. Во время первого путешествия Колумб открыл ряд островов Антильского архипелага, северные берега Эльбы, остров Гаити, который он назвал Маленькой Испанией. Здесь он построил форт Навидад (Рождество), где поселилось 39 его моряков. Это была первая колония европейцев в Западном полушарии. Вскоре форт был разрушен, а поселенцы перебиты индейцами, возмущенными их насилиями. Во время второго путешествия (1493) Колумб открыл Малые Антильские острова. Только в 1498 г. во время третьего путешествия Колумб впервые подошел к Южноамериканскому континенту, к устью р. Ориноко, но на берег не высадился. Четвертое плавание Колумба в 1502 г. было прямым ответом на экспедицию Васко да Гама. Двинувшись на юго-запад от о. Куба, Колумб посчитал, что достиг Восточного побережья Азии, и настойчиво искал пролив, чтобы пройти к побережью Индии. Однако поиски эти оказались бесплодными.

В общем плавания и открытия Колумба глубоко разочаровали испанское правительство: ни золото, ни серебро, ни пряности не потекли в Испанию из вновь открытых заморских стран. Богатства пришли позже, после смерти

Колумба (он умер в 1506 г.), которому в последние годы жизни пришлось вести тяжбу за свои права и дарованные ему привилегии с обманутым в своих расчетах испанским правительством.

Успехи испанцев на западе побудили португальцев возобновить поиски пути в Индию. В 1497 г. во главе экспедиции, снаряженной для этой цели, король поставил *Васко да Гама*. 8 июня 1497 г. из Лиссабона вышли четыре небольших корабля, которые через пять месяцев достигли южного побережья Африки. Далее шел совершенно неизведанный путь по Индийскому океану. 1 марта 1498 г. португальцы подошли к Мозамбику. Тут начиналась область арабских поселений, находившихся под властью враждовавших между собой шейхов. В городе Малинди Васко да Гама удалось привлечь в качестве лоцмана одного из опытейших арабских моряков того времени Ахмеда ибн Маджида, который через полтора месяца (20 мая 1498 г.) привел португальские корабли к городу Каликут на Малабарском берегу полуострова Индостан. Васко да Гама заключил соглашение с местным раджей. Через год, в июле 1499 г. нагруженная пряностями, но потерявшая два корабля и больше половины команды эскадра вернулась в Лиссабон.

Началась конкурентная борьба Испании и Португалии за колонии. Чтобы предотвратить возможность столкновения, оба государства при посредничестве папы римского заключили в 1494 г. соглашение в городе *Тордесильясе*. От полюса до полюса была проведена черта (приблизительно по 30-му меридиану к западу от Ферро) и установлено, что все вновь открытые области к западу от этой черты должны принадлежать испанцам, к востоку — португальцам. Разграничение было проведено только по Атлантическому океану, что привело позднее к столкновению конкурентов, когда испанцы, подойдя с востока, а португальцы — с запада, встретились на Молуккских островах.

Колониальные захваты Португалии в Индии. Впечатление, произведенное путешествием Васко да Гама в Европе, было громадным. Несмотря на большие потери в людях и на трудности, морской путь в страны сказочных богатств был найден. Португальцы стали ежегодно снаряжать большие эскадры в Индию. Благодаря превосходству в вооружении им вскоре удалось вытеснить из Индийского океана арабских купцов и монополизировать морскую торговлю.

Большой вклад в дело укрепления португальских позиций на морских путях в Индию внес начальник эскадры, а затем вице-король Индии *Альфонсо Альбукерке*, который захватил стратегически важные о. Сокотру, лежащий у входа в Красное море, и Ормуз — у входа в Персидский залив. В 1509 г. португальский флот в битве при Диу (на Северо-Западном побережье Индии) нанес серьезное поражение арабской флотилии, продемонстрировав индийским правителям свое превосходство и мощь.

В самой Индии португальцы не захватывали обширных территорий, а стремились овладеть опорными пунктами на побережье. В 1510 г. Альбукерке, по собственной инициативе захватил город Гоа на западном побережье Индостана, вырезал все его население и превратил порт в главный оплот португальского владычества в Индии. Вскоре опорные крепости появились

вдоль всего Малабарского берега державы Великих Моголов. Португальцы, вымогая у местных раджей всевозможные торговые льготы, право сбора дани и оброков, жестоко эксплуатировали местное население. Кроме того, индийцы должны были доставлять по низким ценам колониальные товары — перец, гвоздику, корицу, имбирь, мускатный орех, камедь и др. Разница в ценах позволяла получать порой до 700–800 % прибыли. Торговля с Индией стала монополией португальской короны и приносила ей огромные доходы.

Укрепившись в Индии, португальцы двинулись дальше на восток, так как индийские города выступали транзитными пунктами торговли пряностями, которые приходили с Зондских и Молуккских островов; главным их рынком был порт Малакка. В 1511 г. португальцы захватили Малакку; через десять лет на Молуккских островах появились португальские фактории, что чрезвычайно облегчило их продвижение в Индонезию.

Открытие западного пути в Индию произошло почти 30 лет спустя после плаваний Колумба. С разрешением этой задачи тесно связано исследование Восточного побережья Южной Америки. Бразилию открыли, по-видимому, одновременно испанские и португальские моряки в 1498–1499 гг. Итальянский космограф *Америго Веспуччи*, участвуя в испанской экспедиции под командованием *Алонсо Охеды*, прошедшей довольно большое расстояние вдоль северного берега Бразилии, уже тогда признал эту землю континентом.

Начальник второй португальской экспедиции в Индию *Хуан Кабрал* уклонился на своем пути слишком далеко к западу и подошел к побережью Бразилии. Не зная о путешествиях своих предшественников, он принял эту землю за остров, назвал ее землей Истинного Креста (Вера Крус) и объявил владением португальского короля. В мае 1501 г. португальцы снарядили три корабля для обследования этого «острова». В качестве астронома с эскадрой отправился перешедший на службу к португальцам *Америго Веспуччи*. Вместо ожидаемого острова эскадра наткнулась на длинную линию побережья, тянувшегося к югу. *Америго Веспуччи* увлекательно описал это путешествие в письме к своему другу *Лоренцо Медичи* и предложил назвать этот континент Новым Светом. Немецкий космограф *Мартин Вальдземюллер*, издав письмо *Веспуччи* в своем «Введении в космографию», предложил назвать новый континент по имени *Америго* «*Америкой*». Под «*Америкой*», таким образом, подразумевалась тогда восточная часть Южноамериканского континента.

Веспуччи высказал мысль о возможности доплыть до Молуккских островов, обогнув с юга вновь открытый материк. Этим проектом заинтересовалось испанское правительство, особенно после того, как испанский конкистадор *Нуньес Бальбоа*, перейдя Панамский перешеек в 1513 г., увидел впервые Тихий океан. Воплотить в жизнь идею *Веспуччи* попытался *Фернан Магеллан*. 20 сентября 1519 г. его эскадра из пяти небольших кораблей вышла из Сан-Лукара. Она обогнула Южную Америку через пролив, названный Магеллановым, вышла в Тихий океан и достигла Филиппинских островов, где сам командир эскадры погиб в стычке с туземцами. Лишь один корабль этой экспедиции пересек Индийский океан и,

обогнув Африку, возвратился 6 сентября 1522 г. в Сан-Лукар, свершив таким образом первое кругосветное путешествие.

С появлением испанских моряков в Тихом океане возникла необходимость продолжения разграничения сфер влияния между Испанией и Португалией в этих областях. *Сарагосским трактатом* 1529 г. была установлена линия по Тихому океану, разделившая между двумя государствами Пиренейского полуострова зоны господства на земном шаре. Правда, Испания с самого начала нарушила условия раздела, не возвратив Португалии, захваченные ею в португальской зоне Филиппинские острова.

Завоевание Мексики и Перу Испанией. Географические открытия XVI–XVII веков. Испанцы, обосновавшись на островах Карибского моря, в поисках золота и рабов снаряжали экспедиции в окружающие Мексиканский залив континентальные области, а затем двинулись на захват стран, лежащих к югу от него — в Мексику и Перу, на территории которых проживали два крупных племенных объединения: во главе с ацтеками в Мексике и инками в Перу.

Экспедициям испанцев, посланным в 1516–1518 гг. в западном направлении, удалось проплыть вдоль Юкатана, Южного и Западного побережья Мексиканского залива и вступить в сношения с местными вождями племен. Здесь европейцы выяснили, что дальше на запад лежит богатейшая страна, изобилующая драгоценностями. Для захвата ее в 1519 г. снарядили экспедицию, во главе которой был поставлен молодой идадьго *Эрнан Кортес*. Отряд Кортеса, отправленный в 1521 г. на покорение Мексики, состоял из 400 испанских солдат, 200 индейцев и имел 10 тяжелых и 3 легкие пушки. Этими незначительными силами испанцы подчинили себе большую страну. Мексика оправдала их надежды. В ее земле оказались богатые залежи золота и серебра.

Завоевание Перу тоже осуществил небольшой отряд авантюристов во главе с *Франциско Писарро*. В 1519 г. на Панамском перешейке была основана испанская колония Панама, из которой испанцы и начали наступление на «изобилующую золотом страну «Виру» — Перу. При захвате страны сказочные сокровища, накопленные в храмах и дворцах, были разграблены. В Потоси в 1545 г. были открыты богатейшие залежи серебра. Массы туземного населения, согнанного испанцами на их разработку, погибли на рудниках.

Вышеназванные экспедиции представляли собой первый и важнейший этап проникновения западноевропейцев за пределы Европы.

Во второй половине XVI и в XVII веках в географических открытиях все большую роль начинают играть англичане и голландцы (и тогда же — русские землепроходцы и мореходы). Важнейшим было открытие Австралии в начале XVII века голландцами. В 1619 г. на острове Ява они основали город Батавию. Плавая на юг от Зондских островов, голландские моряки ознакомились со всем Западным побережьем Австралии и половиной Южного, но приняли ее за часть «Полярной земли».

В 1642 г. *Абель Тасман*, выйдя из Батавии, обогнул Австралию и открыл большой остров, названный им Землей Ван-Димена (ныне Тасмания). Однако

новый континент долгое время не вызывал особенного интереса: бедная, малонаселенная страна не сулила каких-либо богатств.

Северная часть Тихого океана оставалась в общем неизвестной западноевропейским мореплавателям. Но в 1543 г. португальское судно, следовавшее в Китай, штормом занесло к японским берегам: началось европейское проникновение в Японию.

Западный берег Северной Америки также долгое время не был известен европейцам. Только во второй половине XVIII века испанцы прошли вдоль Калифорнии на север и достигли 58-й параллели. Но их тут опередили русские.

Тщетными остались упорные попытки англичан и голландцев дойти до Зондских и Молуккских островов, обогнув с севера Америку («Северо-западный проход») или Азию («Северо-восточный проход»). Эти пути они считали более короткими и более удобными, поскольку ими не владели португальцы. Двигаясь в западном направлении, английские моряки XVI века *Мартин Фробишер* и *Джон Дейвис* и в начале XVII века *Уильям Баффин* и *Генри Гудзон*, дойдя до островов, проливов и заливов, носящих ныне их имена, проникли только в восточную часть американской Арктики; англичане (*Ричард Ченслер*) в поисках северо-восточного прохода в 1553 г. достигли устья Северной Двины, а голландцы (*Виллем Баренц*) в 1590 г. — Новой Земли. Однако все эти районы уже были известны русским мореходам, к помощи которых английские и голландские моряки неоднократно прибегали. Русским мореходам принадлежат заслуги в открытии и обследовании берегов Европы и Азии, омываемых Ледовитым океаном.

Формы эксплуатации местного населения, использованные испанцами. Завоевание и разграбление Ост-Индии, превращение Африки в источник работорговли — такова ранняя заря европейской экспансии. Формы эксплуатации местного населения были чрезвычайно жестокими. С самого начала испанцы стали обращать индейцев в рабство. Несколько партий рабов с Эспаньола было отправлено в Испанию и продано там. Однако испанские власти объявили индейцев «свободными» и запретили рабство. Правительство и католическая церковь не были заинтересованы в массовом порабощении или уничтожении индейцев. Церковь рассчитывала на значительное расширение своей паствы, а, следовательно, и усиление влияния в колониях и увеличение доходов. Правительство видело в туземцах налогоплательщиков и новых подданных и не желало безраздельно отдавать их кастильским поселенцам, которые легко могли бы превратиться в новых непокорных сеньоров.

Первоначально Колумб, рисуя в своем воображении громадные золотые богатства на Эспаньоле, обложил все население острова старше 14 лет податью, уплачиваемой золотым песком или хлопком. Вскоре выяснилось, что собирать четыре раза в год требуемое количество золота индейцы совершенно не в состоянии: на Эспаньоле его оказалось немного, поэтому взносы были заменены тяжелой трудовой повинностью на рудниках или на земельных участках, которые жаловались кастильским поселенцам. Такие пожалования, буквально «разделы» (*репартимьенто*) земель производились на Эспаньоле неоднократно.

Еще большее распространение получила другая форма закрепощения местного населения — «энкомьенда» («вверение» или «патронат»). Король жаловал кастильскому колонисту индейцев — своих «свободных» вассалов — не в вечное владение, а лишь во временное пользование, за что пожалованный («энкомендеро») уплачивал в казну обычно четвертую часть получаемого дохода. Это фактически полное закрепощение было лицемерно прикрито заботой «установить более тесные связи между индейцами и христианами», чтобы обратить индейцев в «истинную веру». Позднее в Мексике и Перу широко практиковались такие же земельные раздачи с прикреплением к земле местного населения.

Поселение европейцев на Антильских островах принесло гибель туземному населению. Непосильный изнурительный труд на плантациях и в рудниках, зверское подавление частых восстаний, эпидемии, голод привели к тому, что на Эспаньоле из миллионного населения после 20 лет испанского владычества осталось всего лишь 10–15 тыс., а к середине XVI века туземцев на Антильских островах совершенно не стало. Для пополнения все возрастающего недостатка в рабочих руках уже с 1501 г. на острова стали ввозить рабов из Африки. В 1518 г. был заключен первый договор на ввоз черных рабов. Число африканцев-невольников стало быстро расти. Они, казалось, были более приспособлены к физическому труду, чем местное население.

Последствия географических открытий. В колониях, снабжавших ресурсами метрополии, капиталистический уклад блокировался: здесь процветали рабство и крепостничество в самых жестоких формах. Для населения же Африки чудовищно развивавшаяся и господствовавшая до середины XIX века работорговля имела самые губительные последствия. Работорговцы, закупая у местных князьков партии военнопленных, подстрекали их к нападениям на соседей, сеяли рознь и вражду между племенами.

В Америку было вывезено из Африки за это время более 100 млн рабов, из которых значительная часть погибла в пути от ужасных условий доставки. Это было настоящее обескровливание континента, которое приостановило развитие и низвело культуру до уровня более низкого, чем до прихода европейцев.

Великие географические открытия привели к глубоким изменениям в хозяйственной жизни Европы: расширению рынка, возросшему разнообразию обращающихся товаров, соперничеству между странами в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, формированию колониальной системы, что существенным образом содействовало разрушению феодального уклада. Влияние географических открытий сказалось не сразу и далеко не повсюду одинаково. Особо заметными следствиями стали перемещение торговых центров в пределах Западной Европы и так называемая «революция цен». Поскольку расширились и пошли по новым путям сношения Европы с Индией, а также установились и все более развивались связи с Новым Светом, уменьшилось значение для Европы средиземноморской торговли и

итальянских городов как торговых посредников Европы с заморскими странами.

В XVI веке роль посредников стали играть города Лиссабон, Севилья и Антверпен, превратившийся во всеевропейский денежный центр, в котором купеческие и банковские фирмы европейских стран имели свои конторы и агентов.

Торговые компании — основные орудия колониальной политики в XVII веке. В XV – начале XVII века ключевую роль в колониальных захватах играли Испания и Португалия, в то время как остальные европейские державы ограничивались предварительными разведками. Широко практиковались пиратские нападения на колонии и корабли испанцев и португальцев. В этом отношении в конце XVI века особую известность приобрели английские пираты *Рэлли*, *Дрейк* и др. До XVII века их попытки основать постоянные колонии были неудачны. Вслед за пиратами-разведчиками с начала XVII века в борьбу за колониальную добычу вступают торговые компании Голландии, Англии, Франции и других европейских государств. Выдвигаются новые формы и методы колониальной политики. Суть новаций состояла в том, что государственная власть непосредственно не принимала участия в захвате и эксплуатации колоний. Громоздкая и дорогая феодально-бюрократическая машина, выкачивающая из колоний доходы для королевской казны, заменялась частными лицами — пайщиками компаний, организующими дело эксплуатации колоний исключительно в интересах своего личного обогащения. Тесная связь между интересами государства и компаний, прямая военная помощь и поддержка их колониальной деятельности проявлялись открыто в самых разнообразных формах. Однако сам аппарат эксплуатации находился в частных руках, добыча не растрачивалась на роскошь двора и династические войны, а служила концентрации капитала в частных руках. Среди многочисленных торговых компаний, возникших в XVII веке, наибольшее значение имели две: голландская и английская Ост-Индские компании.

Голландская Ост-Индская компания образовалась при прямом содействии голландского правительства, стремившегося объединить и контролировать деятельность мелких торговцев с Индией. 20 марта 1602 г. Генеральные штаты Голландии утвердили договор между директорами нескольких компаний, торговавших с Индией, об образовании единой Ост-Индской компании и особой хартией предоставили ей на 21 год монопольное право навигации и привилегированной торговли в границах от мыса Доброй Надежды на восток до Магелланова пролива. При этом компания получила значительные права и привилегии: право захватывать и конфисковать любой иностранный корабль, находящийся в этой зоне, основывать крепости и фактории, чеканить собственную монету, содержать войска, объявлять войну, заключать мир и договоры от имени штатгальтера Голландии, а также полную судебную и административную власть над своими служащими и населением захваченных территорий. Торговые привилегии заключались в праве беспошлинного ввоза товаров в Голландию и праве вывоза товаров из

Голландии в Индию с оплатой 3-х %-й пошлины. Первоначальный капитал в сумме 6,5 млн флоринов составил путем подписки.

Голландская Ост-Индская компания уже к середине XVII века превратилась в мощную военную и политическую силу, поставив под свой контроль большинство португальских владений в Индии. Значительно расширились источники ее доходов: наряду с торговлей серьезные поступления шли за счет многочисленных налогов с местного населения, что толкало компанию к дальнейшим захватам территорий.

Английская Ост-Индская компания получила королевскую хартию на монополию торговли с Индией и право беспошлинного экспорта товаров в 1600 г. Это были лишь торговые привилегии. За предоставление политических прав компании пришлось бороться не одно десятилетие. Первоначальный капитал — 30 тыс. ф. ст. — был ничтожно маленьким. Финансовые трудности постоянно преследовали компанию на первых порах. Нельзя назвать продуктивными и результаты первой экспедиции компании, которой удалось лишь заключить торговый договор (1602) с султаном Аче (о. Суматра) и закупить небольшую партию перца. Однако случай спас ситуацию. На обратном пути английские корабли во главе с капитаном Джеймсом Ланкастером встретили и ограбили португальский корабль, груженный пряностями. Только благодаря этому первая экспедиция английской Ост-Индской компании окупилась.

Руководство английской компании представляло собой коллегия директоров, избиравшихся общим собранием пайщиков на один год и заседало в Лондоне. Поскольку англичане на тот момент не могли на равных конкурировать с голландцами, они активно использовали мирные дипломатические методы создания своего присутствия в Индии, стремясь заручиться поддержкой отдельных индийских раджей и правителей державы Великих Моголов. В XVII веке им удалось заключить договоры с Моголами, предоставляющие право беспошлинной торговли, приобрести земли для создания факторий и постройки фортов. Наиболее основательно английская Ост-Индская компания закрепились в Калькутте (Бенгалия), Мадрасе (Восточное, Коромандельское побережье Индии) и Бомбее (Западное, Малабарское побережье).

Главные районы столкновений колониальных интересов. В XVII веке ясно наметились три основных района столкновений колониальных интересов соперничавших держав: Индия и страны Южных морей, Вест-Индия и Северная Америка.

В Индии и Юго-Восточной Азии борьбу торговых компаний Голландии и Англии облегчал тот факт, что они нередко могли получить поддержку местного населения, выступая в роли «освободителей» туземцев от тирании португальцев. В частности, Великие Моголы, понимая свою собственную несостоятельность дать отпор португальцам, после того, как английский флот в битве при Диу разбил португальскую эскадру, стали активно сотрудничать с англичанами, рассчитывая на их помощь в вытеснении конкурентов. Однако

одолев португальцев, англичане замещали их в качестве торговых монополистов и использовали более изощренные методы эксплуатации.

В Вест-Индии конкуренция осуществлялась в форме пиратства и контрабандной торговли, поскольку соперничавшие с Испанией державы — Голландия, Англия и Франция — не имели возможности использовать лишенные всякой самостоятельности местные силы.

В Северной Америке, где к началу XVII века еще не утвердилась власть какого-либо европейского государства, создавались колонии переселенцев из метрополии. Голландцы, англичане и французы вытесняли коренное население — индейцев на запад. Благоприятные для европейцев природно-климатические условия, обилие плодородных, никем не занятых земель, природные богатства региона способствовали быстрому притоку переселенцев из Европы. Индейцы научили колонистов выращивать тыквы, кабачки, бобы и кукурузу, возделывать табак, кофе, сахарный тростник, которые довольно быстро превратились в популярные экспортные культуры. Поселения, созданные европейцами, обладали определенной самостоятельностью и независимостью от колониальных властей. Попытки перенести сюда феодальные порядки наталкивались на практическую невозможность осуществить монополизацию всей земли аристократией. Установление здесь буржуазных отношений было осложнено экономической неразвитостью региона. Что касается конкуренции, то более ожесточенная борьба шла между голландскими и английскими колониями, английскими и французскими переселенцами.

В XVII веке началось активное проникновение голландцев и англичан в Индию и страны Южных морей. Первоначально они устремились в те районы, где присутствие португальцев было незначительным — на острова Ява, Суматра, Тернате, Банда, Молукки, отдаленные от основных баз португальского флота. В 1603 г. голландцы основали свою первую факторию на Яве. Попытки португальского флота воспрепятствовать проникновению соперников окончились безрезультатно. Заручившись поддержкой правителей Молуккских островов, голландцы вытеснили оттуда португальские гарнизоны и закрепились на архипелаге.

В 1609 г. Испания, жертвуя интересами объединенной с ней Португалии, признала за Голландией право свободной торговли в Индии и Юго-Восточной Азии.

Представители английской Ост-Индской компании, двинувшиеся по тем же маршрутам, что и голландцы, не смогли закрепиться на островах, богатых пряностями. Однако благодаря покровительству Великих Моголов они обосновались на полуострове Индостан, где в 1609 г. основывали свою первую торговую факторию в Сурате. В 1613 г., получив фирман падишаха Джахангира на право торговли во всех его владениях с твердо установленной пошлиной в 3,5 % на все товары, англичане упрочили свои позиции в Индии.

В 1619 г. голландцы захватывают и разрушили город Джакарту (о. Ява) и основывали на его месте свой торговый и административный центр — Батавию. В этом же году заключается соглашение между англичанами и голландцами о

совместных действиях против португальцев и о доле в торговле пряностями с Молуккских островов: одна треть шла англичанам, две трети — голландцам. Однако эти договоренности часто нарушались голландцами, поскольку соотношение сил соперников было не в пользу англичан. В 1623 г. дело дошло до кровавого инцидента на о. Амбон, где голландский губернатор арестовал англичан, находившихся на острове. На основе показаний, данных под пыткой, он обвинил их в заговоре против голландской власти и казнил. Протесты английского правительства ни к чему не привели, и англичане были вынуждены уйти с островов и сосредоточить свою деятельность в Индии.

Тем временем голландцы овладели торговлей с Китаем и Японией, обосновались на острове Тайвань. На полуострове Индостан они тоже не хотели терять своих позиций: в Карнатаке (южная Индия) они получили исключительное право торговли; в Бенгалии в 1627 г. основали факторию, превращенную впоследствии в самостоятельный директорат Бенгалии. В этих условиях более слабая во всех отношениях английская Ост-Индская компания в 1635 г. заключила союз с португальцами против голландцев. Но новые союзники не обладали достаточными средствами и военной силой не только для того, чтобы поддержать англичан, но и для того, чтобы отстоять собственные колониальные владения. Ситуация в колониях значительно осложнилась после отделения Португалии от Испании, вынужденной сконцентрировать все имеющиеся ресурсы на борьбе за собственную независимость. В новых условиях португальский король *Жуан IV Восстановитель* (1640–1656) в 1641 г. предпочел договориться с голландцами: отказавшись от возврата уже потерянных колоний, он предоставил Голландии ряд торговых привилегий. В договор была внесена оговорка о том, что в колониях он входит в силу только через год после подписания. Этим годичным сроком голландская Ост-Индская компания воспользовалась, чтобы продолжить завоевания бывших португальских опорных пунктов — Малакки, Сан-Томе и др. Это нанесло окончательный удар господству Португалии в Юго-Восточной Азии.

Таким образом, к середине XVII века колониальная империя Португалии практически развалилась, ее место прочно заняла частная голландская Ост-Индская компания. Официальное признание эта победа буржуазного государства над феодальным получила в *Мюнстерском (Вестфальском) мирном договоре* 1648 г., по которому демаркационная линия, ранее делившая зоны господства между Испанией и Португалией, теперь устанавливалась между Испанией и Голландией. В 1652 г. голландцы захватили у Португалии мыс Доброй Надежды, где основывали поселенческую колонию Капштадт (Кейптаун). А в 1656 г. голландцы проникли на о. Цейлон и практически вытеснили португальцев с Индостана.

Голландская колониальная система в XVII веке. Методы колониальной политики, используемые голландцами, по своему характеру и жестокости мало отличались от тех, которые использовали их предшественники. Они состояли в насильственном консервировании докапиталистического уклада и в хищническом выкачивании продуктов у

покоренного населения при широком использовании аппарата власти. Компания всеми силами и средствами пыталась монополизировать в своих руках всю внешнюю торговлю. Особенно ярко это проявилось в Индонезии, где, по сути, были прекращены какие-либо, за исключением посредничества голландцев, морские связи между островами архипелага. Местным жителям категорически запрещалось продавать колониальные культуры кому-либо, кроме голландцев. С этой целью компания даже шла на систематическое уничтожение гвоздичных деревьев и деревьев мускатного ореха. Представители компании скупали пряности у туземцев по минимальным ценам, обогащаясь за счет перепродажи, не участвуя в самом производстве экспортных культур.

Кроме того, компания насаждала на островах архипелага формы внеэкономического принуждения: земля там распределялась (или продавалась) служащим компании в собственность с обязательством всю продукцию сдавать компании по твердо установленным ценам. Обработка этих земель осуществлялась прикрепленными к ним местными жителями, над которыми владелец получал феодальные права, или рабами, спрос на которых неуклонно возрастал. Поэтому голландские власти были вынуждены воровать людей на соседних островах.

В колониях, где местные феодалы сохранили свою власть, голландская Ост-Индская компания первоначально стремилась договориться с феодальной верхушкой, заключая договоры о торговле и добиваясь коммерческих привилегий. По мере усиления мощи компании, свобода торговли заменялась обязательством торговать исключительно с голландцами. А с 1677 г. возникает институт *«леверенций»* — принудительных поставок колониальных товаров. Поэтому попавшие под власть голландских колонизаторов страны Востока подвергались систематическому ограблению, их производительный потенциал разрушался, население вымирало. Огромные средства компания была вынуждена тратить на содержание штата служащих, флота, военных гарнизонов, поддержание порядка в колониях, подавление многочисленных мятежей и восстаний туземного населения — всё это, наряду с ростом контрабандной торговли, в которой участвовали служащие компании, привело в дальнейшем голландскую Ост-Индскую компанию к краху.

Английская Ост-Индская компания в этот период времени не располагала достаточной вооруженной силой и ресурсами, потому использовала в основном экономические и дипломатические методы создания своего присутствия. Наиболее активно в XVII веке она действовала на территории империи Великих Моголов. Посольствами, подарками, взятками, услугами компания добилась сначала права основания факторий и торговли в Индии, затем понижения пошлин, наконец, полного освобождения от них за единовременный годовой взнос в казну Великих Моголов. Основной статьей английского экспорта из Индии были хлопчатобумажные и шелковые ткани. Как правило, англичане перекупали их у местных торговцев, привозивших этот ценный товар из внутренних районов Индии в портовые города. Сотрудники компании, заинтересованные в увеличении поставок, предоставляли мусульманским и индусским купцам право вести собственную торговлю под английским флагом,

не уплачивая внутренних таможенных сборов. Со временем эти местные торговые и ростовщические круги втягивались в орбиту интересов Ост-Индской компании, превращаясь в *компрадоров*, которым по сути были чужды интересы собственного народа и страны.

По мере развития в Англии капиталистических отношений и роста заинтересованности правящей верхушки в эксплуатации колоний, мощь и возможности английской Ост-Индской компании возрастают. От скромной аренды земли для создания торговых факторий англичане перейдут к превращению их в неприступные крепости, которые впоследствии станут плацдармом для дальнейших захватов территорий.

Борьба за колонии в Вест-Индии и Северной Америке. Колониальная политика завоевателей. Колониальные владения Испании и Португалии в Северной и Южной Америке не представлялись такой легкой добычей для новых морских держав, как это было в Юго-Восточной Азии. Поэтому на западе усилия этих держав в XVII веке были направлены на разрыв морских связей Вест-Индии с метрополией путем контрабандной торговли и пиратства. Под Вест-Индией понимались острова Карибского моря и прилегающих к нему Мексиканского залива и Атлантического океана.

Правительства Англии, Франции и Голландии широко пользовались услугами пиратов. В 1621 г. была основана *голландская Вест-Индская компания*, деятельность которой носила главным образом пиратский характер. За своё недолгое существование (1621–1674) компания захватила около 500 испанских кораблей. Однако попытка компании отвоевать у Португалии Бразилию в 1637–1654 гг. закончилась неудачей, голландцы были изгнаны. Кроме того, португальцам удалось, снарядив флот, отбить у голландцев и вернуть под власть Португалии в 1648 г. африканские колонии Анголу и остров Сан-Томе, откуда в Бразилию вывозились черные рабы.

На заброшенных испанцами островах Вест-Индии постепенно возникают колониальные владения других стран. Англичане обосновывались на Бермудских островах в 1609 г., а между 1614-м и 1635 г. заняли острова св. Христофора, Барбадос, Невис, Тортуга, Антигуа и Провиденс. В 1655 г. Кромвель снарядил экспедицию, которая завоевала Ямайку. Голландцы в 1667 г. заняли Суринам (Гвиана). Французы захватили часть острова Эспаньола (колония Сан-Доминго на Гаити), Гваделупу, Мартинику, а также обосновались на северо-восточном берегу Южной Америки — во Французской Гвиане.

Основой хозяйства островов было плантационное хозяйство, базировавшееся на эксплуатации рабов. Возделывались сахарный тростник, хлопок, кофе, какао. Из сахарного тростника изготовлялся ром. Прибыльным видом торговли являлась работоторговля. Рабы выменивались или похищались на побережье Африки и продавались в Вест-Индию.

Первые английские и французские колонисты Северной Америки встретили здесь независимое коренное население индейцев, еще неизвестное с господством европейцев. Освоение Северной Америки англичанами и французами шло параллельно.

С 1530-х гг. Франция начинает колонизацию Канады. В 1535 г. *Жак Картье* объявил ее владением французского короля. А в 1540 г. *Жан-Франсуа де Роберваль* получил титул вице-короля Канады, Ньюфаундленда, Лабрадора и прилегающих областей, хотя население колонии не превышало две сотни переселенцев. *Генрих IV* в 1600 г. предоставил «компании Канады и Акадии» исключительное право основывать поселения и вести торговлю в бассейне реки св. Лаврентия. В 1608 г. основан город Квебек, центр торговли мехами. В 1628 г. колонисты получили от королевской власти широкие торговые привилегии взамен обязательства ежегодно доставлять в Канаду 200–300 рабочих различных профессий и содержать их здесь в течение трех лет. В XVII веке французы исследовали громадные пространства Северной Америки, области южнее Великих озер, вплоть до Мексиканского залива. В 1682 г. *Рене-Робер Кавелье де Ла Саль* объявил бассейн реки Миссисипи французским владением, назвав эту область Луизианой (в честь короля Людовика XIV).

В 1606 г. английский король *Яков I* предоставил право собственности на землю и право на основание поселений в Северной Америке к северу от 40-й параллели Плимутской компании (ее пайщиками были купцы города Бристоля и Плимута), а к югу от этой параллели — Лондонской компании. Первая партия переселенцев Лондонской компании высадилась в Новом свете в 1607 г., основав поселение Джеймстаун в Виргинии. Эта местность вскоре стала процветающей благодаря выращиванию табака. Коренное население — индейцы приняли англичан дружелюбно, даже уступили им часть своей земли. Но по мере увеличения потока переселенцев англичане стали бесцеремонно теснить местные племена, сгоняя их в специально отведённые для них территории. В 1624 г. Яков I ликвидировал Лондонскую компанию, и Виргиния стала королевской колонией. Во главе колонии был поставлен назначаемый королём губернатор, при котором находились совет и выборное собрание депутатов.

Плимутская колония была основана в ноябре 1620 г. так называемыми «отцами-пилигримами», кальвинистами, бежавшими от преследований английских властей. Она отличалась пуританскими нравами и суровой общинной дисциплиной.

Ряд английских североамериканских колоний (Нью-Гэмпшир, Мэн, Мэриленд, Северная и Южная Каролина, Нью-Джерси и др.) первоначально принадлежали собственникам из английского дворянства, которые заселяли пожалованные им королем земли арендаторами и слугами. Некоторые колонии (например, Род-Айленд, Коннектикут) создавались выходцами из других поселений.

Характерной чертой политики всех английских колоний в Америки было систематическое вытеснение с земли коренного населения и бесчеловечное истребление индейцев, которые были вынуждены вести вооружённую борьбу с захватчиками. Превратить местное население в рабов англичане не смогли, так как свободолюбивые индейцы предпочитали смерть рабству. Поэтому в качестве рабов в английские колонии стали ввозить в XVII веке вначале англичан, продавших себя или обращенных в рабство, а позднее — африканцев.

Борьба с голландцами, основавшими в 1626 г. поселение Новый Амстердам (современный Нью-Йорк) и пытавшимися закрепить за собой область, названную Новыми Нидерландами, закончилась тем, что в 1664 г. англичане захватили голландские владения.

Таким образом, в XVII веке английские и французские колонизаторы достаточно прочно утвердились в Северной Америке и Вест-Индии, заметно потеснив своих конкурентов. На смену мощным некогда колониальным империям Португалии и Испании, пришли новые колониальные державы.

Громадные богатства, захваченные европейцами в результате ограбления новооткрытых стран и их колониальной эксплуатации, составили один из важнейших источников первоначального накопления, ускорили в Европе процесс разложения феодализма и перехода к буржуазному укладу. В колонизируемых странах вторжение европейцев и их колонизаторская деятельность способствовали консервации самых отсталых феодальных и даже рабских форм эксплуатации, вели к нарушению экономических связей, к подчинению местного производства интересам европейского торгового капитала.

Вопросы

1. Каковы причины Великих географических открытий?
2. В чем состоят особенности создания колониальных империй Португалии и Испании? Охарактеризуйте основные этапы разграничения сфер влияния между Португалией и Испанией.
3. Каковы последствия географических открытий для государств Европы и колонизируемых стран?
4. В чем особенности колониальной политики Голландии и Англии в XVII века? Почему Голландия и Англия одержали победу в борьбе за колонии над Испанией и Португалией?
5. Сравните колониальную политику голландцев, португальцев и испанцев на захваченных территориях, найдите сходства и различия. Что нового в колониальную политику внесли англичане?

Литература

Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А. Страны Востока и колониальная политика европейских держав (XVI–середина XIX века): учебное пособие. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 217 с.

Баландин Р.К., Маркин А.В. Сто великих географических открытий. – М.: Вече, 2015. – 480 с.

Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX в.: Очерки. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

Ерофеев Н.А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в. – М.: Наука, 1964. – 175 с.

Магидович В.И. Географические открытия / В.И. Магидович, Н.Н. Малофеева,

Е.В. Широнова; сост. Т. В. Григорьева. М.: РОСМЭН - ПРЕСС, 2009. 95 с.
Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX века: в 3 ч.: учеб. для студентов вузов / Под ред. А. М. Родригеса. – М.: ВЛАДОС, 2004.
Пискорский В. К. История Испании и Португалии. От падения Римской империи до начала XX века. – М.: Изд-во Ленард, 2019. – 288 с.
Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). / Вступ. статья В. Рутенбурга. – М.: Наука, 1965. – 427 с.
Черкасов П.П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. – М.: Наука, 1983. – 183 с.

Английская революция середины XVII века

Эпоха раннебуржуазных революций. Под раннебуржуазными революциями понимают обычно революции периода мануфактурного капитализма. К таковым относятся антииспанское и антикатолическое Восстание в Нидерландах второй половины XVI века, Английская революция середины XVII века, американская Война за независимость и, наконец, Французская революция конца XVIII века.

Эти события сыграли решающую роль в крушении старых порядков и утверждении буржуазных общественных отношений. Они решали схожие задачи: 1) освобождение капиталистической конкуренции от абсолютистских ограничений и цеховых регламентов, конституирование свободной частной собственности взамен феодальной монополии, а следовательно, решение аграрного вопроса; 2) ликвидация сословных привилегий, утверждение гражданских прав и свобод, всеобщего равенства перед законом; 3) создание институтов буржуазной государственности — органов представительной власти, независимой судебной системы и др.

Оказывая самое непосредственное воздействие на десятилетия, а то и столетия развития в тех странах, где они произошли, раннебуржуазные революции (особенно, английская и французская) вместе с тем явились этапными моментами в становлении буржуазной новоевропейской цивилизации (Модерна). По замечанию К. Маркса, «эти революции выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т.е. Англии и Франции». Поэтому ключом к анализу предпосылок, динамики и итогов раннебуржуазных революций должен быть взаимодополняющий учет как локальных, так и общестадийных условий и особенностей эпохи.

Изучение раннебуржуазных революций сопряжено с рядом трудностей. *Во-первых*, является трудным анализ социальной реальности переходной эпохи, когда под старой формой кроется новое содержание (и наоборот), новые, буржуазные, по существу, требования выдаются за традиционные вольности, попранные деспотическим правлением, а реакция драпируется в реформаторские и демократические одежды. Чтобы разобраться в этом «хаосе переходных форм», требуется нешаблонный контекстный подход. *Во-вторых*, революции, безусловно, относятся к числу очень сложных, комплексных и противоречивых исторических явлений, когда меняется весь облик общества, прежние социальные границы и статусы. В революции причудливым образом сочетается катастрофический, стихийный характер развития и сознательная деятельность общественных классов, групп, политических «партий» и их вождей, которые в результате углубления преобразований и радикализации борьбы к тому же нередко меняют свои убеждения и планы, место в конфликтных диспозициях, а то и переходят на другую сторону «баррикад». Выходя за национальные границы, революции поворачивают прежнее течение международных отношений, а внешнеполитические проблемы накладываются на противоречия внутри охваченного ею общества.

Следует различать «объективные цели», горизонт возможного, открытый революцией, и задачи, формулируемые революционерами. Между ними чаще всего существует известный зазор. И не всегда реальные итоги революции полностью соответствуют предполагаемой с временной дистанции (*post factum*) «исторической миссии». Таким образом, революции резко обозначают проблему желаемого, возможного и действительного. Не случайно исследователи зачастую используют термин «социальное воображаемое» при объяснении мотивов поведения больших и малых исторических субъектов.

В литературе советского времени революционные действия часто абсолютизировались и идеализировались. Девизом такой тенденции была цитата: «Революции — это локомотивы истории» (К. Маркс). На самом деле в ходе революции на первый план выходит не конструктивная, а разрушительная работа. Революция предполагает радикальный способ трансформации. Поэтому она не может быть абсолютным благом. Ломаются устоявшиеся экономические связи, исчезают, пускай минимальные, гарантии существования. Сопротивление ранее господствовавших сил приводит к кровопролитному и дорогостоящему внутреннему конфликту, усугубляемому, чаще всего, внешним вмешательством. Конструктивный смысл революции становится виден позднее, в исторической перспективе. И, тем не менее, революцию невозможно ни назначить, ни отменить.

Октябрьская революция в России, складывание «мировой социалистической системы» и «холодная война» политизировали до крайности революционную тему, что создало дополнительные *идеологические* трудности для ее исследования. Если в 1920–30-е гг. прочные позиции в мировой историографии революций заняли марксисты или левые историки, то уже в 50–60-е сформировалось направление, стремящееся к «ревизии» (пересмотру) ставшего «классическим» марксистского варианта интерпретации.

Историки «критического направления» или «ревизионисты», как их называли марксисты, подвергли сомнению, во-первых, употребление самого термина «революция» в отношении известных событий в Англии и Франции на том основании, что их современники либо им вообще не пользовались, либо вкладывали в него совершенно иной смысл, нежели К. Маркс и его последователи. Вплоть до Французской революции данный термин чаще употреблялся в астрономии и механике, а не в общественных науках, и означал полный оборот, совершенный по замкнутой траектории. Даже французские просветители, которым приписывается идеологическая подготовка революции, отождествляли этот термин с народным бунтом, хаосом и беспорядком и не видели в революции как таковой никакого позитивного смысла. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если, конечно, учитывать различия между языком эпохи и понятийным аппаратом науки, сложившимся позднее.

Далее, критике была подвергнута идея «революционности» буржуазного класса, сама возможность найти его в Англии XVII века или составить его общие очертания, изучая Францию XVIII века. Здесь некорректно используется то действительное обстоятельство, что процесс формирования классов нового общества не был и не мог быть завершен до промышленного переворота.

Наконец, под сомнение были поставлены итоги и значение революций. «Ревизионисты» не видели разницы между дореволюционным и послереволюционным периодом, либо даже указывали на общественный регресс, сравнивая их. Формальные основания для этого имеются, об этом уже говорилось выше.

Несмотря на привнесенные идеологические спекуляции, дискуссия, развернувшаяся между «классиками» и «ревизионистами», дала положительный эффект. Картина революций предстала более сложной, произошло обогащение новыми фактами, выявились проблемы, еще не решенные наукой.

Раннебуржуазные революции при многих различиях имели некоторые общие черты, связанные с мануфактурной фазой капиталистического развития. Элементы формирующегося буржуазного класса проявляли на определенном этапе способность к самым решительным действиям. Противоречия, свойственные новым общественным отношениям, еще не выявились в полной мере, и это создавало иллюзию всеобщности целей революционной борьбы. Лишь со временем становилось очевидным, что плодами усилий большинства воспользовалось меньшинство общества, а одна форма господства и эксплуатации заменена другой.

Решение *всех* задач и утверждение полноценной буржуазно-демократической модели было исторически невозможно для раннебуржуазных революций в силу переходного характера современных им общественных структур. Переплетение интересов старых и новых собственников, тоска по утраченной стабильности и страх перед низовыми движениями при известных обстоятельствах могли составить почву для компромисса между буржуазией и прежней земельной аристократией, привести к частичной послереволюционной реставрации.

Неоднозначно решение вопроса о роли народных низов (крестьянства и городского плебса) в раннебуржуазных революциях. Избавляясь от феодальной эксплуатации, их представители одновременно лишались привычных сословно-корпоративных прав и привилегий — держательных, цеховых и прочих. Радикальные преобразования ложились тяжким бременем на низшие слои. Поэтому вполне объяснимо, почему низы одновременно составляли и основные движущие силы той или иной революции и массовую базу контрреволюции.

Англия накануне революции. Будучи аграрной страной (четыре пятых населения проживало в деревне, а единственным крупным городом был Лондон, насчитывавший 200 тыс. жителей), Англия кануна революции имела уже сложившийся, хотя и отнюдь не господствовавший капиталистический уклад в *промышленности*. Ведущей ее отраслью являлось сукноделие, ориентированное на внутренний и, что особенно важно, внешний рынок, а главным покупателем грубой и неокрашенной шерсти из Англии — передовая экономическая держава того времени Голландия, доводившая английские

сукна «до ума» и торговавшая ими по всему миру с огромной прибылью для себя.

Преобладающей формой капиталистического производства в Англии была рассеянная мануфактура в сельской местности, где не существовало цеховой регламентации. Организованное городское ремесло под воздействием рынка разлагалось, давая смешанные переходные формы. Внутрицеховая дифференциация превращала разбогатевших мастеров в работодателей, а их подмастерьев и учеников — в наемных рабочих, для которых обрести полноправное членство в корпорации становилось несбыточной мечтой. В результате межцеховой дифференциации выделились корпорации, занимавшиеся конечными операциями в производственном цикле и непосредственно ориентированные на рынок, так называемые «ливрейные компании», где от ремесла осталось одно название, а сутью была торговля. В металлургии, горной добыче и судостроении, а также в новых отраслях — производство бумаги, сахара, стекла — развивалась централизованная мануфактура. В техническом отношении эти отрасли, однако, уступали голландскому и германскому производству.

Англия являлась второй по значению после Голландии морской *торговой* державой. Протяженность ее связей иллюстрируют сами названия торговых компаний: Ост-Индская, Левантийская, Гвинейская, Московская. Последние представляли собой не только богатейшие торговые империи, но и инструменты дипломатической службы и колониальной экспансии. Характерная черта английской внешней торговли того времени — концентрация капиталов в руках кучки воротил лондонского Сити, оттеснивших от прибыльных заморских операций провинциальных и мелких лондонских купцов. Во многом это связано с правительственной политикой торговых монополий, получить которые можно было лишь за большие деньги. Интересы купцов-монополистов, фискальные интересы государства и участвовавшей в дележе прибыли придворной знати смыкались.

Сельское хозяйство Англии, начиная с рубежа XV–XVI века, поддерживало тесную связь с рынком и непрерывно трансформировалось в соответствии с его запросами. Наиболее ярко эта трансформация выразилась в знаменитых «огораживаниях» общинных земель. Быстрый рост цен на шерсть на внутреннем и внешнем рынках заставлял английских землевладельцев (*лендлордов*) искать все новые пространства под пастбища. Овцы «пожрали» людей. Мелкие держатели, кормившиеся за счет общинных угодий, должны были покинуть родные деревни и искать работу на стороне. К этому несчастных понуждали жестокие законы против «бродяг», грозивших тюрьмой и виселицей. Что же до статутов против «огораживаний», то они не могли отменить неумолимых стремлений к выгоде, их исполнение нередко оказывалось в руках самих «огораживателей», а затем штрафы по ним выродились в способ пополнения казны и, того хуже, в узаконенную форму взятки. Экспроприация земельной собственности вела к сосредоточению ее в деятельных руках. Отделение крестьян от земли подрывало господство

натурального хозяйства, расширяло внутренний рынок. Складывался рынок рабочей силы.

В связи с этим в *социальной структуре* предреволюционной Англии обнаруживается разительное «несовпадение классовых граней с сословными» (М.А. Барг). Характерно выделение обуржуазившегося «нового» дворянства (*джентри*). Дворянская элита Англии, изрядно прореженная войной Алой и Белой роз (XV век), в значительной своей части была молодой, прагматичной, открытой, тесно связанной, в том числе семейно-родственными узами, с буржуазией городов. Являясь главным образом землевладельцем и ведя свое хозяйство в соответствии с рыночной конъюнктурой, новый дворянин мог быть одновременно мануфактуристом, судовладельцем, торговцем и т.д. Придерживающееся традиций и хозяйствующее по-феодалному «старое» дворянство часто беднело и со смешанным чувством презрения и зависти смотрело на разбогатевших «выскочек».

Английскую *церковь* реформировал «сверху» король Генрих VIII Тюдор в 1534 г. Из-за отказа папы римского расторгнуть его брак с Екатериной Арагонской, влюбленный в придворную красавицу Анну Болейн, король объявил себя самого главой английской церкви и затем, с очевидной целью пополнить опустевшую казну, конфисковал земли около 700 монастырей. После правления королевы-католички Марии Тюдор (1553–1558), сжигавшей протестантов на кострах (многие из них бежали и нашли приют у «жневского папы» Жана Кальвина), ее преемница Елизавета канонизировала реформацию, утвердив «39 глав» особого *англиканского* вероучения, по догматике близкого к кальвинизму. В то же время, кое-что в англиканской церкви претило его духу. Был сохранен унаследованный от католичества иерархический епископальный строй и не реализованы задачи упрощения и удешевления службы. Требование завершить реформацию, очистив англиканскую церковь от католических пережитков, и составило суть движения *пуритан* (от латинского *purus* – чистый). Часть из них, как правило, люди богатые выступали за централизованную и единообразную церковь. Она состояла бы из общин-конгрегаций во главе с добившимися наибольших успехов в мирских делах старейшинами-*пресвитерами*. Другая, радикальная часть пуритан — *индепенденты* — были противниками любого централизма, воплощающего тиранический принцип, и добивались полной автономии для каждой церковной общины. В силу того, что религиозное мирозерцание оставалось господствовавшим в обществе, именно пуританизм стал идеологией английской революции.

Политическая система английского «абсолютизма» имела ряд особенностей: король не располагал постоянными доходами в виде налогов, постоянной армией и агентами центральной власти на местах. Налоговые прерогативы принадлежали парламенту, собиравшемуся в Вестминстерском дворце и состоявшему из двух палат: верхней палаты — лордов, получавших этот наследственный титул по милости короля или же с епископским саном, и нижней палаты — общин, избравшихся графствами, а также городами и

местечками по праву данных королем хартий. В большинстве своем это были представители джентри.

Наметившийся еще ранее конфликт королевской власти и парламентов особенно обострился при первых правителях из династии Стюартов, Якове I (1603–1625) и Карле I (1625–1649). Нарекания вызывала фискальная и торгово-промышленная политика двора: продажа монополий, предметом которых стали буквально все товары повседневного спроса, имевший те же фискальные цели королевский контроль за качеством производимых товаров, наконец, «*корабельные деньги*» — давно забытый налог, взимаемый когда-то для организации отпора пиратам. Не менее возмутительна в глазах оппозиции была церковная политика Стюартов, лояльных католикам и обрушивших репрессии чрезвычайных королевских судов (Звездная палата и Высокая комиссия) на головы пуритан. Расточительство двора, фаворитизм, губительная, с точки зрения оппозиции, внешняя политика Стюартов, обреченная на неудачу без налоговых санкций парламента, формировали общественное недовольство.

Ход революции. Прелюдией к революции явилось шотландское восстание 1637–1638 гг. и начавшаяся вслед за ним война с Шотландией. В ответ на действия архиепископа Лода по насаждению англиканского молитвенника шотландские пресвитериане заключили ковенант (договор) о защите «истинной веры» и в 1639 г. вторглись на английскую территорию. Созванный 13 апреля 1640 г. (после 11 лет беспарламентного правления) так называемый *Короткий парламент* отказался вотировать необходимые для войны налоги, потребовал наказания «королевских советников» и вступил в самостоятельные переговоры с шотландцами, за что и был вскоре распущен. Но выступления протестующей лондонской черни, движение в провинции и новое наступление шотландцев сделали положение короля безвыходным.

С началом работы созванного 3 ноября 1640 г. так называемого *Долгого парламента* открывается **первый конституционный (мирный) этап** в развитии революции (1640–1642). Парламентарии добились прекращения деятельности чрезвычайных королевских судов и отмены «*корабельных денег*». Были отстранены от власти наиболее ненавистные придворные. В мае 1641 г. под давлением парламента и лондонской черни король дал согласие на казнь своего любимца — графа Страффорда. Члены палаты общин постановили, что они не могут быть распущены иначе как по своему собственному желанию, а в ноябре 1641 г. после долгих дебатов большинством в 159 голосов против 148 утвердили программный документ данного этапа революции — «*Великую ремонстрацию*», выразившую основные требования джентри и городских воротил: ответственное перед парламентом правительство, свобода торговли и предпринимательства, пресвитерианская церковь. Деятельность парламента очевидным образом выходила за пределы традиционной для Англии политической системы. После неудачной попытки ареста лидеров парламентской оппозиции король в январе 1642 г. покинул Лондон и отправился на север, в Йорк. Тянувшиеся около полугода переговоры парламента и короля ни к чему не привели. Стороны готовились к вооруженной борьбе.

22 августа 1642 г. в Ноттингеме король поднял свой штандарт, начался **второй этап** революции — **гражданская война** (1642–1648). Англия фактически раскололась на два лагеря. Опору короля составили придворная аристократия, епископат, «старое» дворянство, обласканная монополиями буржуазия. Королевская армия («кавалеры») была сравнительно немногочисленна, но обладала необходимыми навыками и опытом боевых действий.

За парламент выступили широкие круги буржуазии, «новое» дворянство, плебс и крестьянство. Армия парламента («круглоголовые») была разношерстной — наемники и ополчения графств, — она не имела централизованного обеспечения и командования, хромала дисциплина, опытных бойцов не хватало. Но существовали и политические причины слабости — разногласия в парламентском лагере относительно стратегии действий. Парламентарии-пресвитериане считали ненужной и опасной решительную победу над королем и делали главную ставку на переговоры. Лишь после принятия «*билля о самоотречении*», воспретившего парламентариям занимать командные посты (исключение было сделано лишь для прославившего свое имя на ратном поле Оливера Кромвеля), и создания регулярной армии «*новой модели*» «круглоголовые» взяли верх над «кавалерами». В 1646 г. Карл I сдался союзным парламенту шотландцам. *Первая гражданская война закончилась.*

Послевоенная ситуация в Англии характеризовалась резкими общественными контрастами. Пресвитерианская верхушка, обладавшая большинством в парламенте, в общем добилась того, чего хотела. Ее представители увеличили свои состояния за счет конфискованных у лиц, сражавшихся на стороне короля, имуществ, за счет спекулятивных операций, выгодных займов, налоговых откупов и просто в результате взяточничества и казнокрадства. Пресвитерианская церковь установила свое господство. Наконец, лендлорды превратили свои угодья в безусловную частную (буржуазную, по существу) собственность, ликвидировав в 1646 г. так называемое *рыцарское держание*, то есть обязанности феодала по отношению к верховному собственнику земли — королю (заменяющие службу «щитовые деньги», «помочи» сеньору, «рельеф», выплачивавшийся при вступлении в права наследования, и обременительную систему опеки). С другой стороны, парламентарии отказались что-либо менять в условиях временного крестьянского держания по «копии» (грамоте). Правовое и фактическое положение большинства английского крестьянства, *копигольдеров*, сделалось предметом произвола земельных собственников. Оставалось закрепить все эти успехи соглашением с королем.

Парламентские индепенденты и их сторонники в офицерской среде («*гранды*», «*шелковые индепенденты*»), наиболее видным представителем которых был Кромвель, считали необходимым пойти несколько дальше в деле обеспечения религиозной свободы и реформирования избирательной системы. Но по сравнению с требованиями снизу их предложения выглядели паллиативами.

Война привела к катастрофическому обнищанию народных масс. Причины тому — нарушение торгово-хозяйственных связей и безработица, введенные для финансирования армии *акцизы* на товары повседневного спроса, армейские реквизиции и поборы. Центром общественного недовольства стала армия «новой модели». В большинстве своем она состояла из вчерашних крестьян и ремесленников, принадлежавших к самым радикальным протестантским сектам. Планы пресвитерианской верхушки по роспуску армии, не получившей полагавшегося жалования, положили начало *конфликту армии и парламента*.

Армия, избравшая себе в лидеры полковых *«агитаторов»*, потеряла управляемость, а после захвата артиллерии и короля, с которым пресвитериане намеревались сторговаться, превратилась в альтернативный центр силы, вполне способный заменить парламент. Программные требования «агитаторы» заимствовали из памфлетов политических *левеллеров* (уравнителей), самым известным из которых был Джон Лильберн. Суть этих требований окончательно сформулировалась в документе, названном *«Народное соглашение»*: роспуск парламента и новые всеобщие выборы для мужчин с 21 года; ликвидация палаты лордов и королевской власти; отмена акцизов, монополий, церковной десятины, сословных привилегий; налог на имущество; свобода совести; возвращение огороженных общинных угодий; правовая реформа, дающая юридические гарантии и защиту неимущим. Эта демократическая, не выходящая ничуть за рамки буржуазной революции, альтернатива, отражавшая интересы мелких собственников, не получила развитие, благодаря тому, что «грандам» в лице популярного в армии Кромвеля удалось возглавить и... обезглавить ее.

В ходе скоротечной *второй гражданской войны* (1648) армия Кромвеля ликвидировала вновь появившиеся в графствах очаги контрреволюции, а в декабре того же года провела *«прайдову чистку»* парламента (по имени руководившего ею полковника Прайда), изгнав из него 140 пресвитериан, которые добивались за спиной армии соглашения с королем. Воспринявшие левеллерскую идею ликвидации монархии и имеющие теперь большинство в парламенте, «гранды» распустили палату лордов, провели суд над королем и приговорили его к смертной казни, приведенной в исполнение 30 января 1649 г.

Английская республика (1649–1653) — *третий этап* в развитии революции. К власти пришло индипендентское *«охвостье»* Долгого парламента, контролировавшее высший исполнительный орган страны — Государственный совет и армию. Индипенденты не внесли изменений в налоговую политику, оставив важнейшим источником государственных доходов обременительные для низов акцизы, не дали обещанных ранее политических свобод и правовых гарантий, продолжили начатые пресвитерианами преследования радикальных сект и левеллеров (Лильберн, опубликовавший памфлет «Новые цепи Англии. Часть II» с критикой индипендентов, оказался в тюрьме). Республика означала олигархию, диктаторскую власть сельских сквайров и городских буржуа. Индипенденты

повторили пресвитерианский путь коррупции и казнокрадства, подменяя государственные интересы корыстными.

В начале Республики возникла новая по своей социально-политической тенденции оппозиция «*истинных левеллеров*», главным идеологом которых был Джерард Уинстенли. Отличая свои требования от программы прежних левеллеров, «истинные» заявляли, что настоящее равенство людей не может быть достигнуто в политической плоскости — необходимо равенство в праве пользования землей. На практике этот постулат реализовывало движение «*диггеров*» (копателей), имевшее исключительно мирный характер. «Диггеры» занялись распашкой пустошей, то есть еще «незанятых» земель, но были обвинены в нарушении права собственности и разгромлены. Казнь короля и движение «диггеров», отразившее чаяния наиболее обездоленной части крестьянства и плебейства, историки-марксисты выделяют как *высшую точку* в развитии революции.

В 1649–1650 гг. Кромвель, предводительствуя армией, осуществил карательный поход против ирландцев-католиков, поднявшихся на восстание еще в начале деятельности Долгого парламента. «Зеленый остров», по сути, стал ближайшей английской колонией. Две трети его земель получили кредиторы парламента и армия в счет задолженного жалования. После Ирландии прославленный генерал отправился в Шотландию, провозгласившую своим королем Карла II, сына казненного англичанами Карла I. Этот поход стал пиком военных успехов Кромвеля. Сражения при Денбаре и Вустере соответственно 3 сентября 1650 и 1651 гг. — самые громкие из всех его побед.

Внешнюю политику Республики хорошо характеризуют принятие «*Навигационных актов*» 1650 и 1651 гг., защищавших английскую морскую торговлю и рыболовство от более сильных голландских конкурентов, а также война на море с Голландией, не захотевшей признать эти Акты, и с докучавшими английским мореплавателям французскими пиратами. Соответствовавшая торгово-колониальным интересам пришедших к власти общественных слоев, эта политика противоречила интересам низов — они оплачивали строительство флота и содержание разросшейся армии.

20 апреля 1653 г. Кромвель разогнал замкнувшееся на себе «охвостье» Долгого парламента. По его собственным словам, «даже ни одна собака не твякнула». Установление режима *Протектората*, последнего *четвертого этапа* в развитии революции (1653–1659), — результат противоречий между правящими верхами и народными низами, генералитетом и парламентариями. Лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии Кромвель, обретший власть и не снившуюся английским королям, должен был спасти собственников и от прокоролевских мятежей и от радикализма низов. Но преодолеть вызванный революцией экономический и общественный кризис он до конца не смог. Режим покоился не только на силе, но и на личном авторитете генерала, и после его смерти 3 сентября 1658 г., доставшийся по наследству неавторитетному сыну, он вскоре рухнул.

Итоги и значение английской революции. В мае 1660 г. на английский престол возвратилась династия Стюартов. В Лондон торжественно въехал

король-эмигрант Карл II. Была восстановлена палата лордов, королевская администрации (кроме чрезвычайных судов) и епископальная церковь. Но это не значит, что все перемены предыдущих лет оказались перечеркнуты, и эпоха революции — это «черная дыра» английской истории. Напротив, революция предопределила и судьбу *Реставрации* (1660–1688), и дальнейший ход исторического развития.

Процесс «первоначального накопления капиталов» и превращения собственности лендлордов в буржуазную был узаконен. Торгово-промышленная, фискальная и колониальная политика Республики и Протектората получила продолжение при поздних Стюартах. Раннее начало промышленного переворота в Англии (1760-е гг.), превращение ее в «мастерскую мира» и «владычицу морей» неразрывно связаны с итогами революции.

После всего, что произошло в Англии в годы революции, королевская власть уже не могла быть чем-то неприкосновенным. Наступление на нее в парламенте стало делом привычным. Политические платформы и споры эпохи революции явились источником идей для оппонентов королевской власти и будущих английских просветителей. Именно потому, что в середине века Англия уже пережила кровавую революцию, его конец ознаменовался не столь кровавой *Славной революцией* (1688–1689), государственным и династическим переворотом¹, заложившим основы английской парламентарной монархии, гражданских свобод и религиозной терпимости.

Вопросы

1. В чем проявился переходный характер социальной структуры Англии накануне революции? Какие особенности исторического пути ее предопределили?
2. Наличие абсолютистского режима в Англии вызывает сомнения среди историков. Чем они обусловлены?
3. Какие политические силы вступили в противоборство в период Английской революции? Охарактеризуйте их цели и социальный состав?
4. Почему индепендантам-грандам и их лидеру Кромвелю удалось одолеть политических врагов и удерживать власть в течение десяти лет? Какие их действия подготовили Реставрацию?
5. Как религиозный вопрос соотносится с социально-политическими проблемами пореволюционной Англии?
6. Какое значение для дальнейшего развития Англии имела отмена «рыцарского держания»?

Литература

Английская буржуазная революция XVII века. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. 494 с. Т. 2. 384 с.

¹ Объединившиеся для отпора королю-католику Якову II (1685–1688) парламентские оппоненты «виги» и «тори» призвали на английский престол голландского принца Вильгельма Оранского, женатого на дочери его брата-предшественника Марии.

- Барг М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Мысль, 1991. – 397 с.
- Барг М.А., Черняк Е.Б.* Великие социальные революции XVII – XVIII веков. – М.: Наука, 1989.
- Кислица Н.А.* Английская буржуазная революция середины XVII века. Практикум по Новой истории. Ч. 1. – М.: Учпедгиз, 1963. – 268 с.
- Ковард Б.* Оливер Кромвель. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 320 с.
- Лавровский В.М.* Сборник документов по истории Английской буржуазной революции XVII в. – М.: Высшая школа, 1973. – 342 с.
- Малиа М.* Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. – М.: РОССПЭН, 2015. – Ч. II. Гл. 6.
- Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII – XVIII вв. / Под ред. В.Г. Сироткина. – М.: Высшая школа, 1990. – 301 с.
- Эйлмер Дж.* Восстание или революция? Англия 1640–1660 гг. – СПб.: Алетейя, 2004. – 264 с.

Война североамериканских колоний за независимость и образование США

Английские колонии в Северной Америке заметно отличались от колоний французов или голландцев — по большей части торговых факторий — тем, что они имели характер постоянных поселений, и поток иммигрантов в них постоянно расширялся. В Англии динамично шел процесс «первоначального накопления капиталов», заставивший огромные массы людей искать новое «место под солнцем». Наиболее сплоченную и активную часть переселенцев составили бежавшие от преследований пуритане. Они видели в Америке «землю обетованную» для «избранного народа», то есть правоверных кальвинистов.

С конца XVII века Англия перестала быть основным источником иммиграции в колонии. Люди со всей Европы отправлялись сюда, спасаясь от нищеты и войн, политических и религиозных преследований. В смешении разных культур, на новой земле, отрезанной океаном от Старого Света, рождалась культура американской нации, сплоченной общностью судьбы и интересов.

Тринадцать колоний вытянулись узкой полосой вдоль атлантического побережья. Северная группа колоний — *Новая Англия* — включала Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд. Она имела укоренившиеся пуританские традиции и буржуазные экономические основы: фермерское сельское хозяйство, развитые деревообработку и судостроение, железоделательные и ткацкие мануфактуры. Огромные доходы давала *«треугольная» торговля*: патоку с сахарных плантаций Вест-Индии привозили в Новую Англию, где из нее делали ром, который в свою очередь везли в Африку для обмена на черных рабов, находивших сбыт в той же Вест-Индии и Америке.

В *среднеатлантической* группе колоний (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр) состав населения был наиболее мозаичным, а крупные плантационные зерновые хозяйства соседствовали с мелкими фермерскими. В *южных* колониях (Виргиния, Мэриленд, Северная и Южная Каролины, Джорджия) господствовали рабовладельческие плантации. Выращивавшиеся здесь табак, хлопок, рис, индиго (естественный краситель) отправлялись в Англию, откуда не имевшие собственной промышленности южане получали все необходимые товары.

В отличие от Европы феодальный уклад не имел в колониях прочных позиций, и их хозяйство сразу стало развиваться (впрочем, рабовладельческие плантации — это иной случай), в основном, по-буржуазному. Установлению феодальной монополии на землю, к чему стремились представители королевской администрации, аристократы, получившие колонии в дар от короны, и крупные собственники, препятствовало обилие свободных земель. Арендаторы земель латифундиста принуждались к выплате феодальной по существу *квит-ренды*, но наиболее отважные соискатели шли на необжитые земли Запада, где им не было хозяина. Их называли «пионеры» или *сквоттеры*

(«сидящие на корточках»). Прямой и скрытый (неадекватный торговый обмен) грабеж индейцев, эксплуатация черных и белых рабов (*сервентов*, отработавших свое путешествие за океан), контрабанда и работорговля способствовали «первоначальному накоплению капиталов» в колониях. Складывался, хотя и не без проблем, основанный на разделении труда единый хозяйственный организм.

Колониальные администрации, главами которых являлись назначенные короной губернаторы, из-за удаленности от метрополии, отсутствия вооруженных сил и узости социальной опоры (ею могла быть только земельная аристократия) вынужденно делили власть с избранными населением законодательными ассамблеями (*легислатурами*). Их роль и значение определялись контролем за налогами и бюджетом.

Не обремененная историческими традициями Америка представляла собой наиболее пригодный материал для просветительского проекта общества, построенного свободными людьми по законам «здравого смысла».

Конфликт колоний с метрополией к середине XVIII века стал неизбежен. Америка виделась из Лондона лишь как источник дешевого сырья и выгодный рынок сбыта английских товаров, но к этому времени колониальная промышленность превратилась в серьезного конкурента и прежние принципы отношений были поставлены под угрозу.

Противоречия особенно обострились после Семилетней войны (1756–1763), в ходе которой Англия отобрала у Франции Квебек (Канада) и земли в долине реки Миссисипи. Под предлогом недопущения конфликтов с индейцами, английские власти воспретили колонистам с побережья селиться западнее Аллегантских гор, что ущемляло интересы фермеров и было на руку лишь кучке земельных магнатов. В колониях размещались войска (на случай индейских восстаний), содержать которые обязывались местные жители. Облагался пошлиной ввоз патоки и предметов роскоши, был остановлен выпуск бумажных денег и введен гербовый сбор на все документы и печатные издания.

Англия стремилась переложить часть расходов по войне на колонистов и одновременно добиться большего контроля над колониями. Эти меры вызвали взрыв общественного недовольства: купцы объявили бойкот английским товарам, колонисты нападали на налоговые конторы, жгли гербовую бумагу, формировались тайные организации «Сыны и дочери свободы». Лозунгом сопротивления стал принцип: «Нет налогов без представительства». Ведь американцы не имеют своих представителей в английском парламенте, почему же он может накладывать на них налоги?

Метрополия временно отступила, но затем ввела новые налоги на ввоз в колонии стекла, бумаги, свинца, чая. На этот раз дело дошло до кровавой стычки в Бостоне, портовом городе Массачусетса, в марте 1770 г., когда было убито шестеро человек. Лондон отменил все налоги, за исключением налога на чай, ввозившегося Ост-Индийской компанией. Тем не менее, решительно настроенные колонисты считали, что вопрос необходимо решить в принципе, и пошли на обострение конфликта. В декабре 1773 г., переодевшись индейцами,

группа радикальных патриотов проникла на корабли, привезшие в Бостон индийский чай, и отправила груз за борт, в море. В наказание за «*бостонское чаепитие*» Англия закрыла порт и ограничила права самоуправления Массачусетса, но его поддержали другие североамериканские колонии. Их территории покрыла сеть «комитетов связи», располагающих кадрами добровольцев-*минитменов*, готовых, если потребуется, выступить «в минуту». В сентябре 1774 г. в Филадельфии (Пенсильвания) собрался *Первый Континентальный конгресс*, который, выразив верноподданнические чувства королю, вместе с тем подтвердил принцип «нет представительства — нет налогов». Конфликт находился на грани вооруженной борьбы.

Война за независимость началась весной 1775 г. и колониальное общество оказалось расколото надвое: *патриотов*, включившихся в борьбу с метрополией (их радикальную часть составили фермеры и трудовые слои горожан, а умеренную — торгово-промышленная буржуазия, заинтересованная в экономической эмансипации, и плантаторы, стремившиеся к продвижению на Запад), и верных Англии *лоялистов* (земельная аристократия, чиновничество, торговцы, связанные с рынком метрополии). Черные рабы, в надежде обрести свободу, участвовали в войне с обеих сторон. Индейцы помогали Англии, обещавшей сохранить их земли.

Под влиянием событий войны и охватившего колонии революционного подъема собравшийся вновь в Филадельфии *Второй Континентальный конгресс* избрал главнокомандующим американской армией плантатора из Виргинии *Джорджа Вашингтона*, а 4 июля 1776 г. утвердил составленный *Томасом Джефферсоном* текст *Декларации независимости*. Помимо провозглашения нового государства — Соединенных Штатов Америки — этот документ содержал лаконичное изложение основных идей политической философии Просвещения и заявлял о неотъемлемых правах человека «на жизнь, на свободу и на стремление к счастью». Со временем Конгресс отменил квит-ренту, титулы и звания, узаконил сквоттерство и ликвидировал запрет на поселения за Аллегантскими горами. Имущество лоялистов подлежало конфискации и распродаже. Солдатам выдавались сертификаты на право получения 100 акров земли на Западе.

Соотношение сил первоначально было не в пользу американцев. Великая колониальная держава, Англия обладала огромными материальными ресурсами, сильнейшим флотом и обученной армией. Напротив, патриоты не имели единой военной организации, были плохо обучены и вооружены. В их рядах действовали английские шпионы. Значительная часть лоялистов воевала на стороне метрополии. Между тем, благодаря высокому моральному духу бойцов, полководческому дару Вашингтона, помощи французов и просчетам английских генералов американцы доказали, что они могут бить англичан.

Следствием этих побед стало объявление войны Англии Францией, Испанией и Голландией, надеявшимися воспользоваться удобным случаем и взять реванш за прежние поражения. В 1780 г. Россия, отказавшаяся помочь англичанам, провозгласила *вооруженный нейтралитет* с правом перевозить на своих судах любые товары воюющих стран, исключая оружие. Таким

образом, Англия расширила фронт своих врагов и оказалась в дипломатической изоляции. В 1783 г. по *Версальскому договору* она признала независимость США.

Принятие Конституции США и Билля о правах. Война нанесла тяжелый урон экономике штатов и легла грузом налогов и инфляционных займов на простых людей. Ветераны войны, фермеры и горожане становились жертвами спекулянтов и ростовщиков, попадали в долговые тюрьмы. По штатам прокатилась серия волнений на экономической почве, наиболее крупным из которых было восстание в Массачусетсе во главе с отставным капитаном Дэниэлом Шейсом.

Не менее остро стояли и политические проблемы. Соединенные Штаты являлись пока лишь номинальным образованием, конфедерацией с бессильным центром. Отдельные штаты, провозгласившие независимость и принявшие конституции, самостоятельно назначали налоги и пошлины, осуществляли денежную эмиссию, имели свои вооруженные силы и даже вели внешнюю политику. Сепаратизм штатов препятствовал развитию торговли и судоходства, обеспечению правосудия, угрожал территориальными конфликтами между ними. Зато в конституировании государственного единства виделось решение и социально-экономических проблем в том числе.

В 1787 г. *Конституционный конвент* в Филадельфии после трудных четырехмесячных дискуссий принял текст Конституции США, действующей с учетом поправок и поныне. В ней нашли последовательное воплощение известные принципы *разделения ветвей власти* и их ограничения *системой «сдержек и противовесов»*.

Законодательная власть представлена в Конституции *Конгрессом*, состоящим из двух палат. Верхняя — *сенат* — обеспечивающая равное представительство штатов, избиралась (до начала XX века) их легислатурами, нижняя — *палата представителей* — мужским населением с цензовыми ограничениями на пропорциональной основе. Конгресс получил полномочия в сфере налогов и бюджета, военной и внешнеполитической. Он утверждает высшие назначения и может в результате расследования отстранить от власти любого государственного чиновника вплоть до президента (процедура *импичмента*). С другой стороны, законодательство конгресса подлежит утверждению *Президентом*. Он избирается сроком на четыре года и, будучи главой *исполнительной* власти и всего государства, является также главнокомандующим, назначает (с согласия сената) членов *Верховного суда*. Последний со временем приобрел исключительное право толкования Конституции США, контролируя, соответствуют ли ей решения законодательной и исполнительной власти.

Ратификация Конституции штатами сопровождалась острой борьбой ее сторонников — федералистов и противников — антифедералистов. Идеологи первых (Дж. Мэдисон, Дж. Джей, А. Гамильтон), выступая за сильную центральную власть, выражали потребности промышленного и торгово-финансового капитала, заинтересованного в едином внутреннем рынке и протекционистской поддержке государства. Антифедералисты, среди которых

оказался, например, Т. Джефферсон, требовали учитывать местные интересы, указывали на возможный деспотизм центральной власти, особенно в налоговой области, ссылаясь на опыт борьбы с метрополией. Их социальной базой были фермеры, средние городские слои и «низы», а также часть плантаторов.

Сильной стороной критики антифедералистов являлось отсутствие в Конституции США гарантий гражданских прав и свобод, провозглашенных конституциями штатов. Поэтому-то в 1789 г. были сформулированы и утверждены первые 10 поправок к Конституции — Билль о правах. Они декларировали свободу слова и вероисповедания, безопасность личности и имущества, обеспечение законности в судопроизводстве. Билль о правах снизил накал межпартийной борьбы и стал наряду с Декларацией независимости символом американской политической культуры.

Война североамериканских колоний за независимость привела к возникновению в Новом Свете свободно и динамично развивающейся республики, осуществляющей успешную экспансию вглубь континента. Дешевая распродажа переданных в общегосударственный фонд земель на Западе открыла путь *американского (фермерского)* развития капитализма в сельском хозяйстве, привлекательный для многочисленных иммигрантов из Старого Света. А растущий внутренний рынок и свобода предпринимательства стали стимулами для промышленного и торгового подъема. Война за независимость заложила традицию американского эгалитаризма (от французского *égalité* — равенство). Он суть великой американской мечты об обществе равных возможностей, об успехе, достигнутом свободным трудом на свободной земле. От этой революционной эпохи следует вести родословную всех демократических движений в США, в том числе и за отмену рабства на Юге страны, не реализованную в ходе войны с метрополией (рабство было отменено лишь в северных штатах).

Опыт Войны за независимость, а также имперский кризис в Испании и Португалии повлекли за собой в XIX веке серию новых освободительных войн в Южной и Центральной Америке. Их возглавляли местные креольские элиты¹ под национально-просветительскими лозунгами. Победы над дряхлеющими империями увенчались возникновением ряда независимых государств: Мексики, Венесуэлы, Боливии, Аргентины, Перу, Чили, Бразилии и др. Однако ни одной из них не удалось повторить успеха США, поскольку победившие собственники сохранили полуфеодальные системы эксплуатации — наследие колониальных времен, — а политические режимы прятали авторитаризм под личиной демократии (феномен латиноамериканских каудильо).

США дипломатически поддержали национально-освободительную борьбу своих соседей, провозгласив принцип «Америка для американцев», и воспрепятствовали интервенции Священного союза в 1823 г., планировавшейся для спасения испанских колониальных владений. В дальнейшем эта панамериканская «доктрина Монро» (по имени тогдашнего президента США)

¹ Потомки ранних выходцев из метрополий, смешавшиеся с местным населением.

стала основой для оправдания собственного вмешательства Вашингтона в дела Нового Света.

Вопросы

1. США нередко называют продолжением Западной Европы. А чем принципиально отличались стартовые условия революции в Новом Свете? Какие обстоятельства способствовали сплочению американской нации?
2. Американская революция происходила в форме национально-освободительной войны. Нет ли здесь противоречия, если учитывать, что Англия в то время была передовой державой мира?
3. Почему по многим объективным параметрам более слабым американским колонистам удалось одержать верх над могущественной Британией?
4. Можно ли трактовать конфликт между федералистами и антифедералистами в США как искушение Реставрацией? Почему в Новом Свете стало возможно утверждение республиканского строя?

Литература

- Война за независимость и образование США / Под ред. Г.Н. Севастьянова. – М.: Наука, 1976. – 349 с.
- История США: В 4 т. Т. 1. / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 1983. Раздел I.
- История США. Хрестоматия: пособие для вузов / Сост. Э.А. Иванян. – М.: Дрофа, 2005. – С. 5–51.
- Каримский А.М.* Революция 1776 года и становление американской философии. – М.: Мысль, 1976. – 296 с.
- Согрин В.В.* Основатели США. Исторические портреты. – М.: Наука, 1983. – 176 с.
- Степанова О.Л.* 4 июля 1776. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 192 с.
- Яковлев Н.Н.* Вашингтон. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 416 с.

Французская революция конца XVIII века. «Наполеоновские войны»

Франция накануне революции. Ancien Régime — *Старый порядок* — таково принятое среди историков обозначение системы отношений, царившей во Франции до 1789 г. Кризис Старого порядка и определил предпосылки разразившейся в конце «века Просвещения» революции.

На исходе XVIII столетия Франция оставалась *аграрной* страной. 85 % ее населения — в основной своей массе зависимые крестьяне — проживало в деревне. Процесс отделения непосредственного производителя от средств производства шел во Франции гораздо медленнее, чем в Англии, где крестьян к этому времени почти не осталось. Указанное отличие диктовалась в первую очередь двумя связанными между собой особенностями Франции: сословно-сеньориальным строем и налоговой системой.

Как правило, французские крестьяне были лично свободны (исключение составляли примерно миллион *сервов*-крепостных на севере страны), и за отсутствием барской запашки, не заняты в хозяйстве феодала. Лишь как пережиток в ряде мест сохранилась занимавшая чаще всего не более 4–5 дней в году барщина. Крестьяне обременялись поземельными повинностями в пользу верховного собственника земли — *сеньора* (на севере преобладала сравнительно легкая денежная повинность, ценз или *чиньи*, а на юге — плата долей урожая, *шампар*), сборами за сделки с землей (*казуальные платежи*), а также многочисленными феодальными *баналитетами* (монополиями). Сеньор мог обладать исключительными правами на мельницу, давальню винограда, на выпечку хлеба, рыбную ловлю и т.д. За все следовало платить. Судебные прерогативы сеньора и обязательные для крестьян проявления преклонения перед ним довершают картину сеньориального строя во французской деревне.

Крестьяне несли также повинности в пользу церкви, и именно на них падал основной налоговый груз. Население Франции делилось на сословия: *привилегированные* (духовенство и дворянство) и *третье сословие*, объединявшее всех остальных жителей страны. Первые два сословия освобождались от главного прямого налога (*талы*) и с нарушениями, либо с узаконенными льготами выплачивали два других — подушную подать (*капитацию*) и *двадцатину*. Но особенно велика была роль косвенных налогов, взимавшихся к тому же со злоупотреблениями *откупщиками*. Заложенные в цене товара налоги, например, соляная *габель*, являлись способом переложить налоговое бремя на малоимущие слои населения. Государство не было заинтересовано в полной экспроприации основного плательщика налогов. Однако следствием такого распределения государственных платежей стало прогрессирующее расслоение крестьянства: выделялась верхушка, эволюционирующая в направлении капиталистического фермерства («пахари») и малоземельная и безземельная часть деревни («работники», «слуги»), вынужденная арендовать землю за долю урожая.

Традиционный «кодекс чести» французского дворянина характеризовал как постыдное и презренное занятие хозяйственную деятельность. Правда,

современные исследователи указывают на существование даже в среде родовитого «*дворянства шпаги*» делового слоя, владельцев шахт и мануфактур, дворян, занимавшихся торговлей и финансовыми операциями. Не стоит забывать и то, что либеральные просветительские идеи получили поддержку и распространение в среде аристократической элиты. Однако более характерен для Франции старого порядка процесс «одворянивания» буржуазии, покупавшей, чтобы войти в верхние слои общества и получить стабильный доход в виде узаконенных чиновничьих поборов, государственные должности и грамоты на дворянство («*дворянство мантши*»).

Городские буржуа охотно помещали свои капиталы в земельную собственность. Но лишь меньшая их часть организовывала в деревне хозяйства с привлечением наемного труда, ориентированные на продовольственные нужды крупных городов. Большинство из них становилось «*генеральными фермерами*», откупщиками феодальных платежей, оказывавшими также ростовщические услуги и сдававшими землю в аренду на кабальных условиях. Новые буржуазные отношения переплетались с феодальными способами эксплуатации.

Своеобразным проявлением кризиса сеньориального строя во Франции стала «*феодалная реакция*», которая активизировалась во второй половине XVIII века. Дворяне, стремясь увеличить доходность сеньории, то есть реагируя на вызов рынка, пытались восстановить давно забытые повинности и расширить размеры принадлежавших им земель за счет права *триажа*, права отчуждения феодалом трети общинных угодий, с тем чтобы потом сдавать их в аренду тем же крестьянам. В результате обострились социальные конфликты. Одно из подтверждений этого — восстание «вооруженных масок» или «*маскаратов*», громивших в начале 1780-х гг. судебные и нотариальные конторы, обслуживавшие интересы сеньоров.

Французская *промышленность* накануне революции основывалась на ручном труде — применение машин было пока эпизодическим, — в ней преобладали ремесленники и сельские кустари, попавшие уже, правда, в зависимость от капитала. Господствующей формой буржуазной организации труда являлась рассеянная мануфактура в текстильных отраслях: производство сукон, хлопчатобумажных изделий, шелковой нити. Централизованные мануфактуры организовывались чаще всего в угледобыче, металлургии и оружейном деле, хотя были они и в легкой промышленности. Особое место занимало производство предметов роскоши, в котором Франция, уже тогда безусловная законодательница мод, не знала себе равных.

Промышленному и торговому росту препятствовали цеховые регламенты, внутренние таможенные барьеры и внешние ограничения, запутанное административное деление, различные системы мер, веса и средств платежа, низкие покупательские возможности основной массы населения. Государственная опека (предоставление отдельным предприятиям статуса «*королевских мануфактур*») защищала французскую промышленность от натиска из-за Ла-Манша, но она же сковывала предпринимательскую инициативу, затрудняла внутреннюю конкуренцию и открывала простор для

чиновничьих злоупотреблений. Англо-французский договор 1786 г. о взаимном понижении таможенных платежей сыграл во Франции на руку лишь экспортерам предметов роскоши, вин и т.п., а более всего англичанам с их дешевыми товарами. Начался торгово-промышленный кризис, усугубивший и без того напряженную ситуацию накануне революции.

Больших успехов при старом порядке добилась французская внешняя *торговля*. Крупнейшими ее центрами в средиземноморском бассейне был Марсель, а на Атлантике — Бордо, Нант и Гавр, торговавшие в колониях. Однако главным экономическим центром являлся Париж — в нем концентрировались финансовые ресурсы страны. Обосновавшиеся здесь банкиры и *финансисты* (откупщики косвенных налогов), составляли слой наиболее привилегированной буржуазии, тесно связанной экономическими интересами с государством и его фискальной системой.

Прежде могущественная французская *монархия*, располагавшая самой крупной на континенте армией, переживала в правление Людовика XV (1715–1774) и его преемника Людовика XVI состояние упадка. Роскошь двора, фаворитизм, дорогостоящие, но неудачные войны подорвали государственный бюджет, вызвав тяжелый финансовый кризис (к 1788 г. государственный долг составил 4,5 млрд ливров), а попытки выйти из него путем частичных реформ в сфере налогов натолкнулись на ожесточенное сопротивление привилегированных.

Французский король обладал большой полнотой власти и в принципе мог назначать налоги, ни с кем не советуясь. Однако высшие судебные палаты страны, *парламенты*, аристократические по составу, пользовались правом высказывать свое мнение о соответствии законов короля правовым традициям и обычаям Франции. Дворянская оппозиция реформам не была однородна по характеру, но в большинстве своем парламентарии защищали налоговые и политические привилегии. «*Возмущение дворянства*», вместе с тем, стало особым явлением революционной ситуации во Франции. Волею обстоятельств и в результате тактических усилий парламентариев, демагогически заявлявших о защите «народных прав», сложилась более широкая оппозиция абсолютизму. Протесты привилегированных против «деспотизма короля» поддержало третье сословие — либеральная буржуазия и *санкюлоты* (то есть городские низы; *les sans-culots* — те кто носит длинные штаны, а не короткие — кюлоты — как представители верхних слоев). Монархия вынужденно пошла на созыв сословных представителей, *Генеральных штатов*, не собиравшихся с 1614 г., с двойным представительством на них третьего сословия — 600 депутатов, а от привилегированных — по 300.

Начало революции. Выборы в Генеральные штаты сопровождал небывалый общественный подъем: составлялись указы депутатам, публиковались многочисленные памфлеты и брошюры. Автор одной из них аббат Сийес трактовал третье сословие как единую нацию, выводя за рамки этого понятия привилегированных. Он призывал эту нацию занять подобающее ей место в государстве — так формулировалась ближайшая задача революции.

Генеральные штаты, заседания которых открылись 5 мая 1789 г. в зале Малых забав загородной резиденции французских королей в Версале, сразу показали свой строптивый нрав. Депутаты от третьего сословия («общины») отвергли предложенный сверху традиционный принцип заседаний и голосований по сословиям, так как он означал преобладание привилегированных — двое против одного. 17 июня они объявили себя *Национальным собранием*, высшим законодательным органом страны. «Общины» пригласили остальных депутатов влиться в него и призвали народ не платить налоги, если только король их распустит. Обнаружив 20 июня зал Малых забав закрытым под предлогом ремонта, Собрание отправилось в Зал для игры в мяч, где была произнесена клятва в том, что депутаты не разойдутся, пока не выработают для Франции конституцию. В конце концов, король уступил, предложив всем остальным депутатам соединиться с «общинами». 9 июля было провозглашено *Учредительное национальное собрание*, с тем чтобы подчеркнуть этим новым названием его основную цель — создание конституции. Речь шла о значительных переменах в общественном и государственном строе Франции.

Тем временем монархия готовилась к контратаке. К Парижу стягивались войска, которые должны были обеспечить порядок при роспуске депутатов. Но когда король начал действовать, отправив в отставку либерального министра Неккера, в Париже вспыхнуло народное восстание. Его кульминация — взятие крепости Бастилия, политической тюрьмы и символа абсолютизма — *14 июля* отмечается теперь как национальный праздник Франции.

Благодаря восставшему народу Учредительное собрание одержало победу. Король отозвал войска из Парижа и вверил ему свою безопасность. Оскорбленные трусостью сюзерена реакционные аристократы положили начало контрреволюционной эмиграции. По всей стране прокатились волны «муниципальной» и «аграрной революции». По примеру Парижа в городах формировались органы местного самоуправления (муниципалитеты) и отряды самообороны — *Национальная гвардия*. В деревнях крестьяне уничтожали документы феодальной собственности и жгли дворянские замки. Это движение получило название «*война против замков*».

Тогда на ночном заседании Учредительного собрания 4 августа, по инициативе либеральных аристократов, были приняты решения о безвозмездной отмене всех повинностей, вытекающих из личной зависимости крестьян (серваж, право «мертвой руки»), церковных платежей, всех сословных и прочих привилегий. Оценившие революционность этих решений современники окрестили заседание «*ночью чудес*». Правда, поземельные («реальные») повинности крестьян подлежали выкупу, условия которого еще предстояло выработать, а о безземельных и малоземельных крестьянах речь и вовсе не шла.

26 августа Собрание проголосовало за преамбулу конституции — «*Декларацию прав человека и гражданина*», провозгласившую важнейшие ценности просветительского символа веры: гражданское равенство, «естественные» права и свободы человека, народный суверенитет.

В ходе своей работы Собрание разделилось на *правых* и *левых*: названные группировки рассаживались обычно по разные стороны от стола председательствующего. Первые (реакционное дворянство и духовенство) стояли за монархию в прежних формах либо с самыми незначительными изменениями. Их называли еще *роялисты* (от французского *roi* — король). Вторые, их было большинство, выступали за ограничение монархии конституцией и передачу законодательных прав представительному органу. Эти *умеренные конституционалисты* (крайне левых насчитывалось лишь несколько человек) выражали интересы верхушки третьего сословия в блоке с либеральными аристократами. Их целью была осторожная политическая реформа, не ущемляющая по большому счету, интересов собственников. Лидерами умеренных конституционалистов являлись маркиз Лафайет, прославившийся участием в Войне североамериканских колоний за независимость (он возглавил Национальную гвардию), и граф Мирабо.

Между тем, король отказался утвердить как решения «ночи чудес», оформленные в декретах 5–11 августа, так и «Декларацию прав человека и гражданина». Королевский двор в Версале превратился в центр притяжения роялистских сил. В этой обстановке на почве дороговизны и хлебного дефицита у простых парижан (а точнее парижанок) родилась идея отправиться в Версаль за королем, чтобы вместе с ним в Париж пришли хлеб и благополучие. Несмотря на наивный монархизм этой идеи, объективно *поход на Версаль* 5–6 октября имел самые серьезные последствия.

Законодательство Учредительного собрания. Переезд короля и Учредительного собрания в Париж поставил их деятельность под пристальное внимание жителей столицы. Неутвержденные декреты получили теперь королевскую санкцию. Ряды правых в Учредительном собрании поредели за счет новой волны контрреволюционной эмиграции, и конституционалисты стали в нем безраздельно господствовать. Наметились и первые трещины внутри третьего сословия. Получив урок «уличной демократии», депутаты утвердили *Военный закон*, позволяющий применять вооруженную силу для разгона «мятежных сборищ». Также они ввели деление граждан на «*активных*», имеющих известный достаток и соответственно политические права (выбирать и быть избранными), и «*пассивных*», таковых не имеющих. «Активными», учитывая также возрастной ценз (25 лет) и исключая женщин, оказалась лишь 1\5 жителей Франции. Провозглашенное прежде равенство превратилось в фикцию.

А в общественной жизни Франции и, прежде всего, ее столицы революция продолжалась. Создавались политические клубы, появлялись свободные печатные издания, ставились театральные постановки актуального общественного звучания. Большим авторитетом пользовался *Якобинский клуб* (его заседания проходили в библиотеке монастыря св. Якова) или «Общество друзей конституции». Первоначально это был клуб левых депутатов Собрания, но затем в него стали принимать и лиц не являвшихся его депутатами, но получивших необходимые рекомендации и способных заплатить членские взносы, довольно высокие. Позднее сторонники Мирабо и Лафайета образовали

еще более элитарное «*Общество 1789 г.*» Своеобразная альтернатива им — *Клуб кордельеров*, тоже собиравшийся в монастыре (корда — веревка, которой подпоясывались монахи). В нем членские взносы были символическими, деление граждан на «активных» и «пассивных» не признавалось. Частым гостем у кордельеров был издатель газеты «Друг народа» Жан Поль Марат, влиянием пользовались также журналисты Пьер Гаспар Шометт и Жак Рене Эбер (газета «Пер Дюшен»). Они исповедовали идеи социального эгалитаризма, ограничения богатства и выравнивания имуществ, и *народной расправы* как средства решения политических вопросов.

Два года декрет за декретом Учредительное собрание принимало статьи будущей конституции. *Исполнительная власть*, согласно ей, принадлежала королю и назначаемым им министрам, ответственным перед *Законодательным собранием*. Монарх лишился права объявлять войну и заключать мир, но мог приостанавливать вступление в силу законов, принятых Собранием. Конституцией учреждалось новое, единое для всей Франции *административное деление* (департамент — дистрикт — кантон — община (коммуна), большие коммуны делились на секции). Местные власти и суд, как и само Законодательное собрание, избирались «активными» гражданами. Уничтожались все налоги Старого порядка. Их заменили три прямых налога: поземельный, на движимость и торгово-промышленный. Наследственное дворянство и титулы ликвидировались. То же было сделано со всеми привилегиями в области промышленности и торговли.

Долговременные последствия имели преобразования, касавшиеся *католической церкви*. Ее земли подлежали изъятию в *фонд национальных имуществ* для дальнейшей продажи в счет погашения долгов Старого порядка. Чтобы поскорее получить «живые» деньги, были выпущены пятипроцентные заемные бумаги — *ассигнаты*, за которые потом и шла продажа земель. Со временем ассигнаты превратились в бумажные деньги, источник инфляции.

Священнослужители лишились прежних привилегий и должны были подтвердить свою лояльность новой власти, принеся присягу «*гражданскому устройству духовенства*». Власть римского папы фактически ликвидировалась — он не принял такой реформы. Церковь раскололась на *присяжных* и *неприсяжных* священников. Последние перешли в лагерь контрреволюции.

Собственнический характер решений Учредительного собрания отразился в утвержденной им *выкупной операции* (крестьяне должны были выплатить сеньору 20–25 годовых повинностей и ликвидировать недоимки за последние 30 лет) и в законе *Ле Шапелье*, запрещавшем объединения для защиты коллективных экономических интересов, т.е. профсоюзы и стачки.

Вареннский кризис. В ночь на 21 июня 1791 г. королевская семья безуспешно пыталась бежать из Парижа к восточной границе, в стан контрреволюции. Оpoznанный одним местным жителем, король и его спутники были задержаны у местечка Варенн и препровождены обратно. Пропагандируемый умеренными конституционалистами союз нации и монарха дал течь — их версия о «похищении» короля являлась сущей нелепицей. Со

всей очевидностью подтвердилась связь династии с контрреволюционной эмиграцией и поддерживающими ее иностранными дворами (Австрией и Пруссией в первую очередь).

В Париже развернулась агитация за республику и за *революционную войну* с соседними монархиями, которая сорвет планы контрреволюции и, по всей вероятности, сметет с трона Людовика XVI. Наиболее горячим поборником этой идеи стал публицист Жак Пьер Бриссо, обретший тогда популярность. А 17 июля Национальная гвардия Лафайета расстреляла республиканскую манифестацию на Марсовом поле. Разрыв между умеренными конституционалистами и народом обозначился кровью.

27 августа прозвучало еще одно эхо вареннского кризиса. Австрийский и прусский короли в *Пильнице* подписали *декларацию* с призывом ко всем государствам Европы помочь в восстановлении монархического правления во Франции. Страну ждали новые потрясения и новая более радикальная фаза революции.

Начало войны и свержение монархии. В сентябре 1791 г. был утвержден полный текст конституции. Депутаты выполнили свою миссию и передали власть *Законодательному собранию*. Расстановка сил в этом новом органе власти сложилась уже совершенно иная. Его правый фланг составили умеренные конституционалисты, вышедшие из Якобинского клуба и образовавшие отдельный клуб в монастыре *фельянов*. На левом фланге в большинстве оказались сторонники Бриссо или *жирондисты* (ряд депутатов представляли департамент Жиронда). Их идеи соответствовали интересам крупной и части средней буржуазии портовых городов Марсель, Бордо, Нант. Буржуазия провинции не была так связана с монархией, как столичная. Заинтересованная в укреплении своих позиций на внутреннем и внешнем рынках, она решительней отстаивала принципы либерализма, была готова к углублению революции и ее экспорту за пределы Франции. Жирондисты являлись одновременно противниками и монархизма фельянов, и эгалитаризма санкюлотов.

Надеясь, что война приведет к победе контрреволюции и реставрации старого порядка, Людовик XVI предоставил жирондистам министерские портфели. Пост министра иностранных дел, ключевой в новом правительстве, занял генерал Дюмурье, примкнувший к сторонникам революционной войны из карьеристских соображений. 20 апреля 1792 г. Франция объявила войну Австрии; Пруссия выступила на стороне последней позднее.

Плохо подготовленная к войне французская армия вторглась в принадлежавшую австрийским Габсбургам Бельгию и скоро потерпела поражение. К июлю над Францией нависла реальная угроза иностранного вторжения. Законодательное собрание вынуждено было объявить *«отечество в опасности»*. По всей стране формировались отряды добровольцев (*федератов*), прибывавшие в Париж. Ширилось движение за устранение политической причины военных поражений — монархической власти. Инициатива в республиканской пропаганде перешла теперь к левой части Якобинского клуба, Максимилиану Робеспьеру и его сторонникам, которые, однако, были против

насильственных действий. Но когда командующий прусскими войсками герцог Брауншвейгский пригрозил парижанам расправой, если только они причинят малейшее оскорбление королю, и пообещал восстановить во Франции монархическую власть в полном объеме, санкюлоты и федераты поднялись на восстание. 10 августа 1792 г. они штурмовали королевский дворец Тюильри.

Людовик был отстранен от власти, монархия свергнута, а вместе с ней рухнул режим власти крупной буржуазии Старого порядка — правого большинства Законодательного собрания. Фельяны перешли в лагерь контрреволюции. По предложению Робеспьера, решено было избрать, не деля граждан на «активных» и «пассивных», *Национальный конвент* для выработки новой конституции. Орган санкюлотов — Повстанческая коммуна, заменившая прежний муниципалитет Парижа, и после восстания продолжала оказывать революционизирующее воздействие на ситуацию.

После сдачи крепостей Лонгви и Верден в сентябре 1792 г. угроза вторжения еще более приблизилась к столице. Но прежде чем отправиться на фронт и устранить ее, волонтеры-федераты и санкюлоты учинили массовую резню в парижских тюрьмах, чтобы не дать «заговорщикам» (а среди них оказались не только контрреволюционеры и неприсяжные священники, но и просто уголовники, бродяги и проститутки) «ударить в спину патриотам». Избиения 2–5 сентября — это вершина прокатившегося по всей стране стихийного «*первого террора*», пролога к террору организованному.

20 сентября при *Вальми* французская армия, в которую влились прибывшие из Парижа добровольцы, отразила атаку пруссаков герцога Брауншвейгского. Через 10 дней он отдал приказ об отступлении. В войне наступил перелом. Вскоре французские патриоты вступили в Бельгию, рейнские княжества, Ниццу и Савойю. Завоевания революции расширялись территориально: здесь ликвидировался сословно-феодальный строй, формировались муниципалитеты и т.д. Провозглашался принцип революционной войны: «Мир — хижинам, война — дворцам». Обоснование аннексии указанных земель дала доктрина Жоржа Дантона о «*естественных границах*» Франции, очерченных Рейном, Альпами и Пиренеями.

Утверждение Республики. Борьба Горы и Жиронды. 21 сентября 1792 г. Национальный конвент принял декрет о ликвидации королевской власти и утвердил Республику. Но какой ей быть, об этом разгорелся спор между правой частью Конвента, Жирондой, и левой — Горой или *монтаньярами* (от французского *montagne* — гора; левые депутаты занимали верхние скамьи в зале заседания). Жирондисты обвинили монтаньярский «триумvirат» (Робеспьера, Марата и Дантона) в стремлении к «диктатуре», а те заклеили желание жирондистов расчленить Францию, их «федерализм». Возобладала Гора, и Республика была объявлена унитарной, «единой и неделимой». После этого жирондисты покинули Якобинский клуб.

Очевидно, что уже первые разногласия в Конвенте касались более принципиальных вопросов, нежели провинциальное устройство. Страшась революционного Парижа, эгалитаризма санкюлотов, Жиронда защищала индивидуальную автономию и частную собственность от фактического

равенства и диктата «общей воли». А с точки зрения монтаньяров, напротив, единение гражданской общины, пускай достигнутое ценой ограничения права собственности и личностной свободы, ценой физического устранения «врагов нации», открывало путь в царство разума и справедливости, завещанный философами-просветителями. В этом состояла суть конфликта двух «партий» Конвента.

В конце 1792 – начале 1793 г. экономическое, политическое и военное положение Республики заметно ухудшилось. Война подорвала хозяйственные связи и вызвала инфляцию, так как финансировалась за счет эмиссии ассигнатов. Ширилось движение за установление твердых цен — *максимума*. Пропагандировался «аграрный закон», т. е. уравнительный передел всех земель. Идейные вожди санкюлотов эбертисты и «бешеные» (это название им дали жирондисты) предлагали решить продовольственные трудности путем физической расправы над «скупщиками» и «спекулянтами». Но в условиях инфляции ими становились все торговцы.

Казнь короля, обвиненного в государственной измене, в январе 1793 г. дала повод для организации *первой коалиции* против добившейся больших военных успехов Республики. В состав коалиции, помимо Австрии и Пруссии, вошли Англия (господство Франции на Рейне подрывало ее торговые интересы на континенте), Испания и Голландия. Республика потерпела от них поражения в Бельгии и в рейнских землях. Генерал Дюмурье совершил предательство. Военные поражения усугубляло восстание крестьян под руководством роялистов и неприсяжных священников на северо-западе страны, в *Вандее*.

Монтаньяры, опираясь на парижские секции, настояли на проведении первых мер «общественного спасения»: на богатых наложили принудительный заем в 1 млрд франков, были приняты декрет о максимуме на зерно, законы против эмигрантов и мятежников, учрежден Революционный трибунал. Началась «эпоха террора» систематического. Руководство обороной Республики взял в свои руки избранный Конвентом *Комитет общественного спасения*.

Тем временем жирондисты сосредоточились на борьбе против Горы и эбертистской Коммуны Парижа. Для расследования деятельности последней они создали «Комиссию двенадцати». Вожакам санкюлотов угрожал как минимум арест. 31 мая – 2 июня 1793 г. Париж вновь поднялся на восстание. Санкюлоты добились сначала роспуска жирондистской комиссии, а затем — ареста около 30 деятелей Жиронды. Власть в Конвенте целиком перешла в руки якобинцев-монтаньяров. Так называемое «болото» или «равнина» — около 500 депутатов, колебавшихся в ходе политической борьбы, вынуждены были им подчиниться. Другой центр политической инициативы, как и после 10 августа 1792 г., составляла организовавшая восстание Коммуна Парижа.

Якобинская диктатура. Летом 1793 г. положение Республики стало еще более тяжелым. Очаг Вандеи расширился, войска коалиции продолжали наступать. В провинции разразился спровоцированный свергнутыми жирондистами «федералистский мятеж» против «тирании» Парижа. Он охватил около 50 департаментов из 83, в том числе, важнейшие портовые

города Лион, Марсель, Бордо, Нант. Тулон и его военно-морскую эскадру мятежники сдали англичанам. Максимум на зерно не соблюдался, обострялся продовольственный кризис.

В этих чрезвычайных обстоятельствах вокруг лидеров Горы в Конвенте образовался блок, *условно* объединивший крайне левые группировки «бешеных» и эбертистов с левоцентристами (сторонниками Робеспьера) и правыми монтаньярами. *Якобинский блок* был временной и противоречивой коалицией политических сил. Их общей задачей являлась защита Республики от внешних и внутренних врагов, но в остальном они мало согласовывались. Это не удивительно, учитывая, что одни ориентировались на требования люмпенских и близких к ним слоев, а другие отстаивали интересы разбогатевшей на покупке земель из фонда национальных имуществ, на военных поставках и кредитах Республике *новой буржуазии*.

Монтаньяры по-новому подошли к решению *аграрного вопроса*. Ликвидировались все феодальные повинности безвозмездно, документы феодальной собственности подлежали сожжению. Общинные земли делились поровну между крестьянами, если только 1/3 их высказывалась за это. Эмигрантские земли продавались на условиях, выгодных большинству крестьян (ожидалось, что оно встанет на сторону революции). Таким образом были закреплены права крестьянской земельной собственности при сохранении владений лояльных новому режиму собственников Старого порядка. Ожидаемый беднотой «аграрный закон» Гора отвергла.

В *июне 1793 г.* Конвент принял наконец новую *конституцию*, провозгласившую всеобщее избирательное право для мужчин с 21 года, прямые выборы в однопалатный корпус депутатов. В целом образец буржуазного законодательства, конституция в своих отдельных статьях выходила за рамки представительной демократии. Она признавала право народа на восстание, в случае попрания его суверенитета, и вводила процедуру утверждения законопроектов на первичных собраниях граждан. Но фактически вступить в силу этот документ так и не успел и имел, скорее, пропагандистский характер.

Под натиском контрреволюции, с одной стороны, и санкюлотских требований жестких мер против «скупщиков», «спекулянтов», «врагов народа», с другой, Конвент ввел систему чрезвычайных законов. Был определен *максимум* на все товары широкого потребления и, что важно подчеркнуть, на заработную плату. Депутаты санкционировали деятельность «*революционной армии*», проводников террора из активистов парижских секций, и приняли «*закон о подозрительных*», подлежащих аресту. По подсчетам историков, жертвами якобинского террора стали от 35 до 40 тыс. чел., казненных на *гильотине*. Число арестованных, по разным оценкам, колеблется от 70 до 500 тыс. Террор применялся не только против явных или предполагаемых контрреволюционеров, но и против крайне левой группировки «бешеных», которая к концу 1793 г. практически сошла с политической сцены.

В октябре 1793 г. был утвержден «*Временный революционный порядок управления*», окончательно оформивший режим якобинской диктатуры. Конвент осуществлял диктаторскую исполнительную власть посредством ряда

комитетов, важнейшим из которых стал Комитет общественного спасения (а ключевыми фигурами в нем — Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон), и через назначаемых из числа депутатов комиссаров, отправлявшихся на фронт или в бунтующие провинции. Им принадлежала вся полнота власти на местах.

В религиозной политике якобинцы перешли от мер, направленных против церкви, к мерам, направленным против католической веры как таковой («*дехристианизация*»). Летоисчисление принято было вести не от Рождества Христова, а от провозглашения Республики. Вновь установленный месячный календарь соответствовал природно-погодным условиям того или иного отрезка года.

К концу 1793 г. Республика добилась перелома ситуации в свою пользу на внутренних и внешних фронтах. Помимо революционного насилия (террора, принудительных займов, наложенных на богатых, и безвозмездных *реквизиций*) среди причин этих побед надо назвать новое качество французской армии, которая стала строиться на впервые вводимых принципах *всеобщей воинской повинности* и свободного замещения офицерских должностей. 26 июня 1794 г. при *Флерюсе* были разбиты основные силы австрийцев и открыта дорога для наступления в Бельгию.

Но политика диктатуры обострила противоречия внутри якобинского блока. Правые монтаньяры, названные «*снисходительными*», осудили практику террора и высказались в защиту собственности патриотов-буржуа. Их негласным лидером был прежний товарищ Робеспьера Дантон, а идейным рупором — газета Камилла Демулена «Старый кордельер». Противниками «снисходительных» выступали эбертисты с их эгалитарной программой.

Фланговые столкновения ослабляли позиции центра, робеспьеристов, оказавшихся под перекрестным огнем. Примирять крайности становилось чем дальше, тем труднее. Их примирила гильотина — в жерминале II г. Республики (марте–апреле 1794 г.) лидеры обеих группировок были казнены. Коммуна подверглась чистке, за ней установили строгий контроль. Клуб кордельеров закрыли, а «революционную армию» распустили. Но это была пиррова победа, социальная база Робеспьера, впадавшего в морализаторство и пытавшегося консолидировать общество с помощью культа Верховного Существа, сокращалась как шагреновая кожа. Якобинская диктатура уже стесняла новых собственников, стремившихся свободно распоряжаться обретенными богатствами.

Реорганизация Революционного трибунала 22 прериала (10 июня), до предела упростившая процедуру рассмотрения дел (отменялось предварительное следствие, защита обвиняемых и т.д.) и лишившая членов Конвента депутатской неприкосновенности, послужила сигналом для выступления «болота». 9 термидора II г. (27 июля 1794 г.) Конвент вынес постановление об аресте Робеспьера и его сторонников, и на следующий день без суда и следствия их гильотинировали. Якобинская диктатура пала.

Термидорианская реакция и Директория. После 9 термидора последовал *спад* революции. Буржуазия торопилась избавиться от уступок низам, сделанных ранее, стремилась вернуть революцию в русло, выгодное

собственникам. Максимум был отменен и вместе с инфляцией легализовалось богатство накопленное *нуборишами*. Ловкие спекулянты округлили свои состояния, играя на подскочившем курсе звонкой монеты. Органы санкюлотов, Парижская коммуна и ее секции, подверглись разгрому. Та же участь постигла Якобинский клуб. Острые террора было перенаправлено против левых. На улицах Парижа хозяйничали банды «золотой молодежи» — *мюскадены*. Уцелевшие жирондисты возвратились в Конвент, а арестованные контрреволюционеры оказались на свободе. Сразу два восстания санкюлотов весной 1795 г., в *жерминале* и *прериале*, проходившие под лозунгом «хлеба и конституцию 1793 г.», закончились неудачей — от удара, нанесенный по вожакам санкюлотов сначала якобинцами, а затем термидорианцами, Париж не сумел оправиться.

В августе 1795 г. термидорианский Конвент утвердил новую конституцию с имущественным цензом, двухпалатным Законодательным корпусом (Совет пятисот и Совет старейшин) и *Директорией* из 5 человек во главе исполнительной власти. Она не могла, однако, дать новым собственникам ощущение безопасности, полностью отвести угрозу контрреволюционной реставрации, с одной стороны, и «якобинизма», с другой. Страну потрясали то левый, то правый «заговоры», усиливались вандейцы. Директория колебалась в зависимости от складывающейся расстановки сил. Эти колебания получили название «*политики качелей*».

Единственным фактором стабильности в данных условиях являлась армия Республики, которая победоносно сражалась против войск европейских держав. За 1795 г. от коалиции отпали, заключив мир с Францией, сначала Пруссия, признавшая ее права на левый берег Рейна, а затем Испания. На территории Голландии Франция создала первую «дочернюю» (вассальную) Батавскую республику, а Бельгию аннексировала. В ходе кампании 1796–1797 гг. благодаря действиям итальянской армии под руководством 27-летнего генерала Наполеона Бонапарта Франция одержала верх над Австрией, вынужденной подписать условия мира близ *Кампо-Формио*, признать французскую границу по Рейну и аннексию Бельгии. Компенсацией за это стала передача Австрии территорий упраздненной Венецианской республики (кроме Ионических островов, захваченных Францией). В Италии и Швейцарии учреждалась череда «дочерних» республик, все богатства которых, от художественных трофеев до многомиллионных контрибуций, обратились в достояние французских генералов, власть имущих и их кредиторов.

Первая коалиция распалась, но Англия продолжала войну против Франции на море. В 1798 г. по ее инициативе была создана *вторая антифранцузская коалиция*, в которую вошли Россия, Австрия, Швеция, Неаполитанское королевство, Турция и сама Англия. Объединенные австрийские и русские войска под командованием А.В. Суворова нанесли поражение французам в Италии, «дочерние» республики пали. А русско-турецкая флотилия во главе с Ф.Ф. Ушаковым заняла Ионические острова. Армия Бонапарта, отправленная в Египет, с тем чтобы подорвать морское могущество Британии и связь с богатейшей из всех ее колоний — Индией, —

еще ранее оказалась в капкане: французский флот уничтожила эскадра английского адмирала Нельсона.

Военные неудачи ускорили государственный переворот, движущей силой которого стала армия, а символом — прославленный генерал Бонапарт, возвратившийся из Египта. *18–19 брюмера VIII г.* (9–10 ноября 1799 г.) власть Директории была свергнута, а конституция 1795 г. отменена. Это означало *конец революции*.

Консулат и Первая империя. Первоначально по конституции VIII г., одобренной в ходе всенародного голосования, Наполеон стал *первым консулом* Республики, в принципе сменяемым. В руках его, однако, сосредоточилась большая власть, которой он не преминул воспользоваться: провел *административную и судебную реформы*, заменив принцип выборности местных властей назначениями сверху, и создал бюрократическую вертикаль, послушную его распоряжениям. Под жесткий контроль попала *печать*, и к 1800 г. в Париже осталось всего 9 газет (до этого их было больше 70-ти), издававшихся под угрозой закрытия при малейшей критике режима. *Финансовая реформа* положила конец инфляции и стимулировала экономический рост. Прибавим сюда протекционистскую политику, грабеж завоеванных стран, плоды аграрных преобразований, покоящуюся на полицейском контроле социальную стабильность и получим картину стартовых условий к промышленному перевороту, начавшемуся во Франции на рубеже XVIII–XIX веков.

Расправа с якобинцами и роялистами, вставшими на путь террористических заговоров, жестокое подавление вандейских мятежников и прощение тем, кто пожелал сложить оружие, аннулирование составленных когда-то списков эмигрантов, объявленных вне закона на родине, и даже возвращение им еще нераспроданных владений из фонда национальных имуществ — так действовал Наполеон, добиваясь «*умиротворения*» расколотой революцией французской нации. В 1801 г. удалось помириться и с папой римским, заключив с ним компромиссное соглашение — *конкордат*. Католическая вера была восстановлена в своих правах и объявлена религией большинства французов, служители культа поступали на содержание государства. Церковь отказывалась от отчужденных во время революции земель, зато ей возвращались культовые здания. Епископы назначались первым консулом, но получали каноническое утверждение папы. Лишь малая часть французского духовенства отвергла конкордат.

В ходе второго итальянского похода Наполеона Франция восстановила утраченные ею позиции в Европе. *Люневильский* мирный договор 1801 г. с Австрией во многом повторял Кампоформийский. Вдоль границы Франции воссоздавалась цепь «дочерних» республик. Россия вышла из состава коалиции еще раньше. А в марте 1802 г. мир с Францией в *Амьене* подписала самая решительная ее противница — Англия. Она согласилась вернуть некоторые французские колонии, но не признала ни «естественных границ» Франции, ни ее «дочерних» республик. Таким образом, Амьенский мир был временной

остановкой в борьбе двух держав за стратегическую, торговую и колониальную гегемонию. Но казалось, Республика одолела всех своих врагов окончательно.

Слава миротворца и спасителя нации — Наполеона взлетела до небес. В 1802 г., опять же по результатам всенародного голосования, он стал *пожизненным консулом*, а в 1804 — *императором* Франции. Это не была реставрация монархии Старого порядка, хотя некоторые внешние формы, например, аристократические титулы и заимствовались оттуда. Наполеон-император символизировал коронованную, а значит увековеченную революцию, его личная власть гарантировала буржуазные завоевания. Они закреплялись в известных Кодексах Наполеона (гражданском, уголовном, коммерческом). Поэтому Консулат и Первую империю иногда называют «эпилогом» революции (В.Г. Ревуненков).

Вообще, *бонапартизм* — это особый социально-политический феномен. Он вырос из страха собственников и разочарования в республиканских формах правления. Ближайшей задачей бонапартистской диктатуры была защита интересов собственности, но без их непосредственного представительства во власти, поскольку выборные органы превратились в чисто декоративный элемент государственной машины. Опираясь на сильный бюрократический аппарат и армию, диктатура обрела известную самостоятельность. Наполеон лавировал между разными социальными силами, склонял их к компромиссу, подчинял интересам внешней экспансии, сулящей большие дивиденды, но и требующей огромных затрат. Массовой социальной базой Наполеона являлось французское крестьянство, заинтересованное в незыблемости аграрных преобразований и политической стабильности, привыкшее к патриархально-монархическим формам господства и подчинения. Бонапартистская пропаганда подогревала культ героя («наполеоновская легенда») и модернизировала идею нации. Патриотизм, понимаемый как единение в революционной борьбе, сменил гегемонизм — пропаганда французской исключительности и превосходства.

«Наполеоновские войны», вскоре начавшиеся, имели противоречивый характер. Французская армия несла с собой идеи и установления революции, но ею двигало стремление к грабежу и территориальным захватам. Участники антифранцузских коалиций в основном преследовали цели реставрации Старого порядка и собственной агрессии. В то же время феодальные монархии должны были адаптироваться к требованиям времени. Они шли на буржуазные реформы, трансформировали свою идеологию. Наполеоновское господство будило патриотические чувства покоренных народов, провоцировало освободительные, буржуазные по духу движения. Так в войнах Франции с европейскими коалициями сочетался «дух реакционности» с «духом возрождения» (К. Маркс). Путь в буржуазную цивилизацию лежал через военную мясорубку.

Война с Англией возобновилась уже в 1803 г. А в 1805-м сложилась *третья антифранцузская коалиция*, в которую вошли Англия, Россия, Австрия и Неаполитанское королевство. Нельсон в октябре 1805 г. одержал победу над франко-испанским флотом в битве при Трафальгаре, зато австро-русские

войска были разгромлены Наполеоном в сражении при Аустерлице в декабре. Третья коалиция распалась. Австрия подписала *Пресбургский* мирный договор, по которому Франции передавались территории бывшей Венецианской республики. Империя Наполеона распростерлась до Балкан, гранича с империей турецкого султана.

Во вновь образованную *четвертую коалицию* вошли Англия, Россия, Швеция и Пруссия, испугавшаяся утверждения Наполеона на правом берегу Рейна, где он создал союз из 16 государств. В сражениях под Йеной и Ауэрштаттом Пруссия была разгромлена. После этого в ноябре 1806 г. в Берлине Наполеон подписал декрет о *континентальной блокаде*. Император уверовал, что, добившись всеевропейской блокады Британских островов, можно считать войну выигранной. Англия, эта вдохновительница и финансист антифранцузских коалиций, будет повергнута, поскольку все ее могущество зиждется на морской торговле, конечная точка которой — европейский континент.

После тяжелого сражения под Фридрихсвандом (Восточная Пруссия) на мир с Наполеоном согласилась Россия. Договор был подписан в *Тильзите* в июле 1807 г. — четвертая коалиция распалась. Пруссия сохранилась, правда, в урезанном виде, только потому что на этом настоял Александр I. На части принадлежавших ей польских территорий было создано зависимое от Французской империи герцогство Варшавское. Позднее оно заявило о притязаниях на земли, доставшиеся по разделам Польши Петербургу. После Тильзита Россия должна была присоединиться к континентальной блокаде, что противоречило ее торговым интересам. Мир с Францией был чреват войной, лишь отсроченной до 1812 г.

В 1808 г. Франция оккупировала Пиренейский полуостров, но испанские крестьяне поднялись на восстание и повели освободительную партизанскую войну. Затруднениями Наполеона тут же воспользовались Англия и Австрия, образовавшие очередную *пятую коалицию*. И опять в битве при Ваграме в июле 1809 г. французы одержали победу. Согласно *Шёнбруннскому* миру Австрия присоединилась к континентальной блокаде, потеряв Галицию и часть балканских земель, став послушной фигурой в наполеоновской игре.

Разгром французской «Великой армии» в России (1812) и начало заграничных походов русской армии привели к образованию *шестой коалиции*. В ней участвовали Англия, Россия, Пруссия, Швеция, Испания, Португалия и (с августа 1813 г.) Австрия. В октябре 1813 г. под Лейпцигом состоялась «*битва народов*», главное сражение данной кампании. Наполеон отступил за Рейн. А в марте следующего 1814 г. союзники по коалиции вошли в Париж. Во Франции на престоле была восстановлена династия Бурбонов (королем стал брат казненного — граф Прованский — под именем Людовика XVIII). Наполеон отправился на остров Эльба в Средиземном море, сохранив пожизненно титул императора.

Однако реставрация дала сбой. Высадившийся с тысячным десантом на юге страны Наполеон в марте 1815 г. возвратился в Париж и собрал новую армию. Легенда вновь обрела плоть и кровь. Франция была на стороне своего

императора, императора революции. Беспрецедентные «сто дней» Наполеона прервало поражение при *Ватерлоо* 18 июня 1815 г. в битве с последней *седьмой коалицией*. На этот раз «чудовище» сослали на далекий остров Св. Елена, откуда бежать невозможно.

Венский конгресс и «венская система». Разгром Империи поставил перед странами-победительницами непростую задачу: как поступить с наследием Французской революции и «наполеоновских войн»? Главным принципом урегулирования считался принцип *легитимизма* (от латинского *legos* — закон), согласно которому должны быть восстановлены все законные власти. Но он вступал в противоречие с очевидной целью замирения Европы, прекращения войн и революций. Перемены прошедшей четверти века были столь радикальны и одновременно адекватны реальности, что полное восстановление Старого порядка и означало фактически новый революционный взрыв и новую войну. Необходимо было найти должную меру компромисса и создать устойчивый баланс сил на континенте с учетом претензий на преобладание четырех великих держав: Англии, России, Австрии и Пруссии.

Решением этой головоломки и занялся Венский конгресс, заседавший с перерывами с сентября 1814 по июнь 1815 г. Итоги его работы, а также некоторые предшествовавшие и последующие международные акты составили костяк «*венской системы*», просуществовавшей в Европе около сорока лет, вплоть до Крымской войны. Франция возвратилась к довоенным границам и стала конституционной монархией, перемены в отношении собственности признавались незыблемыми. Произошло частичное перераспределение территорий в Центральной Европе между Австрией и Пруссией. Россия подтвердила сделанные ранее территориальные приобретения (Бессарабия, Финляндия) и получила земли герцогства Варшавского в качестве Королевства Польского с собственной конституцией. Англия увеличила число своих колоний за счет заморских владений Франции, Голландии, Испании и Португалии.

Венский конгресс принял декларацию, осуждающую работорговлю, установил свободу судоходства по европейским рекам (Рейну и Висле) и утвердил действующую в основном и поныне конвенцию о старшинстве дипломатических рангов.

Своего рода инструментом функционирования «венской системы» стал «*Священный союз монархий и народов*», созданный по инициативе русского императора и включивший в себя со временем все европейские монархии, исключая римского папу, турецкого султана и Англию. Идейно Священный союз противопоставлял революционному насилию христианские принципы добра и справедливости. Более того, первоначально одним из направлений его деятельности была мирная адаптация Европы к требованиям времени путем введения в действие умеренных конституций. Но позднее Священный союз стал выполнять роль «плотины» против европейской революции и национальных движений, спасая обреченные на гибель режимы.

Завершая анализ трех раннебуржуазных революций, можно констатировать некоторые свойственные им особенности.

В Англии революция происходила в середине мануфактурного периода. Специфика «первоначального накопления», социальная мутация, приведшая к образованию обуржуазившегося «нового» дворянства, а также некоторые черты государственной системы предопределили доминирование в английской революции блока городской буржуазии и прогрессивного слоя джентри. Мелкобуржуазная и, тем более, плебейская альтернативы не могли выступать на равных с ним. Идеология английской революции была религиозной по форме, а в двух других — светской, просветительской.

В североамериканских колониях с самого начала господствовал капиталистический уклад, и речь шла лишь об устранении отдельных элементов феодальных отношений. Консолидирующим фактором являлось то, что американская революция имела антиколониальный национально-освободительный характер. Политические противоречия в лагере революции выявились уже после нее. Относительной немногочисленностью городского населения колоний объясняется отсутствие сколько-нибудь влиятельного плебейского движения. Островной характер Англии и удаленность североамериканских колоний снижали степень воздействия событий там на европейский континент. Это воздействие заметно, но опосредованно. Послереволуционная Англия, например, стала родиной революционной идеологии Просвещения, образцом для подражания в промышленности, торговле, да и в политике.

Наиболее значительной по глубине перемен, остроте и драматизму борьбы, по влиянию на мировую историю, без всяких сомнений, является Французская революция конца XVIII века, названная ее российскими наследниками Великой. Она разразилась в самом конце мануфактурного периода, буквально на пороге промышленного переворота. Плебейское и крестьянское движение определяли ход революционного развития. В отличие от английской революции, события во Франции привели к превращению в буржуазную собственность не только дворянских латифундий, но и земель крестьян. Революция перекроила карту Европы и изменила ее до неузнаваемости, открыв полосу *буржуазно-демократических* революций *по типу* французской.

Вопросы

1. Какие группы социальных противоречий можно выделить в предреволюционной Франции?
2. Как связаны гегемонистская внешняя политика Франции XVIII века и возникновение революционного кризиса в конце столетия?
3. Почему модель конституционной монархии, разработанная в 1789–1791 гг., оказалась непрочной, а фельянам не удалось удержаться у власти?
4. В чем суть расхождений между Горой и Жирондой, можно ли утверждать, что за их политическим спором скрывается социальный конфликт?

5. Являлось ли довольно быстрое падение Якобинской диктатуры и Робеспьера неизбежным следствием Революции?
6. Проследите порядок решения аграрного вопроса в ходе революции. Какие последствия оно могло иметь?
7. Какие социальные слои больше всего выиграли от политики Наполеона. Какая связь между внешней и внутренней политикой бонапартизма?

Литература

Документы истории Великой французской революции: Учебное пособие / Отв. ред. А. В. Адо. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990–1992. – Т. 1. 528 с. Т. 2. 253 с.

Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции (разные издания).

Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. – М.: РОССПЭН, 2015. – Ч. II. Гл. 8.

Свобода. Равенство. Братство. Великая французская революция: Документы, письма, речи, воспоминания, песни, стихи. – М.: Детская литература, 1989. – 463 с.

Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». – М.: Молодая гвардия, 1996. – 382 с.

Чудинов А.В. Французская революция: История и мифы. – М.: Наука, 2007. – 310 с.

Чудинов А.В. Старый порядок во Франции и его крушение. – М.: Наука, 2017. – 205 с.

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. – М.: Издательский дом «Искусство», 2001. – 256 с.

Промышленный переворот: становление индустриальной цивилизации

Понятие промышленного переворота (*индустриальной революции*) определяется экономической трансформацией, обеспечившей лидирующую роль промышленного сектора в результате его перманентного технического переоснащения. В советской марксистской традиции выделялись две стороны промышленного переворота: техническая и социальная. Первая из них, *техническая сторона*, характеризуется заменой ручного (живого) труда машинным (овеществленным) трудом, а мануфактуры — *фабрикой*. Если в мануфактуре преобладал ручной труд, хотя могли применяться также двигатели и механизмы, то на фабрике, за счет внедрения машин, при дальнейшем углублении разделения труда доля его «живого» сегмента снижается. Разумеется, ручной труд оставался значимым в индустриальной экономике, однако его ценность дифференцировалась. Рабочие с высокой квалификацией, способные обслуживать, ремонтировать или производить машины, ценились дороже, что отражалось на их заработной плате.

Социальная сторона промышленного переворота связана с трансформацией базовой структуры общества, в котором основными классами становятся *промышленная буржуазия* и *промышленный пролетариат* (рабочий класс). Стоит напомнить, что понятие пролетариат имеет античное происхождение, а продажа рабочей силы не являлась какой-то новостью, но только промышленный переворот привел к массовой занятости на фабриках, перемолов в «армии» пролетариев бывших ремесленников и крестьян. В свою очередь промышленная буржуазия в результате роста производства и продаж фабричной продукции становится способной потеснить (по доходам и влиянию в обществе) прежние фракции господствующего класса (земельную аристократию и торгово-ростовщическую буржуазию). Разумеется, влияние промышленного переворота на общество нельзя свести всего лишь к изменениям в социальной структуре, которая, кстати, даже на высокоиндустриальном этапе не подчинялась элементарному двухклассному делению — она гораздо сложнее. Марксистская теория утверждала лишь то, что эти классы (количественно или качественно) стали доминировать, а противоречия между ними определять характер общественного развития. Впрочем, уже в XX веке структура трудовой занятости деформировалась, а конфигурация социальных конфликтов изменилась или подверглась регулированию.

Немарксистская теория не склонна обсуждать социальные последствия промышленного переворота, концентрируясь только на технико-экономической сущности процесса. Помимо изменений в инстанции труда (ручной/машинный), сущностными признаками промышленного переворота также называются:

- переход на новый, искусственный источник энергии (*паровой двигатель*), который оттеснил природную энергию ветра, воды и копытных животных;
- общее *возрастание энерговооруженности* на производстве, с учетом совершенствования гидроэнергетики, и на транспорте;
- замена органических, по преимуществу, материалов, задействованных в процессе труда, на неорганические (минеральные).

Признаётся, что промышленный переворот вызвал множество независимых друг от друга, а также связанных между собой и стимулировавших друг друга новшеств. Революционность перехода проявилась в лавинообразном нарастании иногда всего лишь мелких новаций, определявших в совокупности важные технические решения и быстро внедрявшихся в производственный процесс, что вело к его механизации. Это, в частности, проявилось в стремительном росте количества зарегистрированных патентов на изобретения.

В сущности такой подход соотносится со знаменитой, но давно сданной в архив теорией «стадий роста» У. Ростоу, одного из сторонников модернизационной модели начала 1960-х. В качестве переходной «стадии роста» от традиционного к современному (индустриальному) обществу он выделил так называемый «сдвиг» или «взлет» (take-off), когда в результате радикальных перемен в производственном секторе, рост становится необратимым, а силы традиции терпят поражение по всем направлениям. Ростоу критиковали за упрощение связей между разными сферами общественного развития, а экономисты оспорили сам рост в период «сдвига», о чем еще будет сказано ниже. Современный техноцентризм представлен теорией сменяющих друг друга «технологических укладов» (начало промышленного переворота и «век пара» соотносятся здесь с «первым и вторым укладами»), которая несет в себе то же стремление найти все ответы общественного развития в техническом прогрессе.

Экономисты, признающие само понятия «индустриальной революции», подчеркивают как главный признак перехода к новому типу экономики — преодоление «мальтузианской ловушки» (Malthusian trap). Британский экономист Т.Р. Мальтус (1766–1834) в свое время сформулировал закон, согласно которому экономический рост принципиально отстает по темпам от демографических возможностей. В случае расширения объема произведенных материальных благ, увеличение рождаемости опережающими темпами раздувает потребление и, быстро достигая предела, отбрасывает экономику назад, что в свою очередь ведет к демографическому откату. Затем этот цикл повторяется. Если этот закон и оказывал давление на экономический рост в доиндустриальных обществах, основанных на экстенсивной модели развития, то он утратил значение при переходе к индустриальной, инновационной и интенсивной (опирающейся на качественные изменения) экономике. Рост потребления больше не ограничивался пороговыми значениями естественного плодородия и физической производительности. Любопытно, что Мальтус

формулировал свой закон в условиях начавшегося перехода, но не оценил его возможности.

Некоторые экономисты и вовсе отказываются признать состоятельность «промышленной революции», во всяком случае в тех временных пределах, которые предлагают историки. Они апеллируют к основному показателю экономического роста, используемому сегодня — доходам на душу населения. В последние десятилетия XVIII века, где историки локализируют раннюю британскую индустриальную революцию, этот показатель менялся слабо. Оппоненты такого формализованного подхода указывают, во-первых, на искажение статистических данных в условиях реструктуризации экономики, во-вторых, на сочетание экономического и демографического роста в рассматриваемый период (поэтому расчет на душу населения приуменьшает рост общих доходов), в-третьих — на отложенный эффект инноваций, сказавшихся на росте доходов и на экономике в целом позднее, в середине XIX века.

Периодизация и региональная специфика промышленного переворота. Родиной промышленного переворота стала Англия второй половины XVIII века. После революционных перемен предыдущего столетия здесь сконцентрировалось «ядро» капиталистической мир-системы. Более конкретно в качестве *причин ранней индустриализации* называют следующее:

- Радикальный аграрный переворот (растянувшиеся на несколько веков «огораживания», подтвержденные законодательно, и отмена «рыцарского держания») подорвал натуральное хозяйство, обеспечив внутренний спрос и создав широкий рынок труда.
- Войны с Голландией, политика протекционизма и государственное стимулирование внешнеторговой экспансии сделали Англию «владычицей морей» и «мировым извозчиком» уже в первой половине XVIII века.
- В результате сочетания двух первых причин Англия еще в доиндустриальный период добилась лидирующих позиций в мануфактурных технологиях.
- Островное положение Англии избавляло ее от обременительных расходов на содержание регулярной армии, что снижало фискальное давление на экономику.
- Активная колониальная политика, со временем превратившая Британию в крупнейшую колониальную империю, дополнительно способствовала накоплению капитала, который мог быть использован и в промышленном секторе.
- Режим парламентской монархии, устоявшийся на рубеже XVII–XVIII веков, создал благоприятный общественно-политический климат для предпринимательства.

Впрочем, существовали и препятствия, которые следовало преодолеть. Хотя в Великобритании имелось несколько центров естествознания, связь между наукой и техникой была слабой, а система технического образования и

вовсе отсутствовала. На самом деле, промышленный переворот в Англии был плодом общеевропейской (а отчасти и американской) технической мысли, поскольку изобретения и идеи быстро перенимались, вопреки действующим патентам.

Таким образом, пионеры индустриальной революции, как правило, являлись самоучками. Часто они совмещали в одном лице функции изобретателя и предпринимателя (а также инвестора), внедрявшего новшества в производство, или же, если функции разделялись, работали в тесном партнерстве. Первый эшелон новых промышленников черпался из рядов мелкой или средней торгово-ростовщической буржуазии или из лиц «свободных профессий». Большинство из них являлись по вероисповеданию «диссентерами», то есть они не принадлежали к официальной англиканской церкви, исповедуя более радикальные вероучения.

В отличие от политических революций промышленный переворот труднее поддается датировке. Его *начало* обычно относят к широкому диапазону 1760–80-х гг. Механизация в первую очередь затронула сравнительно новую хлопчатобумажную отрасль. Специфика сырья облегчала техническое решение по механизации нитепрядения, и некоторые специалисты считают, что хлопок ускорил промышленный переворот, поэтому его можно считать одним из символов эпохи наряду с паром. Механизацию здесь подталкивала и конкуренция индийских ремесленников, изготавливавших хлопчатобумажные ткани вручную. Кроме того, начало промышленного переворота в текстильной промышленности имеет экономические закономерности: затраты на производство в «легких» отраслях сравнительно ниже, а цикл оборота капитала меньше, иными словами, они быстрее дают прибыль в виде капиталоотдачи, поскольку ориентированы прямо на широкого потребителя.

Первой ласточкой в преобразовании отрасли стала механическая прялка «Дженни» (по имени дочери изобретателя Д. Харгривса, 1765 г.), за ней последовали другие изобретения в хлопкопрядении, но все эти механизмы производили слишком толстую нить. Затем в 1779 г. появилась «мюль-машина» С. Кромптона, дававшая более тонкую нить уже пригодную для механизации хлопчатобумажности¹. Наконец, в 1784 г. изобретен ткацкий станок Э. Картрайта, увеличивший производительность труда в 40 раз. В результате, хлопчатобумажная отрасль стала первой образцовой отраслью массового производства. За счет экономии на масштабе и механизации труда издержки быстро падали, а конкуренция удешевляла продукцию (цены на хлопчатобумажную ткань упали с 1780 по 1850 г. на 85 %), но именно дешевизна товара делала его доступным для новых потребителей по всему миру, что с лихвой покрывало производителям потери в цене.

В начале 1780-х гг. знаменитый *Дж. Уатт* представил свою «паровую машину» — механическое божество промышленного переворота. Вообще-то

¹ Позднее, уже в начале XIX века было механизировано прядение более сложных волокон льна, шерсти и шелка.

паровые двигатели начали применяться в европейских мануфактурах еще с конца XVII века, но до Уайта это были, скорее, эксперименты и эпизоды, машины были слишком громоздкие, ненадежные и малоэффективные. Уайту удалось сделать ее компактней, хотя все еще стационарной, а также повысить производительность более чем в 4 раза и предложить оригинальный привод, преобразующий возвратно-поступательный ход машины во вращательное движение. С конца XVIII века паровой двигатель стал все чаще применяться на фабриках и шахтах. Последователи Уайта еще более уменьшили размеры машины, сделав ее мобильной, что позволило, в конечном итоге, использовать ее и на транспорте.

В континентальной Европе промышленный переворот раньше всего начался во *Франции* (рубеж XVIII–XIX веков) и отчасти на территориях, вовлеченных в орбиту ее влияния в период Республики и Империи. Революция земельной собственности во Франции сохранила малоподвижную парцеллярную структуру крестьянской экономики, что замедляло темпы индустриализации. Фабричное производство здесь часто кооперировалось с мануфактурным, а использование машин дополнялось тонкой отделкой с помощью ручного труда при изготовлении престижных товаров.

В странах *Центральной Европы* (в Германии, Австрии, Чехии) и *Северной Италии*, а также на севере *США* и очагово в *Испании* начало промышленного переворота относят к первым десятилетиям XIX века. В *Российской империи* — к сороковым. В *Южной Европе* он начался еще позднее. Во всех случаях вторичной индустриализации главным поставщиком машин, технологий и полуфабрикатов являлась обладавшая в то время промышленной и торговой монополией Великобритания. С одной стороны, это облегчало путь, но с другой, определяло техническую зависимость от экономического лидера. Темпы механизации в промышленности и на транспорте в разных странах и регионах зависели от сложного сочетания внутренних условий (иногда малоблагоприятных) и внешней конкуренции. Порой они были настолько медленными, что специалисты предлагают заменять понятие «индустриальной революции» термином «эволюция».

Время окончания промышленной революции столь же проблематично. Часто его сужают, применительно к Англии, концом 1820-х гг., то есть временем до наступления революционных перемен на транспорте (строительства железных дорог и парового флота). В рамках этой первой фазы промышленный переворот еще не затронул самого машиностроения — машины в основном изготавливались вручную. В следующие десятилетия (1830–1860-е гг.) по запросу упомянутой революции на транспорте произошли грандиозные перемены в «тяжелых» и инфраструктурных или базовых отраслях индустриальной экономики (кроме транспорта, угледобыча, металлургия и машиностроение). В отечественной традиции именно эта вторая стадия именуется *индустриализацией* в узком значении слова, а ее признаком является временное преобладание производства средств производства («тяжелых» отраслей) над производством товаров широкого потребления в «легкой» промышленности. Благодаря этому этапу индустриальная экономика обретала

способность к воспроизводству в адекватной ей форме. Индустриализированным обществом считается то, в котором механизированная промышленность преобладает в общем объеме производимой продукции над сельским хозяйством, а городское население — над сельским: Англия достигла этих показателей около 1850 г. Там, где выполнено только первое требование, говорят об индустриально-аграрном типе развития. Если же и оно еще не реализовано, но машины уже теснят ручной труд — об аграрно-индустриальном.

За пределами Англии индустриализация часто запаздывала, тормозилась и оказывалась незавершенной в отведенные сроки. В конце XIX века «эпоха пара» уже исчерпывала себя, поэтому повезло тем, кто тогда создал свое машиностроение на альтернативной технической основе (Германия, США). «Зазевавшиеся» вновь оказались в роли зависимых и догоняющих.

Новая мобильность. Революция на транспорте, начавшаяся в 1830-е гг., во многом была подготовлена еще в предыдущем столетии благодаря *усовершенствованиям в металлургии*. Революционным прорывом 1780-х гг. стал новый способ переделки хрупкого чугуна в ковкое железо (пудлингование) и изобретение прокатного стана, что обеспечило потребности в сравнительно дешевом металле. Тогда же или чуть ранее были найдены способы более эффективного использования при выплавке железа коксированного (битуминозного и очищенного) угля. Поэтому к концу XVIII века минеральный каменный уголь вытеснил из металлургии древесный (органический). *Угледобыча* превратилась еще в одну несущую отрасль индустриальной экономики. Гораздо позднее была решена проблема удешевления выплавки стали, более прочной по сравнению с железом из-за повышенного содержания углерода: только в 1850-е и начале 60-х гг. начинается внедрение конвертерных и мартеновских печей.

Идея соединения паровой машины с колесом и железным рельсом родилась уже в самом начале XIX века, а первый паровоз был спроектирован *Дж. Стефенсоном* в 1814 г. Однако ушло еще около полутора десятилетий на поправки, эксперименты, преодоление сопротивления ленд-лордов и окончательное признание, предложенных им технических решений. В соревнованиях с участием нескольких локомотивов, организованных в 1829 г., *степенсоновская «Ракета»* продемонстрировала рекордную для того времени скорость около 19 км/час с грузом в 13 тонн. Через год состоялось открытие символически и экономически значимой дороги Ливерпуль–Манчестер, что означало начало эры большого железнодорожного строительства. Локомотив воплотил в себе все грезы и страхи индустриального общества — скорость, мощь, безразличную силу, опасность. А первой жертвой железной дороги стал парламентарий от Ливерпуля, попавший под поезд на церемонии 1830 г.

Улучшение транспортных путей — каналов и грунтовых шоссейных дорог — в Англии было проведено уже к концу XVIII века (они совершенствовались и в XIX-м). Это свидетельствовало о завершении формирования национального рынка. И все же значение *железнодорожного бума* трудно переоценить. (К 1849 г. в Англии было построено 9,5 тыс. км, что

намного превосходило достижения любой другой страны.) Еще большее значение, хотя бы из-за пространственных параметров, он имел для континентальной Европы, но там подлинный «бум» начался несколько позднее. Появление железной дороги устраняло относительную замкнутость регионов, физический разрыв между городом и деревней, меняло конфигурацию рынков и размещения производства, разрушало традиционную экономику, разоряло мелких производителей, неспособных сопротивляться фабричной конкуренции и вынужденных искать новые способы заработать на жизнь. Иными словами, она создавала новые качества мобильности для товаров, капиталов, рабочей силы и обывателей.

То же самое, но в глобальном масштабе относится и к созданию *парового флота*. Первый пароход был построен американцем Р. Фултоном в 1807 г., но затем еще долгое время паровая машина использовалась только как вспомогательное приспособление на парусниках. Лишь во второй трети XIX века были сделаны изобретения, в конечном счете искоренившие парусный флот (гребной винт и специальный морской паровой двигатель). А во второй половине столетия деревянная обшивка кораблей стала заменяться на металлическую, что позволило серьезно увеличить размеры и грузоподъемность. Это опять же привело к экономии на масштабе. Однако паровые суда нуждались в регулярной догрузке угля. Тем не менее, уже за два десятилетия (с 1830 по 1849 г.), с учетом усовершенствования парусников, вывоз из Англии вырос в 4 раза. Стоимость перевозок уменьшалась и за счет сокращения времени нахождения в пути. Путешествие из Лондона в Калькутту сократилось в 1840-х гг. до 6 недель (в 1914-м оно занимало уже 2 недели). Трансокеанские пароходные линии опутали страны и континенты и обеспечили перемещение огромных масс людей, в том числе временную и постоянную трудовую миграцию в Новый Свет, Австралию, Новую Зеландию и некоторые части Африки. Ускорившееся действие обратной связи на рынках имело многообразный цепной эффект в разных отраслях экономики.

Именно новый транспорт олицетворял собой сущность технического прогресса и способствовал его повсеместному распространению. Архаичные общества вынуждены были втягиваться в модернизацию, складывался мировой рынок и мировое хозяйство.

Огромное значение в этом отношении имела и прокладка городских (Лондон, 1837 г.), национальных и трансконтинентальных *телеграфных линий*. Грандиозным свершением стала линия, проложенная по дну Атлантического океана, соединившая Старый и Новый Свет в 1858 г. Затем был проложен африканский кабель, обеспечивший связь с Индией (Лондон–Бомбей, 1870 г.). Они резко изменили скорость принятия бизнес-решений и банковских расчетов.

Не меньшее воздействие ускоренная мобильность оказывала и на повседневную жизнь людей, которая все больше подчинялась механизированным производственным ритмам на предприятиях, расписанию поездов и пароходных линий. Улучшенная почта и телеграф обеспечили более интенсивный обмен информацией. Темп жизни ускорился, и это отразилось в преобразовании локальных средств сообщения в городах, где появился

облегченный вариант железных дорог (конка — трамвай на конной тяге), а в 1863 г. открылось первое в мире лондонское метро.

Агротехнический переворот и урбанизация. Важнейшим условием, обеспечившим успех индустриальной революции стал агротехнический переворот второй половины XVIII века, также начавшийся в Англии, а затем распространившийся в континентальной Европе, где его, правда, сдерживало традиционное сельское хозяйство, а также в фермерских США и поселенческих колониях Великобритании. Переворот в агротехнике предполагал замену традиционных экстенсивных методов ведения хозяйства (когда рост достигается за счет расширения посевных площадей или поголовья скота) на *интенсивные методы*: использование удобрений, мелиорация, применение сложного севооборота (многополья), селекция сортовых семян и выведение породистого, специализированного скота, использование машин, механизмов и т.д. Переход на интенсивные рельсы позволял в разы увеличить продуктивность сельского хозяйства, высвобождая аграрное население, становившиеся избыточным. Его доля сократилась в Англии к середине XIX века до половины, а к концу столетия до 20 % от общей численности населения. Таким образом и по темпам урбанизации Англия обгоняла все прочие страны мира.

Численность городского населения в Европе на протяжении XIX века неуклонно росла, а городской образ жизни со временем становился доминирующим. Появляются промышленные города-миллионники: в начале века — Лондон, затем — Париж. Рождался образ города-спрута, «проглатывающего» людей, «ужасной» столицы, которой, однако, стремились подражать. Разумеется, нестоличные промышленные центры были меньшего размера. В течение XIX века количество городов с населением свыше 100 тыс. чел., кроме Лондона, в Англии увеличилось с 5 до 37.

Растущая за счет притока переселенцев из сельских районов городская среда, не скрепленная тесными узами групповой солидарности, требовала от новых горожан новых навыков выживания в атомизированном состоянии. Скученность городской жизни породила небывалую плотность коммуникации с преобладанием поверхностных, эпизодических контактов. Усиливались горизонтальная и вертикальная социальная мобильность, не обязательно ведущая вверх. Города росли за счет неблагополучных бедных районов, при этом количество и качество жилья в них оставалось перманентной проблемой. Она была сопряжена дополнительно с вопросами городского благоустройства, водоснабжения, канализации, санитарных мероприятий и т.д. Гораздо позднее появится осознание вреда, наносимого жизненной среде городов (воде и воздуху, прежде всего) промышленными предприятиями и угольными разработками.

В условиях больших городов с возможностью анонимного растворения в толпе родился феномен массовой преступности, что потребовало административных, социальных, полицейских и школьных реформ. И не случайно именно в середине XIX века возник новый литературный жанр — детектив, вскормленный газетной криминальной хроникой. Детство, воспетое

сентименталистами и романтикам в конце XVIII века, подверглось угрозам с «улицы», и его уже пытались защитить с помощью буржуазной благотворительности. Вовлечение женщин в производственный процесс и городскую повседневность при ослаблении сословных барьеров стимулировали «эмансипацию» и ранний *феминизм*.

В свою очередь стресс бесконечных перемен, обеспокоенность ускорением темпа жизни и ненадежностью социального положения породили, в оценке современников эпохи, «расстройство нервов» и вывели на сцену фигуру спасителя — психиатра. Тем не менее, индустриальное общество передовой Англии до конца XIX века демонстрировало уверенный демографический рост, а продолжительность жизни здесь заметно увеличилась, благодаря успехам медицины, гигиены и увеличению общего благосостояния.

В политически острых ситуациях крупные города грозили превратиться в арены жестокого противостояния, поскольку высокая плотность размещения жителей обеспечивала их стремительную физическую мобилизацию. Помятуя о баррикадных боях 1848 г., император Наполеон III в 1850–60-е гг. провел масштабную реконструкцию Парижа с разбивкой широких проспектов и бульваров. Реорганизацию пространства, рано или поздно, должны были пройти все растущие городские центры, имевшие старую средневековую планировку. В новых городах она уже подчинялась размещению промышленных предприятий.

Кризисы и циклы. Увеличение масштабов производства привело к новым закономерностям в динамике экономического развития. Связь между производством (рыночным предложением) и реальным спросом на внутреннем и внешних рынках осуществлялась с задержкой торгового оборота. В то время не проводились комплексные маркетинговые исследования. Каждый производитель, действуя на свой страх и риск, в погоне за прибылью стремился к максимальной отдаче. В условиях острой внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции это вело к периодическому перенасыщению рынков. Первый такой *кризис перепроизводства* возник в Англии в 1825 г., и затем подобные сбои повторялись с периодичностью около 10 лет. Впрочем, позднее, в условия железнодорожной горячки и строительства «тяжелых» отраслей, механизм кризиса усложнился за счет разной скорости оборота капитала в них и в «легкой» промышленности. Сбои происходили в результате «сверхинвестирования» в долгую перспективу развития «тяжелых» отраслей, где конечный спрос просчитать еще сложнее. Падение рыночной конъюнктуры влекло за собой сокращение производства и занятости. Поэтому кризис усугублялся безработицей и новым витком спада потребительских возможностей. На некоторое время экономика оказывалась в депрессии, но затем с прохождением «дна кризиса» и неуверенных колебаний ожидался новый подъем.

С одной стороны, кризисы имели разрушительный эффект, поскольку приводили к разорению части предпринимателей. С другой стороны, подобные встряски усиливали конкуренцию, в которой, как известно, побеждает сильнейший, стимулировали совершенствование производственного процесса,

сокращение издержек, углубление механизации и укрупнение предприятий. По мере успехов промышленной революции за пределами Англии экономики разных стран становились более связными общими рамками конкуренции, и в 1857 г. разразился первый мировой экономический кризис, следующий — в 1866-м. Там, где сельское хозяйство оставалось отсталым, кроме того, имели значение аграрные кризисы, провоцируемые несколькими неурожаями подряд. Если аграрный кризис совпадал по времени с промышленным, он усиливал его разрушительный эффект, следовательно — мировую конкуренцию.

Помимо так называемых «коротких» волн (конъюнктурных циклов или «жюгларов», названных так по имени их первого исследователя К. Жюглара) выделяют еще «длинные» волны *Н.Д. Кондратьева* (1892–1938), описавшего циклы развития с протяженностью в 50–60 лет. Они подчинены закономерностям обновления технической базы по мере физического и морального старения машин и оборудование, некогда давших толчок экономике, а затем уступающих место их новому поколению. «Короткие» волны помещаются внутри «длинных». В фазе подъема последних конъюнктурные скачки достигают более высокой точки, а падения выражены в меньшей степени. Если же конъюнктурный кризис совпадает с завершением «длинной» волны, то спад усиливается.

Австро-американский экономист *Й. Шумпетер* (1883–1950), отталкиваясь от известных замечаний К. Маркса о самоубийственных способностях капиталистического способа производства, более оптимистично назвал развитие через кризисы склонностью капитализма к «*созидательному разрушению*». Именно это свойство, как полагают, предопределило радикальную адаптацию системы и ее выживаемость, вопреки прогнозам Маркса. Смена технических поколений, то есть переход к следующему «долгому» циклу была альтернативным выбором и могла сопровождаться неожиданным ускорением ранее отстававших национальных (региональных) экономик, превращавшихся в новых лидеров

Расширение политического доступа и экономический либерализм. В 1760–80-е гг. в Англии зарождается *радикальное движение*, потребовавшее решительной реформы парламентской системы, которая бы обеспечила свободный доступ к ней независимо от статуса и имущественного состояния. Радикалы выражали интересы новых городских слоев, а их лидерами являлись представители «свободных профессий».

Новый подъем радикальных выступлений пришелся на период, наступивший после «наполеоновских войн». В 1815 г. преобладавшие в парламенте ленд-лорды приняли так называемые «*хлебные законы*», устанавливающие запретительные барьеры на ввозимое в страну зерно. Тем самым они защищали узкие интересы земельных собственников и аграрного сектора в условиях усиления конкуренции после падения «континентальной блокады». «Хлебные законы» увеличили стоимость жизни, а значит наносили ущерб не только городским потребителям с низким достатком, но косвенно еще и промышленникам, поскольку стоимость рабочей силы, пускай и сбиваемая безработицей, все равно дорожала. Непопулярное законодательство совпало с

социальными трудностями, вызванными демобилизацией солдат, вернувшихся с континента. Масштаб недовольства был так высок, что правительство в страхе применило силу для разгона многотысячной манифестации под Манчестером на поле Св. Петра в августе 1819 г. Это бесславное кровопролитие, стоившее жизни 11 человек (около 400 получили ранения), вошло в историю под названием «Патерлоо».

Наконец, в 1832 г. при колоссальном сопротивлении палаты лордов была утверждена *первая парламентская реформа*. Путем перетасовки избирательных округов с ликвидацией «гнилых местечек» было высвобождено дополнительно 143 мандата в палату общин. Из них 13 получили Ирландия и Шотландия, и по 65 новые сельские и городские округа. Имущественный ценз в городах устанавливался в 10 фунтов, что открыло доступ на выборы в парламент новой промышленной буржуазии. Однако мелкие городские слои и пролетарии от нее отсекались. Радикальное движение распалось, а борьбу за *всеобщее избирательное право* в Англии тут же продолжили чартисты (см. следующий раздел).

Радикальное демократическое движение охватило и другие страны Европы, а расширение политического представительства или создание выборных учреждений являлось одним из главных его требований. Социально-политические противоречия породили на континенте несколько революционных волн, из которых наиболее крупным потрясением стали революции 1848–1849 гг. или «*весна народов*», поскольку политические требования в них часто сочетались с национальными. В ряде случаев сохранял значение и аграрный вопрос, выявились и специфические требования рабочих (во Франции и некоторых частях Германии). «Всеобщее избирательное право», завоеванное во время революций, сохранилось во Франции, где под влиянием аграрного популизма возник режим Второй империи Наполеона III (1852–1870), который выработал эффективные способы манипулирования выборной процедурой для удержания у власти. Низкий имущественный ценз закрепился также в некоторых других государствах (Пруссии, Сардинии, Бельгии). А самый демократичный режим утвердился в Швейцарии, где уже в 1848 г. в одном из кантонов страны избирательные права получили женщины.

В результате распада просветительского комплекса идей в начале XIX века сложилось три идеологических стратегии: *либерализм, консерватизм и социализм*. Идея политической свободы могла облекаться в разные социальные рамки и, в своем умеренном варианте, толковаться как право лишь для хорошо образованных и состоятельных сограждан. Позиция консерваторов тоже менялась в зависимости от социально-политического контекста той или иной страны. Не отрицая полностью нового и отделяя себя от крайних реакционеров, консерваторы указывали на необходимость сохранения «традиций», многие из которых были, на самом деле, сравнительно недавними изобретениями, но обретали ценность в бурном потоке перемен.

В 1830-е гг., в новых центрах промышленности Англии вычленяется движение экономических либералов. Теоретически их позиция опиралась на выводы А. Смита о «невидимой руке» (*invisible hand*) рынка, которая управляет

«богатством народов», и на принцип невмешательства в экономику («laissez-faire», фр.) государства, которому отводилась роль «ночного сторожа». *«Лига против хлебных законов»*, основанная в конце 1830-х в Манчестере Р. Кобденом и Д. Брайтом, добилась своего в 1846-м. Через три года были отменены «навигационные акты». Обладавшая промышленной монополией Англия больше не боялась конкуренции, а сопротивление ленд-лордов в вопросе тарифов было окончательно сломлено, поскольку после парламентской реформы они политически ослабли. Страна вступила в эру свободной торговли (или «манчестерского капитализма»). Вскоре за ней последовали и другие державы Европы. В 1860 г. было достигнуто либеральное торговое соглашение с Францией, ставшее примером для остальных. Эра свободной торговли продолжалась до конца XIX века.

Рабочее движение и социализм. Расширение промышленного сектора и интенсификация живого труда, механически привязанного к работе машин, при отсутствии какого-либо правового регулирования производственных отношений, сформировали так называемый «рабочий вопрос».

В раннюю индустриальную эпоху продолжительность рабочего дня достигала порой 14–16 часов. Сначала его ограничивало естественное освещение, но уже в конце XVIII века в Англии на некоторых предприятиях стали использовать газовые фонари, и это позволило организовать ночную работу. Разумеется, хозяева не несли ответственность за несчастные случаи на производстве, в то время как его опасность с применением все более мощных машин нарастала. Труд женщин и детей, согласно социально одобряемому гендерному неравенству, стоил дешевле, а наказания за нарушения на производстве по отношению к ним — суровее. Законы о бедных санкционировали принуждение к труду, в то время как «нашествие» машин подрывало традиционную экономику, отнимая «кусочек хлеба» у мелких производителей. Иными словами, многие трудящиеся оказались тогда в бедственном положении. При этом «жестокость» работодателей диктовалась не только «социальным расизмом», но и жесткостью конкуренции, которая, в отсутствие банковского кредита, требовала инвестиций за счет средств предприятия в техническое оснащение и масштабирование производства.

Вместе с тем, то же укрупнение производства и концентрация занятых (уже в конце XVIII века на некоторых предприятиях работало до тысячи чел.) создавали условия для мобилизации протеста и создания его организационных структур. Рабочие устраивали *забастовки*, подавали петиции с перечислением *экономических* требований. В конце XVIII века появились первые профессиональные союзы (*трэд-юнионы*), созданные ткачами и горняками. Их активность распространялась пока лишь на одно или несколько локально связанных предприятий. В 1824 г. деятельность трэд-юнионов была узаконена, но им запрещались агитация в пользу стачки, препятствие найму *итрейббрехеров* (заместителей стачечников) и статус юридического лица. Поэтому официально санкционированная роль трэд-юнионов сводилась пока к оказанию взаимной помощи. Вскоре возникли национальные ассоциации работников, которые вышли за эти рамки.

Одной из первых форм рабочего протеста было движение «ломателей машин» или «луддитов» (по имени легендарного Неда Лудда, якобы первым сломавшим свой станок). Подобный промышленный вандализм мог быть как проявлением иррациональной атаки на технический прогресс со стороны традиционных ремесленников или фабричных рабочих, но мог быть и формой продуманного саботажа для давления на хозяев, если машину выводил из строя тот, кто ее мог затем и устроить. В некоторых случаях протесты перерастали в вооруженные восстания (волнения лионских ткачей в 1831 и 1834 гг., а также силезских — в 1844 г.).

Первым организованным *политическим* рабочим движением национального масштаба стал британский *чартизм* 1830–40-х гг. После парламентской реформы 1832 г. радикальное движение распалось, а инициатива в борьбе за всеобщее избирательное право перешла низшим городским слоям. Возможность мирной политической борьбы в Англии была обусловлена длительной парламентской и преддемократической традицией, которая включала, в частности, и право свободной подачи петиций или хартий (отсюда название движения). С помощью массового давления на парламент, чартисты надеялись добиться от него принятия избирательной реформы, предусматривающей всеобщий политический доступ, пропорциональное распределение избирательных округов, тайное голосование и денежное вознаграждение для депутатов парламента, что позволило бы заседать там и неимущим. Манифестации, организованные чартистами в 1839, 1842 и 1848 гг. (число подписантов выросло до 5 млн чел.), не принесли желаемого результата, но они и не переросли в насильственные действия, о которых подумывало левое крыло руководства.

Побочным следствием движения стало принятие в парламенте в 1847 г. первого закона, ограничивающего продолжительность рабочего дня 10-ю часами для женщин и детей. Хотя первоначально эта норма могла нарушаться на мелких предприятиях, затем она стала под давлением тред-юнионов постепенно распространяться и на мужчин.

Усиление социальных противоречий и тот же «рабочий вопрос» находили умозрительное решение в так называемом «социализме» (или «коммунизме»). Группы *социалистов* были, быть может, самыми последовательными наследниками Просвещения с его мечтой о справедливом обществе (и наследниками «равенства и братства» в революционной триаде). В широком плане, социалистами в XIX веке называли всех, кто во главу угла ставил социальные вопросы. В более узком — тех, кто предлагал заменить частную собственность коллективной или общественной.

Что касается *коммунистов*, то их часто отождествляли с социалистами, однако те, кто все же делал различия, имели в виду план насильственного захвата власти («заговор во имя равенства» в духе Г. Бабёфа). Социалисты же больше уповали на пропаганду идей, реформы сверху (А. Сен-Симон, Ф.Р. Ламенне), благотворительность и социальные эксперименты, которые бы могли подтвердить преимущества свободного труда (Ш. Фурье, Р. Оуэн, Э. Кабе). Объясняя в 1890 г. причины, заставившие назвать программный текст

марксизма «Манифестом коммунистической партии» (1848), Ф. Энгельс указывал на то, что центральной его идеей была *пролетарская революция*, которая должна уничтожить частную собственность, а вместе с ней и все формы эксплуатации человека человеком.

Вопросы

1. Почему промышленный переворот начался именно в Англии, а не в континентальной Европе или в США?
2. Как связаны между собой техническая и социальная сторона промышленного переворота?
3. Почему во Франции процесс разрушения традиционного уклада в сельском хозяйстве и ремесле происходил более медленно?
4. Какие изменения в образе жизни принесла с собой урбанизация?
5. Чем продиктовано возникновение радикального демократического движения? Что унаследовал от него чартизм?
6. Чьи интересы отражали идеологи либерализма и консерватизма первой половины XIX века?
7. Какие утопические черты присущи социалистическим учениям раннеиндустриальной эпохи?

Литература

Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / Отв. ред. В.С. Мирзеханов. – М.: Наука, 2014. – С. 21–91.

История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. – М.: Наука, 2000. – Ч. 1.

Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. В 2 т. / Под ред. С. Бродберри, К. О'Рурка. Т. 1. 1700–1870 / Пер. С англ. Ю. Каптуревского; под ред. Т. Дробушечской. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – Ч. 1.

Мокир Д. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс / Пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. Т. Дробышевской и А. Смирнова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. – Гл. 5, 7, 10.

Мокир Д. Просвещенная экономика. Великобритания и Промышленная революция 1700–1850 гг. / Пер. с англ. Н. Эдельмана; ред. Е. Попова. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 792 с.

От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг.: Учебное пособие для студентов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 6.1–6.2.

Поулсен Ч. Английские бунтари: становление парламентаризма и демократии в Англии / Пер. с англ. Ред., авт. предисл., авт. коммент. С.Н. Бурин. – М.: Прогресс, 1987. – Гл. IX, XIII, XV–XVIII.

Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. ред. А.И. Володина. – М.: Политиздат, 1982. – 512 с.

Хобсбаум Э. Век революций. 1789–1848. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – Гл. 2, 8–11.

Объединение Италии и Германии. Гражданская война и Реконструкция Юга в США

Экономическая и политическая раздробленность Германии и Италии. Исторические судьбы двух стран во многом похожи. Социально-экономическая стагнация и консервация раздробленности там, где ростки буржуазных хозяйственных форм появились ранее, чем где бы то ни было, еще в XIV веке — это последние звенья в цепи закономерностей: перемещение в результате Великих географических открытий главных торговых путей в Атлантику, регресс мануфактуры, перенос капиталовложений в недвижимость, аграризация экономики. Неудача «буржуазной революции номер один» (Ф. Энгельс) — Реформации и Крестьянской войны в Германии — привела к торжеству княжеского сепаратизма и религиозному расколу страны, выраженному в принципе «чья власть — того и вера».

Закреплению раздробленности в обеих странах способствовали опустошительные войны. В Италии — в XV веке между Францией и Испанией, закончившиеся установлением господства последней (в XVIII веке ее сменила Австрия). Для Германии же настоящим национальным бедствием стала *Тридцатилетняя война* (1618–1648), которая вылилась в хищнический грабеж страны, своего рода способ «первоначального накопления».

После *Вестфальского мира* (1648) на территории Германии насчитывалось более 300 независимых княжеств, около 50 вольных городов, не говоря уже о массе мельчайших рыцарских владений. *Священная Римская империя*, в которую все они входили, была только фикцией всегерманского единства, структурой, легитимирующей раздробленность. Принцип обязательного единогласия всех депутатов имперского рейхстага сводил к нулю результативность его работы, а императорская корона, принадлежавшая чаще всего дому австрийских *Габсбургов*, являлась скорее символом завидного престижа, нежели реальной власти.

Тридцатилетняя война закрепила хозяйственные различия между двумя частями Германии. На западе преобладало мелкопоместное хозяйство, либо дворяне вообще его не вели, крестьяне в основном были лично свободны. *Прирейнская* западная Германия и *Саксония* в XVIII веке вошли в число наиболее развитых промышленных районов Европы. В восточной *заэльбской* части Германии, напротив, господствовало крупное помещичье (*юнкерское*) хозяйство, основанное на барщинном труде лично зависимых крестьян и при этом ориентированное на рынок. Зато мануфактура получила весомую государственную поддержку. Именно здесь к XVIII веку сложился новый центр силы германских земель — *Бранденбургско-Прусское государство*, с 1701 г. королевство Пруссия. Территория, по имени которой было названо новое королевство, не входила в состав империи, и это освобождало его правителей из династии *Гогенцоллернов* от вассальных обязанностей по отношению к императору. Опираясь на юнкерство, привычное к военным баталиям, и умело лавируя между тогдашними великими державами, прусская монархия добилась

значительных успехов в ряде европейских войн и сама вступила в круг сильнейших.

В Италии на аграрном Юге утвердились крупные латифундии, хотя личной зависимости крестьян уже не было. В Центральной Италии и на Севере возобладала издольная аренда. Север быстрее втягивался в рыночно ориентированное хозяйство. Во второй половине XVIII века активизировалось домашнее производство шелковой нити — полуфабриката, вывозившегося по преимуществу в Англию и во Францию. На юге товаризация латифундий привела к экспроприации общинных земель и обнищанию массы крестьян. Завязался узел острого социального конфликта. Явного лидера среди итальянских государств в XVIII веке еще не наблюдалось, господствующее положение здесь занимала внешняя сила — австрийские Габсбурги.

Экономическая и политическая раздробленность (различные системы мер, весов и монет, таможенные барьеры, правовая неразбериха) и в Италии, и в Германии являлась главным тормозом общественного развития. Только объединенное государство могло обеспечить благоприятные условия для развития капитализма внутри страны и защитить интересы национального капитала вне ее. И там, и там объединение было связано с распространением культа нации и стандартизацией национальной культуры.

Этапы и течения итальянского Рисорджименто. Эпоха борьбы за объединение Италии получила в историографии название Рисорджименто (в переводе с итал. — «возрождение»). *Начало* ее относят к рубежу XVIII–XIX веков, ко времени революционных и «наполеоновских» войн.

В ходе них в итальянских землях были проведены грандиозные преобразования: ликвидированы остатки личных повинностей крестьян и введен порядок выкупа поземельных платежей, упразднена церковная десятина, распроданы земли церкви; отменены монополии, таможенные барьеры, цеховые ограничения, упорядочена денежная система; собственническое население получило доступ к административной и судебной власти, хотя и контролируемой французами. Заметно уменьшилась дробность итальянских земель. В конце концов, Наполеон, включив некоторые из них непосредственно в состав Французской империи, учредил на оставшихся территориях два марионеточных государства: Итальянское королевство, которое он возглавил самолично, и Неаполитанское, переданное сначала брату Жозефу, а потом зятю — Мюрату.

Оборотной стороной наполеоновского господства стало превращение Италии в аграрно-сырьевой придаток Империи, обложенный дополнительно кабальными платежами и повинностями. Противоречивое сочетание благотворных перемен, принесенных в Италию Французской революцией и Наполеоном, с национальным унижением, испытанным ею, как раз и дало импульс патриотическому движению за свержение иностранного владычества. Представления о дальнейшей политической судьбе Италии были, однако, у его участников различными. Наиболее боевитую часть патриотов объединило «Общество карбонариев», ячейки которого («венты») организовывались по принципу масонских лож.

Венский конгресс восстановил в Италии прежние монархии: Бурбонов в Неаполитанском королевстве (с 1816 г. — Королевство Обеих Сицилий), герцогов, связанных династическими узами с Габсбургами, в Парме, Модене и Тоскане, светскую власть римского папы, савойскую династию в Сардинском королевстве (в состав его вошли Пьемонт, Савойя, Генуя и остров Сардиния). Законодательство периода господства Наполеона было отменено, хотя некоторые проведенные тогда преобразования сохранились в силе. Но главное — экономическая и политическая раздробленность Италии вновь стала реальностью. А препятствием к ее преодолению были австрийские Габсбурги, получившие Ломбардо-Венецианскую область и поставившие в военно-политическую зависимость от себя все итальянские режимы, за исключением Пьемонта.

Патриотическое движение в Италии, столь же разнородное как и ранее по социально-политической окраске, действовало теперь под антиавстрийскими лозунгами. Но неудачи двух революционных атак — начала 20-х гг. (революции в Королевстве Обеих Сицилий и в Пьемонте) и начала 30-х (в Модене, Парме и Папском государстве) — поставили в повестку дня пересмотр прежних методов и организационных форм борьбы. Эпоха карбонариев ушла в прошлое, начался новый этап в Рисорджименто, в ходе которого выделились два основных течения.

Демократическое течение, представленное организацией «Молодая Италия» Джузеппе Мадзини, выдвинуло задачу создания унитарной итальянской республики якобинского типа от Альп до Сицилии (принцип «естественных границ») путем всенародного восстания и партизанской войны против австрийских оккупантов и подконтрольных Габсбургам монархий. Особое внимание мадзинисты уделяли пропаганде и воспитанию, определяя патриотическое служение как религиозный долг каждого итальянца, их девизом были: «Бог и народ». Однако, демократическое течение не связывало решение политического вопроса — об объединении Италии — с социальными и, прежде всего, с решением аграрного вопроса, боясь оттолкнуть от движения либеральное дворянство и земельную буржуазию. Это ослабляло социальную базу «Молодой Италии».

Ростом буржуазных слоев, в том числе за счет хозяйствующего поновому дворянства, было обусловлено выдвижение *умеренно-либеральной* программы в Рисорджименто. На первый план ее идеологи ставили проведение в итальянских государствах реформ, которые бы обеспечили свободу предпринимательства и торговли и одновременно связали Италию в единый хозяйственный организм. В политическом плане либералы ратовали за федерацию итальянских монархий под эгидой римского папы либо сардинского короля Карла Альберта, склонявшегося к этой идее. Рупором данного направления стала газета «Рисорджименто», издававшаяся (с 1847 г.) в Пьемонте графом Камилло Кавуром.

В ходе революции 1848–1849 гг., принявшей общеитальянский характер, программы обоих течений прошли испытание практикой. Выявились слабости демократической платформы, рухнули надежды на римского папу и на добрую

волю монархий к объединению в итальянскую федерацию. Зато савойская династия громко заявила о себе как поборнице единой Италии.

В 1850–60-е гг. Рисорджименто вступило в свою *заключительную* фазу. В получившем конституцию Сардинском королевстве премьер-министром стал граф Кавур. Благодаря его либеральным реформам, Пьемонт выдвинулся в экономические лидеры Италии, а поучаствовав в Крымской войне, обрел необходимый вес на международной арене. Демократическое течение расколосось, и часть его, готовая к сотрудничеству с пьемонтским правительством, образовало новое «Итальянское национальное общество». Его вице-председателем стал прославленный герой «Молодой Италии» Джузеппе Гарибальди, сохранивший при себе республиканские убеждения.

В 1859 г. Сардинское королевство в союзе с Францией, которой были обещаны принадлежавшие Пьемонту Ницца и Савойя, вступило в войну с Габсбургской монархией за Ломбардию и Венецию. При этом поражения австрийцев спровоцировали патриотический подъем, демонстрации и восстания в Центральной Италии. Герцоги бежали, а позднее, после плебисцитов, Парма, Тоскана и Модена, а также часть Папского государства (Романья) присоединились к Пьемонту. Французский император Наполеон III, напуганный непредвиденными событиями, остановил войну и заключил с австрийцами перемирие. Так что в итоге Габсбурги отдали Пьемонту лишь одну Ломбардию.

В апреле 1860 г. началось восстание на Юге Италии. Из Генуи на Сицилию на двух кораблях отправился отряд добровольцев под предводительством Гарибальди. В считанные месяцы гарибальдийская «тысяча» (на Сицилию отправились 1100 чел.) разгромила вооруженные силы Бурбонов и заняла Неаполь. Фантастический успех Гарибальди, не торопившегося передать Юг Пьемонту и намеревавшегося идти походом на Рим, возродил надежды на демократический вариант объединения и ужасно напугал Кавура. Он тут же получил благословление у Наполеона III и ввел войска еще в две провинции Папского государства, Марке и Умбрию, остановив продвижение Гарибальди. В 1861 г. было провозглашено Итальянское королевство, за пределами которого оставались только Рим с областью Лацио, занятой французскими войсками, и Венеция.

Одной из причин поражения демократической альтернативы стал аграрный мятеж на Юге Италии. Борьба крестьян за общинные земли не нашла должного понимания у Гарибальди, принявшего участие в подавление крестьянских выступлений, и далее (вплоть до 1865 г.) мятеж продолжался уже под лозунгами в поддержку свергнутых Бурбонов.

В 1866 г. по результатам австро-прусской войны Пьемонт, участвовавший в ней на стороне победившей Пруссии, получил Венецию. А в 1870 г. после крушения в ходе франко-прусской войны режима Наполеона III, когда из Рима был выведен французский корпус, Вечный город стал столицей итальянского государства.

Объединение Германии «сверху». Во время наполеоновского господства в Европе германские земли также пережили большие перемены:

Священной Римской империи не стало, сократилась политическая дробность (Наполеон создал объединение германских государств — Рейнский союз — и Вестфальское королевство, во главе которого встал его брат Жером), были проведены антифеодальные преобразования. В сильно урезанной территориально после Тильзитского мира Пруссии правящие верхи пошли на умеренные реформы: отменялась личная зависимость крестьян и были определены, правда, очень тяжелые условия выкупа поземельных платежей. Правительство провело налоговую реформу, секуляризировало церковные земли, создало органы самоуправления в городах, ввело всеобщую воинскую повинность и реорганизовало армию. Та же, что и в Италии, смесь освежающих перемен и оскорбленного военными поражениями, оккупацией и экономическим подчинением Франции национального чувства дала начало патриотическому движению в немецких землях. Однако наибольшие выгоды из него извлекла прусская монархия.

Венский конгресс признал ликвидацию Священной Римской империи. Взамен ее был создан Германский союз (37 монархий и 4 вольных города). Пруссия и Австрия входили в него лишь теми частями, какими они ранее входили в Империю. Пруссия сделала ряд территориальных приобретений. Особенно важными из них были экономически развитые области на Рейне и в Вестфалии с богатым Рурским угольным бассейном. Это, а также решение аграрного вопроса в пользу прусских помещиков, которые сохранили свои латифундии и одновременно аккумулировали значительные денежные средства (*юнкерский путь* развития капитализма в сельском хозяйстве, составивший базу классового компромисса юнкерства и верхушки буржуазии), сделало Пруссию лидером промышленного переворота в германских землях. В 1830-х гг. под эгидой Пруссии был создан Таможенный союз, включивший в себя два десятка государств, что явилось первым шагом к оформлению экономического единства страны.

Главный итог бурных событий 1848–1849 гг. в германских землях — неудача революционного варианта объединения Германии *«снизу»*. Тому причиной стали слабость и разрозненность демократического движения, колебания мелкобуржуазных республиканцев, неопытность пролетарских масс, страх перед ними либеральной буржуазии, склонной к соглашению с монархией. Определелись два варианта объединения Германии *«сверху»*: *«великогерманский»* — под эгидой Австрии и *«малогерманский»* — под эгидой Пруссии, без многонациональной Дунайской империи. Проигрыш Вены в борьбе с Берлином можно связывать с куда более успешными шагами Пруссии по пути буржуазного прогресса и ослаблявшими Австрию межнациональными противоречиями.

Острое столкновение между двумя державами по германскому вопросу произошло на рубеже 40–50-х гг. После отказа Австрии обсуждать планы Берлина относительно реорганизации Германского союза Пруссия подписала с Саксонией и Ганновером в 1849 г. отдельное соглашение («Уния трех королей», или Прусская уния). Дело чуть было не дошло до военного конфликта между Австрией и Пруссией, но по вмешательству иностранных дипломатий, прежде

всего из-за позиции Николая I, поддержавшего австрийского императора, все закончилось «ольмюцким унижением» Пруссии — в Ольмюце она фактически отказалась от притязаний на всегерманскую гегемонию.

Стало ясно, что объединение германских земель вокруг прусской короны можно осуществить лишь *«железом и кровью»*, а для этого необходима сильная и боеспособная армия. В свою очередь ее реорганизация и перевооружение требовали значительных денежных затрат, вотировать которые должен был представительный орган — прусский ландтаг. Тамошние либералы поставили условием принятия большого военного бюджета их допуск во власть. Однако этот шантаж провалился. Назначенный в 1862 г. министром-президентом Пруссии Отто фон Бисмарк провел военную реформу не оглядываясь на конституционные затруднения. А его успехи в деле объединения Германии привели затем либералов к благодарственному согласию.

В 1864 г. Пруссия, объединив силы с Австрией, что было хитрой уловкой, нанесла поражение Дании, при этом принадлежавшие последней Шлезвиг достался Пруссии, а Гольштейн — Австрии. В следующем акте Бисмарк, добившись нейтралитета Франции и заключив тайное соглашение с Пьемонтом, взял под контроль Пруссии Гольштейн и напал на Австрию. Прусские войска наголову разбили австрийцев в битве при Садовой (Чехия) 3 июля 1866 г. Вена вышла из Германского союза и перестала быть препятствием к его ликвидации.

Демонстрируя чудеса дипломатической маневренности, Бисмарк нейтрализовал противодействие России агрессивным действиям Пруссии и притязания Франции на некоторые немецкие земли. Взамен старого Германского союза был создан новый Северогерманский во главе с прусским королем, со значительными полномочиями центральной власти. За пределами союза оставались южно-германские государства Бавария, Баден, Вюртемберг и часть Гессен-Дармштадта, которым покровительствовал Наполеон III. Наконец, в итоге Франко-прусской войны (1870–1871)¹ они вошли в состав провозглашенной 18 января 1871 г. Германской империи, вместе с отторгнутыми у Франции Эльзасом и Лотарингией, богатых ресурсами и промышленно развитых. Эта аннексия заложила почву для будущего длительного конфликта между двумя державами, ставшего одной из причин Первой мировой войны. Кроме того, на Францию была наложена 5-миллиардная контрибуция. Объединение Германии завершилось созданием мощного (с экономической и военной точки зрения) центрально-европейского государства под эгидой Прусской монархии.

Сравнивая объединение двух государств, Италии и Германии, следует отметить следующее. Итальянское Рисорджименто, несмотря на то, что его заключительный «королевский» этап прошел при доминировании пьемонтской монархии, имело широкое демократическое движение, сыгравшее важную роль и собственно в объединении страны (восстания в Центральной Италии, участие добровольцев-демократов в войнах против Австрийской империи, поход

¹ Судьбу Второй империи предопределило сокрушительное поражение у Седана. 3 сентября 1870 г. режим Наполеона III был низложен.

гарибальдийской «тысячи»). О Германии этого сказать нельзя. Ее объединение произошло исключительно «сверху», «железом и кровью». В немецких землях исходным моментом на пути к объединению было наличие сразу двух великих держав, претендовавших на всегерманскую гегемонию. В Италии до поры до времени не существовало ни одной, а лидерство Пьемонта, вполне определившееся лишь в 50-е гг., требовало «подпорки» в виде помощи Наполеона III за пределами страны и демократического большинства внутри ее. Кроме того, объединительное движение в Италии, в отличие от германских земель, имело отчетливую национально-освободительную окраску, поскольку главным препятствием к единству являлось господство австрийских Габсбургов.

Обострение конфликта Север-Юг в США. К середине XIX века в результате покупки земель, сгона индейцев и военной экспансии Соединенные Штаты увеличили свою территорию по сравнению с 1776 г. в 8 раз, простираясь теперь через весь континент от Атлантического океана до Тихого. Население, прежде всего, за счет переселенцев выросло до 23 млн чел. В 20–40-х гг. в США набрал обороты промышленный переворот, хозяйство страны вошло в число наиболее динамично развивающихся экономик.

В качестве препятствия на пути дальнейшего прогресса обозначился достигший кульминации в 50-е гг. региональный (*секционный*) конфликт между промышленно-фермерским Севером и плантаторским Югом США. Принципиальным противоречием при этом было столкновение основанного на свободном труде капиталистического уклада и специфического хозяйственного уклада, базирующегося на принудительном труде рабов.

Основной культурой плантаций являлся «король хлопок». Благодаря изобретению в конце XVIII века машины «Джин», ускорившей обработку волокон в 1000 раз, хлопководство испытало невиданный бум. Американские плантации в период расцвета, по разным данным, давали от 2/3 до 7/8 мирового производства хлопка, шедшего в основном на внешний рынок. Таким образом Юг «вписывался» в капиталистическую экономику, оставаясь принципиально чуждым ей. Плантаторы были мало заинтересованы в американской промышленности, товары которой не могли еще конкурировать в цене с английскими. Южане протестовали против высоких таможенных тарифов на них, выгодных лишь северянам, и против планов строительства железных дорог, каналов и гаваней. Они не желали тратить деньги в виде федеральных налогов на развитие инфраструктуры внутреннего рынка, без которой, однако, немислима единая и сильная национальная экономика.

До поры до времени союзниками плантаторов выступали фермеры-северяне, также ратовавшие за снижение тарифов и налогов и снабжавшие Юг хлебом. Но разрыв между ними был неизбежен. Экстенсивное по сути плантационное хозяйство к тому же быстро истощало почвы за счет выращивания одной культуры — хлопка. Оно нуждалось во все новых и новых землях. По мере заселения Запада количество их сокращалось, плантаторы-рабовладельцы и фермеры, ведущие хозяйство по-капиталистически,

становились конкурентами. Население Севера выдвинуло требование о *гомстеде* (усадебе, участке), свободных для фермерства землях на Западе, а в 1848 г. в США была образована радикальная партия *фрисойлеров* (от английского *free soil* — свободная земля), сразу же получившая на президентских выборах поддержку около 300 тыс. избирателей.

Территориальный вопрос первоначально разрешился «*миссурийским компромиссом*». В 1820 г. в США вошел рабовладельческий штат Миссури и свободный штат Мэн, количество южных и северных штатов в союзе и их представителей в сенате осталось равным. Практика поддержания равной пропорции сохранялась, пока это было возможно. Кроме того, согласно «*миссурийскому компромиссу*», рабство запрещалось к северу от 36 градусов 30 минут северной широты и к западу от реки Миссисипи. Обострение секционный кризиса в 50-е гг. привело к пересмотру и крушению компромисса: вступил в силу закон о поимке беглых рабов на территории штатов, где рабство запрещено, а в 1854 г. вопрос о рабстве на территории новых штатов Канзас и Небраска, расположенных севернее линии компромисса, был передан на решение их поселенцев. Вскоре между южанами и северянами, хлынувшими в *Канзас*, вспыхнул вооруженный конфликт, ставший прологом гражданской войны. В 1861 г. Канзас вступил в союз как свободный штат.

Вопрос о рабстве превратился в центральную политическую и культурно-ценностную проблему, разделившую американское общество на его сторонников и противников — *аболиционистов* (от англ. *abolition* — отмена, уничтожение). Часть из них использовала мирные методы пропаганды, а часть действовала нелегально, организовав, к примеру, так называемую «подземную железную дорогу» — сеть укрытий-«станций» и «проводников», помогавших рабам бежать на Север. 16 декабря 1859 г. фермер-аболиционист Джон Браун с 22 сообщниками захватил арсенал в Харперс-Ферри (Виргиния), надеясь поднять восстание рабов. «Армию освобождения» разгромили правительственные войска, самого Брауна повесили. Но в предсмертной записке он пророчески предрекал Америке кровь за ее грехи.

Находившаяся у власти в США несколько десятилетий *демократическая* партия, выражавшая интересы аграрного блока, вступила в 50-е гг. в стадию кризиса — фермеры отказали плантаторам в поддержке. В 1854 г. на американской политической сцене появилась новая *республиканская* партия, объединившая во временный союз разные социальные силы: буржуазию, выросшую за годы промышленного переворота, фермеров, мелких городских хозяев и наемных рабочих с их мечтой о собственной ферме на Западе. Президентские выборы 1860 г. принесли победу республиканскому кандидату — адвокату *Аврааму Линкольну*. Плантаторы окончательно утратили федеральную власть. Преобладания в конгрессе США они лишились ранее.

Гражданская война в США (1861–1865). В конце 1860 г., когда стал известен исход выборов президента, рабовладельческий штат Южная Каролина объявила о *сецессии* (выходе) из союза. За ней последовало еще 10 южных штатов. В первые месяцы 1861 г. они сформировали *Конфедерацию* со своей

конституцией, провозгласившей естественность рабства, со столицей в Ричмонде и собственным президентом — плантатором из Кентукки Дж. Дэвисом. Рабовладельцы сразу пошли в наступление. 12 апреля 1861 г. они обстреляли островной форт Самтер в Чарльстонской бухте, где располагался федеральный гарнизон. Линкольн объявил сецессионистов мятежниками. Началась Гражданская война или *вторая американская революция*.

По материальным и людским ресурсам Север явно превосходил Юг, учитывая также то, что часть пограничных рабовладельческих штатов осталась в союзе. В 23-х штатах, верных Конституции США, проживало 22 млн чел. против 9 млн в 11 штатах Конфедерации, из которых 4 млн — это рабы. Север давал 3/4 промышленного производства Америки, имел развитую транспортную сеть и т.д. Юг делал ставку на скоротечную войну, поскольку располагал более опытными кадрами военных, и помощь иностранных государств: Англии, заинтересованной в ослаблении своего заокеанского конкурента, и Франции, для которой США были препятствием в латиноамериканской экспансии.

На *первом этапе* войны (1861–1862) северяне действительно потерпели ряд поражений от южан. Сказывались не только временное военное превосходство мятежников и помощь им англичан, но и порочная стратегия Севера. Война велась *по-конституционному*, в то время как южане действовали антиконституционно. Линкольн надеялся вернуть отделившиеся штаты в союз, не меняя основного закона страны, в котором рабство не воспрещалось. В армии северян многие офицеры симпатизировали плантаторам. Нередко они возвращали бежавших к «освободителям» рабов их хозяевам. В тылу северян сторонники рабовладельцев, прозванные «*медянками*», саботировали решения федеральных властей, организовывали заговоры. Контрабандисты в погоне за наживой снабжали южан оружием и боеприпасами. Против них в начале войны не принимались решительные меры.

В нарушении Конституции федеральное правительство видело путь к правовому коллапсу. Собственники Севера были связаны экономическими и родственными узами с плантаторами Юга. Однако логика борьбы, захватившей в свою орбиту широкие демократические слои Америки, неумолимо влекла к революционной ломке конституционного порядка. Состоялись конфискация имущества мятежников и аресты их пособников. 20 мая 1862 г. был принят *закон о гомстедах* — каждый гражданин США, уплатив регистрационный сбор в 10 долларов, мог стать собственником 160 акров (65 гектаров) земли. А с 1 января 1863 г. вступила в силу Прокламация об *отмене рабства* в мятежных штатах (принятая в феврале 1865 г. XIII-я поправка к американской Конституции отменяла рабство уже на всей территории США). Начался *второй этап* Гражданской войны (1863–1865) — *война по-революционному*.

Северяне поставили под ружье огромную армию в 2,8 млн чел., в большинстве своем фермеров, ремесленников, фабричных рабочих и более 180 тыс./ бывших рабов. Промышленность Севера, наращивая объемы производства в тяжелых отраслях, обеспечила армию оружием и боеприпасами, а фермеры, используя новую сельхозтехнику, — продовольствием, которого хватило и на

вывоз в Европу. Юг же влачил жалкое существование. С 1863 г. он оказался в полной блокаде, организованной северянами. Даже семейства богачей голодали, скатываясь к натуральному хозяйству: огородничали, изготавливали мебель, одежду, посуду.

Англия и Франция так и не решились на вооруженное вмешательство в дела Североамериканского континента. На Британских островах возникло широкое демократическое движение в поддержку северян, против европейской интервенции в США. Сторону Севера взяла Россия, униженная после крымского поражения Англией и Францией, которые к тому же морально поддержали восставших в 1863 г. поляков. Две русские эскадры прибыли с дружественным визитом в Нью-Йорк и Сан-Франциско.

Весной 1865 г. армии генералов-северян Гранта и Шермана взяли столицу конфедерации, а 9 апреля главнокомандующий южан генерал Ли в здании суда в Аппоматтоксе сдался Гранту. Победа была омрачена покушением на Линкольна, совершенным актером Бутсом в театре Форда в Вашингтоне 14 апреля 1865 г. На следующий день, пожалуй, самый популярный американский президент скончался.

Реконструкция Юга США (1865–1877) — непосредственное продолжение второй американской революции. В ходе Гражданской войны рабство пало, но другие буржуазно-демократические задачи еще не были решены. Черное население не обрело гражданских и политических прав, а бывшие рабовладельцы сохранили основу своего могущества — огромные латифундии. Еще во время войны черные рабы и «белые бедняки» Юга выдвинули лозунг: «40 акров и мул».

Сменивший Линкольна на посту президента *Эндрю Джонсон* стремился к компромиссу с южанами с целью восстановления единства страны. Он даровал амнистию участникам мятежа и восстановил их в правах, в том числе в правах собственности, конфискованной в годы войны. Для возвращения в союз и его центральные органы от южных штатов требовалось лишь принятие XIII-ой поправки к Конституции США. Этот процесс завершился к концу 1865 г. Жертвами косметической «*президентской реконструкции*» стало неимущее население Юга и прежде всего бывшие рабы. Принятые тогда «*черные кодексы*» запрещали им владеть землей и занимать общественные посты. Они превращались в кабальных арендаторов на землях латифундистов. Началась деятельность террористической организации «*Ку-Клукс-Клан*», устраивавшей расправы над активистами, запугивавшей черное население.

В конгрессе политика президента Джонсона встретила жесткую оппозицию в лице *радикальных республиканцев*. Они добились аннулирования полномочий новоиспеченных конгрессменов Юга. Начался этап «*радикальной*» или «*конгрессовской реконструкции*». На Юг вновь возвратились уже было выведенные оттуда федеральные войска. Территорию бывшей конфедерации поделили на 5 округов под командованием генералов-северян. Мятежники вновь лишились гражданских прав. Зато бывшие рабы, согласно принятой конгрессом XIV-ой поправки к Конституции, напротив, их получили. Только утвердив ее, южные штаты могли рассчитывать на восстановление в союзе.

Саботировавший решения конгресса президент Джонсон чуть не подвергся процедуре импичмента.

Политическое господство плантаторов таким образом оказалось подорвано. Активизировалось движение чернокожих, благодаря которому в южных штатах было принято демократическое законодательство. Черное население получило доступ к образованию. В то же время радикальное решение аграрного вопроса на Юге не состоялось, поскольку в экспроприации латифундий буржуазные круги Севера видели, в основном, лишь грубое нарушение принципа частной собственности.

Реконструкция, предполагавшая тем не менее частичное перераспределение собственности и власти, сулила немалые барыши ловким авантюристам, спекулянтам и политикам, хлынувшим широким потоком на Юг. Их прозвали «саквояжники»: приезжая с пустым тряпичным чемоданом, такой делец быстро набивал его золотом и деньгами. «Пир победителей» — экономическое освоение пространств Юга, его природных богатств, строительство промышленных предприятий, железных дорог — сопровождался невиданными ранее коррупцией, казнокрадством и т.д. В этих условиях влияние сторонников радикальных преобразований, в которых было заинтересовано неимущее население Юга, неуклонно падало. В 1877 г. Реконструкция закончилась. Южные штаты были полностью восстановлены в своих правах, федеральные войска покинули их территорию.

Вторая американская революция ликвидировала важнейшие препятствия на пути буржуазного прогресса. Восторжествовал фермерский путь развития в сельском хозяйстве. Экономический раскол страны был преодолен. Бывшие рабы пополнили рынок свободного наемного труда. Сложилась американская двухпартийная система (республиканцы – демократы). Региональные и классовые антагонизмы ушли в прошлое — обе партии отражали теперь интересы буржуазных слоев. Вместе с тем, пережитки рабства, не выкорчеванные Гражданской войной и Реконструкцией Юга, остались важным компонентом общественно-политической жизни США.

Вопросы

1. В чем сходства и различия в ситуации раздробленности между Италией и Германией? Можно ли сопоставить с ней секционный раскол в США накануне Гражданской войны?
2. Какие социальные силы были вовлечены в объединительные процессы? Чем обусловлено преобладание государства в случае Германии?
3. В чем заключались трудности интеграции в ходе Гражданской войны?
4. Какие позитивные последствия повлекло объединение Италии и Германии, завершение Реконструкции Юга США? Сравните эти результаты.
5. Какие вопросы остались неразрешенными? Какие новые опасности возникли?

Литература

- Бурин С. Н.* На полях сражений гражданской войны в США. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
- Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / Отв. ред. В.С. Мирзеханов. – М.: Наука, 2014. – С. 617–663, 694–721.
- История Германии: Учебное пособие в 3 т. / Под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Т. 1. С древнейших времен до создания Германской империи. – М.: КДУ, 2008. – Гл. VI.
- История США: В 4 т. Т. 1. / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. – М.: Наука, 1983. – Раздел III.
- Галкин И.С.* Создание Германской империи. – М.: Высшая школа, 1986. – 175 с.
- Данн О.* Нации и национализм в Германии. 1770–1990. – СПб.: Наука, 2003. – Гл. 2–5.
- История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. – М.: Наука, 2000. – Ч. 4. Гл. 1–2.
- История Италии: В 3 т. / Отв. ред. К.Ф. Мизиано. Т. 2. – М.: Наука, 1970. – Гл. 1–2.
- Кирова К.Э.* Жизнь Джузеппе Мадзини (1805–1872). – М.: Наука, 1981. – 185 с.
- Патрушев А.И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. – Гл. 5–7.
- Согрин В.В.* Политическая история США. – М.: Весь мир, 2001. – Гл. 3.
- Супоницкая И.М.* Антиномия американского Юга: свобода и рабство / Отв. ред. Р.Ф. Иванов. 2-е изд., испр. – М.: URSS, ЛЕНАНД, 2019. – 225 с.

Страны Запада на рубеже XIX–XX веков: «прекрасная эпоха»?

«Вторая промышленная революция» и ее последствия. Во второй половине XIX века быстрое развитие науки и применение ее технических достижений произвели новый переворот в экономике. К концу столетия многократно увеличились и темпы, и масштабы промышленного производства. Особо заметные сдвиги произошли в развитии тяжелых отраслей, химическом производстве, машиностроении и энергетике. За последнюю треть XIX века только объем добывающей промышленности, включая некоторые новые виды сырья (например, нефть), возрос почти в четыре раза. Такими же взрывными темпами росла транспортная инфраструктура — сети железных дорог в Европе и США, а также морские сообщения. В результате обороты мировой торговли оставили далеко позади все ранние показатели, что свидетельствовало о рождении глобального рынка.

Вот лишь некоторые из технических новаций «второй промышленной революции»:

- применение буровых машин при добыче сырья;
- повсеместное внедрение мартеновского способа производства стали;
- открытие электролитического способа получения алюминия;
- бурное развитие станкостроения и стандартизация деталей;
- создание искусственных материалов в химической промышленности — искусственного волокна (нитрошелка) и синтетического каучука;
- появление электрогенераторов и строительство электростанций;
- использование двигателей внутреннего сгорания (К. Бенц и Г. Даймлер, 1886), дизелей и развитие автомобилестроения;
- возникновение воздухоплавания и зарождение авиационной промышленности
- изобретение кинематографа и развитие киноиндустрии.

Внедрение конвейерных линий, сопровождавшееся оптимизацией, регламентацией и ужесточением дисциплины в цепочке действий работников, интенсифицировало процесс труда и ознаменовало собой *переход к массовому производству и потреблению* вплоть до чрезвычайно сложных изделий (автомобиль «Форд-Т», 1908). Фордистская модель бизнеса оказала воздействие на все сферы общественной жизни, и лишь в эпоху информационной революции заговорили о наступлении постфордизма.

Усложнение процесса производства, усиление конкуренции и периодические экономические кризисы вели к укрупнению бизнеса или созданию производственных, торговых и инвестиционных объединений. К концу XIX века со всей определенностью выявился курс на *монополизацию* экономики как «естественный» результат концентрации производства и капитала. Для последующей успешной работы компаниям, поделившим рынок, было выгоднее заключить соглашение вместо конкуренции (*олигополия*).

Следует различать монополии низшего типа и высшего типа. Первые из них — картели и синдикаты — объединяли предприятия, заключившие соглашения о монопольных ценах на сырье и готовую продукцию (торгово-сбытовая сфера). Кроме того, регулирование могло касаться распределения объемов производимой продукции, а также тарификации наемного труда и других условий производства. В синдикатах к этому добавлялось создание единых коммерческих контор. Монополии высшего типа — тресты и концерны — интегрировали саму сферу производства и имели единую систему управления. Самые крупные монополии охватывали несколько отраслей (концерны), представляя собой сложные конгломераты. Наибольшее распространение трестирование получило в Соединенных Штатах, а первые концерны возникли в Японии.

Укрупнению и концентрации производства и капитала способствовало возникновение в середине XIX века инвестиционных банков, получивших в виде кредита инструменты контроля над предприятиями в долгосрочной перспективе. Еще большую роль сыграло широкое распространение акционерных обществ. Практики акционирования и манипулирования ценными бумагами позволяли привлекать средства множества мелких вкладчиков, а также проводить сделки слияния и поглощения или обеспечивать взаимное участие в капитале и перекрестное управление банковскими, промышленными, торговыми, страховыми организациями с помощью долевых пакетов акций. В условиях бурного развития фондового рынка (кредитных предложений, акций и других ценных бумаг) прежние формы капитала по происхождению (банковский, торговый, промышленный, страховой и т.д.) утратили обособленный вид, сливаясь в неразличимый и нераздельный *финансовый капитал*.

В свою очередь его ускоренное накопление создавало условия для интенсивного экспорта за пределы стран происхождения, в периферийный зоны, туда, где были ниже издержки и выше прибыль или имелись новые источники сырья и емкие потребительские рынки. Наблюдавшие этот процесс эксперты отметили *преобладание вывоза капиталов над вывозом товаров* как характерную черту рубежа веков в старых центрах капиталистического развития. Такая тенденция, в свою очередь, означала новое интернациональное качество капитала в его глобальной экспансии, усиливая экономическую зависимость слаборазвитых и отсталых стран и регионов.

Еще одним следствием укрупнения бизнеса, возникновения гигантских акционерных обществ и холдингов, стало отделение функций собственности от функций управления. Старые семейные фирмы теснила новая модель, когда крупнейшие акционеры нанимают по срочному контракту профессиональных менеджеров. Наемные управленцы готовы к более рискованным решениям, нежели те, кто рискует собственным капиталом, поэтому ведение бизнеса становилось все более динамичным. При этом топ-менеджеры, посредством наделения пакетами акций, могли включаться в состав бизнес-верхушки — финансовой олигархии.

Новый виток «промышленной революции», парадоксальным образом, усилил неравномерность роста и в самом центре капиталистической системы. Ее прежним лидерам (Англии и Франции) составили конкуренцию новые индустриальные державы (прежде всего, Германия и США). Последние максимально эффективно освоили новейшие научные и технические достижения, увеличив в опережающих темпах и производительность труда, и объемы производства. Напротив, темпы развития раннеиндустриальных стран стали замедляться в связи с оттоком капитала на периферию. Здесь проявился феномен «относительности отсталости» (А. Гершенкрон) тех стран, чей старт индустриализации совпал с коренным преобразованием технологий, организации и структуры экономики во «второй промышленной революции». И наоборот, в этих условиях привычные формы экономической жизни и устаревшие производственные или управленческие фонды превратились в обременение, сдерживавшее рост («тормозящее преимущество», по выражению Я. Ромейна).

Дифференциацию рыночных сил и межотраслевую реструктуризацию ускорили экономические кризисы 1873, 1882, 1890–1893, 1900–1903, 1907 гг. Биржевой крах 1873 г. спровоцировал «великую [аграрную] депрессию» (или «долгую депрессию»), влияние которой ощущалось до начала 90-х, в том числе в «таможенных войнах» на аграрном рынке. Она в свою очередь усилила вымывание традиционного сельского хозяйства в одних странах (Германия) и новое снижение доли сельхозпроизводства в других (Англия).

На рубеже веков некоторые мыслители задумались над изменениями в экономической организации западных стран, колониальной горячкой и подъемом милитаризма, а также о возможной связи между ними. Началась выработка «теорий империализма». Если ранее этот термин подразумевал, преимущественно, агрессивную внешнюю политику или колониальные захваты, стремление «сколотить империю», то английский экономист и публицист Дж. Гобсон, под впечатлением от англо-бурской войны, впервые в книге «Империализм» (1902) определил его как новую фазу в развитии капитализма, а милитаризацию международных отношений увязал с перепроизводством капитала и недопотреблением в метрополиях. Тогда же в разработку темы включились и теоретики-марксисты (К. Каутский, Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, Н.И. Бухарин). Суммируя уже появившуюся литературу В.И. Ленин в разгар Первой мировой опубликовал «популярный очерк» «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), где одна из характеристик этой стадии — «канун социалистической революции». Капитализм умирает под натиском монополий и государственного регулирования, а противоречия, возникшие в борьбе за «перedel поделенного мира», по мнению Ленина, могут разрешиться только через свержение мирового капитала.

Особенности социально-экономического развития ведущих стран. Экономика объединенной Германии развивалась вплоть до 1914 г. чрезвычайно быстрыми темпами. Вот основные причины ее стремительного взлета.

Объединение страны создало предпосылки для формирования единого внутреннего рынка и завершения промышленного переворота. Германия широко заимствовала технические идеи и опыт передовых индустриальных стран, практиковала покупку машин, патентов, промышленный шпионаж. И уже к концу столетия в ряде отраслей (электротехнике, машиностроении и химической промышленности) она вышла в безусловные лидеры.

Государство прибегало к политике протекционизма через систему военных заказов, кроме того, ему принадлежали железные дороги и до 40 % месторождений угля. Под давлением аграриев и части промышленников были введены запретительные барьеры на пути иностранной продукции, но со временем эти меры стали препятствием для германского экспорта.

В качестве монополий здесь преобладали картели, по количеству которых Германия опередила другие страны. При этом высокотехнологичный промышленный сектор сочетался со сравнительно отсталым сельским хозяйством, которое в большей степени было подвержено кризисам. Основная масса земли находилась в руках старой знати, имевшей связи в банковских и правительственных кругах и аккумулировавшей значительные капиталы. Модернизация в аграрном секторе ускорилась под воздействием «великой депрессии» 1870–80-х гг., но отставала от общих темпов развития экономики.

Свою роль на первых порах сыграла и победа во Франко-прусской войне. Германия вывозила с оккупированных территорий технику и транспортные средства, а также получила контрибуцию в размере 5 млрд франков золотом. Благодаря столь мощным финансовым вливаниям период 1871–1873 гг. вошел в историю как эпоха «грюндерства» — учредительской горячки (от нем. gründen — основать, организовать, учреждать). Он был отмечен массовым созданием многочисленных акционерных обществ, банков, страховых компаний, железных дорог и пр. Однако, поскольку волна «грюндерства» не была обеспечена соответствующей производственной базой, она стала совершенно неуправляемой. Итогом был биржевой крах и последовавший за ним кризис перепроизводства, который спровоцировал многоступенчатую структурную перестройку.

Индустриальному развитию Германии способствовало масштабное железнодорожное строительство, которое привело к созданию единой транспортной системы, формированию национального рынка. По темпам железнодорожного строительства Германия заняла первое место в Европе.

В Германии была создана единая валютная и банковская система. Банки взяли на себя роль устойчивых и долговременных инвесторов, необходимых для развития промышленности и всей экономики, причем внешние инвестиции не подавляли внутренних.

Германия несколько иначе подходила к образовательной политике, нежели Англия и Франция (где преобладала более консервативная модель «классического» обучения). Здесь же, наряду с философией и гуманитарным знанием (Bildung), в приоритете было естественнонаучное, близкое к практике «реальное» образование.

Ключевой причиной бурного экономического роста **США** являлись колоссальные природные и людские ресурсы. Освоение новых пространств сопровождалось масштабным потоком мигрантов из Старого Света — около 14 млн чел. переселились только за 1871–1914 гг. (на тот момент столько же проживало в Мексике). Стимулами миграции стало несколько «золотых лихорадок» и возможность получения больших участков земли, согласно Гомстед-акту, принятому во время Гражданской войны.

Накоплению капиталов способствовало отсутствие опасных соседей, что избавляло от излишних военных трат, хотя в самом конце столетия США вступили на путь создания колониальной империи. Правительство поощряло железнодорожное строительство и развитие иной инфраструктуры. Промышленность была защищена от иностранной конкуренции, порой, чрезмерно высокими таможенными барьерами (вершина протекционизма — тариф Дингли, 1897).

Образовательные практики, возобладавшие в США, поощряли практически-ориентированное обучение и способствовала мягкой адаптации к рыночным реалиям. Не случайно уже в конце XIX века здесь были открыты первые школы бизнеса. По количеству технических изобретений США также находились на передовых позициях. А их статус был защищен патентным правом. США были пионерами конвейерного производства. Новые отрасли промышленности — пищевая, нефтеперерабатывающая, сталелитейная, химическая, электротехническая и машиностроительная — представляли собой надежный фундамент последующего индустриального лидерства США.

Сельское хозяйство Соединенных Штатов также находилось по уровню развития впереди других стран и составляло чуть менее ½ всего объема производства. Фермеры США использовали лучшие технологии, машины, труд сезонных рабочих.

Наконец, отрезок с 1870-го по 1914 г. стал периодом формирования и укрепления монополистического капитализма. В начале XX века в США было 450 трестов — это 2 % предприятий, а давали они почти половину всей промышленной продукции и концентрировали около трети рабочей силы.

Для **Великобритании**, напротив, 1870–1914 гг. стали периодом замедления экономического развития. Если в середине XIX века Англия обладала общепризнанной промышленной, торговой и колониальной гегемонией, то к 70–80-м гг. ситуация значительно изменилась. Спрос на британские уголь, сталь и машины снизился. Период несомненного индустриального превосходства уходил в прошлое.

Владельцы британских компаний, из-за слабой конкуренции, около столетия занимали лидирующие позиции в промышленном производстве. Монополия сохранялась даже в начале устаревания основных фондов. Когда же лидерство оказалось под вопросом, капиталовложения в переоборудование собственного производства оказались слишком затратными и ненадежными, поэтому чаще избирался путь экспорта капитала. Колониальные рынки и инвестиции оказались спасением в условиях высоких протекционистских (немецких и американских, прежде всего) пошлин на английские товары.

На развитие британской экономики негативно влияла недостаточная (по сравнению с конкурирующими Германией и США) мощность и концентрация электростанций: решение проблемы передачи электроэнергии на большие расстояния имело чрезвычайно важное значение и многое предопределяло.

Наконец, положение английской экономики усложнил аграрный кризис 1873–1895 гг. Именно в Британии этот период был назван «великой депрессии», охватившей не только сельское хозяйство, но и промышленность, торговлю, финансы. Кризис был спровоцирован поступлением на рынки Европейского континента дешевого продовольствия из новых аграрно-индустриальных стран — США, Аргентины, Новой Зеландии. Английское производство, оказавшись абсолютно неконкурентоспособным, приходило в упадок. Поэтому лендлорды выставляли на продажу убыточные земли, а вырученные деньги вкладывали в ценные бумаги.

Вместе с тем, Лондон по-прежнему оставался международным финансовым центром, а фунт стерлинга — мировой обменной валютой. Великобритания сохраняла ведущую роль в морских коммуникациях (имела самый большой в мире торговый флот и портовую инфраструктуру по всему миру), в страховом и банковском деле, в международной торговле и являлась крупнейшей колониальной державой, существенно опережая по вывозу капитала другие страны.

Среди перечисленных стран **Франция** отличалась самыми медленными темпами экономического развития (прирост экономики не превышал 2 % в год). Она оставалась аграрно-индустриальной державой: даже к концу XIX века до 60 % населения проживало в деревне. Здесь преобладали мелкособственнические хозяйства (75 % из них были парцеллами до 10 га) со слабым потенциалом товарности и сохранением кустарного производства. Доля Франции в мировом промышленном производстве продолжала сокращаться.

Серьезно ослабило французские позиции поражение в войне 1870–1871 гг., поскольку оно повлекло за собой потерю одной из баз тяжелой промышленности — Эльзаса и Лотарингии. В экономике преобладала легкая промышленность — швейная, текстильная, кожевенная. Знаменитыми экспортными товарами оставались шелк, косметика, парфюмерия, ювелирные украшения и иные предметы французской роскоши. Их выпуск напоминал единичное высокохудожественное производство. Оно не было ориентировано на широкий спрос и не требовало конвейерной и высокотехнологичной организации. Квалифицированный ручной труд в этой сфере оставался ценным ресурсом. Франция отставала и по количеству, и по мощности своих машин и станков. Показатели энергообеспеченности французской промышленности также были весьма далеки от германских и американских. Хотя и во Франции возникли очаги нового индустриализма (заводы Крезе и Рено, например), в сложившихся обстоятельствах французская крупная индустрия не могла на равных соперничать с иностранными производителями. Выходом стало усиление колониальной экспансии в последние годы XIX столетия.

Зато французская банковская система развивалась высокими темпами. К началу XX века страна уверенно лидировала по уровню централизации

банковского капитала. Около двухсот крупнейших акционеров Французского банка (так называемых «двести семейств») составляли верхушку финансовой аристократии. В последней трети XIX века банковские учреждения сосредоточили основное внимание на перемещении капитала за границу в виде правительственных ссуд — займов, предоставляемых многим государствам на Европейском континенте (Российской империи, например) и за его пределами.

Эволюция социальных структур западного общества. Столь многогранные перемены в экономическом развитии ведущих держав на рубеже XIX–XX веков серьезно изменили тенденции социального развития.

Произошли крупные демографические сдвиги. Население Европы за XIX век удвоилось и составило к 1900 г. более 400 млн чел. Развитие медицины и ее позитивные результаты в борьбе с эпидемиями, усовершенствование здравоохранения и гигиены постепенно приводили к снижению показателей смертности в Европе. И, соответственно, в условиях высокой рождаемости второй половины XIX столетия был достигнут высокий прирост населения.

Продолжался процесс европейской урбанизации. В 1900 г. насчитывалось уже тринадцать городов-миллионников. Кроме того, XIX век нередко именуется временем массовых переселенческих движений. В частности, начиная с 80-х гг., с каждым годом возрастал поток переселенцев из стран Восточной Европы и Средиземноморья в США. *Миграционные движения* в этих обстоятельствах значительно усиливали темпы социально-экономического развития. Слабо заселенные ранее регионы становились центрами новой жизни и оказывались вовлеченными в систему мирового хозяйства.

Продолжилась трансформация социальной структуры, начатая в ранней индустриализации, что выявилось в выделении новых общественных групп — буржуазной элиты (сверхбогачей, инкорпорированных в финансовую олигархию), так называемого «нового среднего класса» и дифференцированных категорий пролетариата.

Новая *буржуазная элита* обосновывала право на господствующее положение в обществе (в противовес дворянскому происхождению) огромными капиталами, подтверждавшими особые личные способности. Тем не менее, она заимствовала формы престижа у прежней земельной аристократии. Дворянам нужны были деньги, тузам буржуазии — титулы, что обусловило социальное взаимопроникновение: заключались межэлитные браки; обособление «избранных» обеспечивали элитарные школы, закрытые клубы и т.д.

В «*новый средний класс*» вошли менеджеры корпораций, служащие госаппарата, представители системы образования (профессура, преподаватели школ, лицеев), лица «свободных профессий» (адвокаты, врачи), отчасти — служащие частных предприятий. Возник достаточно крупный средний класс, объединивший прежнюю мелкую буржуазию, чиновничество, интеллигенцию. Для них стремление к обогащению сочеталось с интересом к делу, в котором они часто видели смысл своей жизни. «Золотые деньки» или «прекрасная эпоха» называли период 1870–1914 гг., так как доходы росли быстро, а стоимость жизни не была слишком высокой.

Промышленный пролетариат становился более стратифицированным. Его верхний слой (20 % от общего числа) составляла «рабочая аристократия» — высококвалифицированные специалисты, — и «рабочая бюрократия» (функционеры профсоюзов и ассоциаций). Неквалифицированные работники, получавшие мизерную заработную плату, составляли низшие слои пролетариата. Различия в оплате труда проводилось и по другим признакам: национальному, расовому (в США чернокожие рабочие получали меньше), религиозному (ирландцы в Британии, поляки в Германии) и т.д. Положение всех категорий рабочих, но не одинаково ухудшалось в периоды экономических кризисов. Рабочий класс заявлял о своих интересах все более частыми, организованными и массовыми стачками.

Хотя поляризация доходов в позднеиндустриальную эпоху, возможно, даже где-то усилилась (особенно, если принять во внимание различия в центре и на периферии капиталистической системы), классовая дифференциация на границах социального деления сглаживалась: высокооплачиваемые рабочие сближались с низами «среднего класса».

Парламентаризм и «всеобщее избирательное право». Системные изменения рубежа XIX–XX веков, модернизация всех сторон жизни общества способствовали серьезным политическим переменам в странах Запада. Преобразования в социальной структуре и запрос на демократическое участие, выразившийся в широких общественных движениях, повлекли расширение политического доступа, что означало переход ко «всеобщему избирательному праву». Речь идет, прежде всего, об отмене имущественных ограничений для избирателей, хотя от выборной системы все еще отсекались большие массивы граждан (женщины, молодежь, в виду значительного возрастного ценза; в некоторых случаях — военнотруженики и полицейские). Тогда как ранние парламентские системы, по большей части, опирались на сравнительно узкую избирательную базу, теперь оно стало «всеобщим» в Германии, Франции, Швейцарии, Испании, Бельгии, Норвегии. Парламентские реформы, расширившие круг избирателей при сохранении очень низкого имущественного ценза, прошли в Англии (1867, 1884), Италии (1882), Нидерландах (1896).

Так, в Британии с начала 60-х гг. XIX века широкая демократическая коалиция усилила борьбу за всеобщее избирательное право для мужчин и тайное голосование. Это движение подтолкнуло парламентскую реформу 1867 г., которая состояла в ликвидации остающихся «гнилых местечек» (избирательных округов с ничтожно малым населением) и перераспределении зафиксированных за ними мест в парламенте в пользу новых промышленных центров. Закон предоставил избирательные права низшим слоям среднего класса (мелкая буржуазия, фермерство) и «рабочей аристократии». В 1884 г. критерии получения права голоса для жителей графств и городов стали одинаковыми, в итоге потенциальными избирателями становилось абсолютное большинство населения Англии. Страна максимально приблизилась ко «всеобщему избирательному праву».

На континенте реформы начала нового века затронули всю сферу избирательного права: в Австро-Венгрии (1907), Швеции (1907), России (1907),

Португалии (1911), Италии (1912) и в других странах. Во-первых, отменялись архаичные избирательные цензы, в том числе, имущественный. Во-вторых, выборы становились прямыми. Британские выборы всегда отличал этот критерий. Во Франции, Германии и Бельгии он становится преобладающим в результате отмены института выборщиков. Кроме того, здесь была введена система избирательных округов, основанная на численности населения. Оформляется процедура составления списков избирателей на постоянной основе. В-третьих, сформировались две основные выборные системы — мажоритарная и пропорциональная. В-четвертых, голосование стало тайным. Большинство современных избирательных процедур сложилось в этот период.

На политической карте присутствовали два типа государственного устройства. Во-первых, это конституционные или парламентские монархии (они преобладали), во-вторых — республиканские вариации (Франция, Швейцария, США, латиноамериканские государства). К концу XIX столетия конституционный порядок утвердился в большинстве стран (имперская конституция 1871 г. в Германии, конституция Третьей республики во Франции, 1875 г.). В основных законах доминировал принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. На практике все большее распространение приобретало признание ответственности правительства перед парламентом. В большинстве действовавших к началу 70-х гг. конституций содержались положения о равенстве граждан перед законом, о свободе слова, печати, собраний.

Таким образом, в ведущих европейских странах и США сложилась система представительного правления. Она предполагала действие парламента как высшего законодательного органа государства. Верхняя палата парламента часто назначалась сверху, нижняя — избиралась. Законотворческая деятельность парламентских организаций должна была легитимно оформить новые социально-политические и хозяйственно-экономические структуры.

Аристократические по своему составу (дворянство, духовенство, чиновники и предприниматели) верхние палаты почти везде имели право накладывать вето на решения нижних палат. Этот фактор вызывал особое недовольство, в связи с чем к началу XX века полномочия, функции и прерогативы верхних палат стали сокращаться. Так, Франция с 1884 г. стала отказываться от практики назначения сенаторов на пожизненный срок. В Великобритании в 1911 г. в ходе парламентского кризиса, вызванного голосованием о гомруле (самоуправлении) для Ирландии, абсолютное вето палаты лордов на законы, принятые палатой общин, было заменено отлагательным. Если палата общин в третий раз голосовала за закон, оно преодолевалось.

С расширением избирательного права менялся социальный состав депутатов. Все в большей степени избираемыми становились мелкие буржуа, интеллигенция, отчасти крестьяне и рабочие. Нижняя палата более решительно оппонировала верхней. Так неоднократно случалось на рубеже XIX – XX веков в Британии и Италии.

Основной сферой парламентской деятельности депутатов, помимо законотворчества, стали рассмотрение финансовых (утверждение бюджета страны) и внешнеполитических вопросов, судебный контроль (в качестве высшего судебного органа, чаще всего, выступала верхняя палата), формирование правительства (в рамках двухпартийных политических систем, как правило, лидер победившей на выборах партии предлагал его состав). В президентских республиках (США) правительство несло ответственность за свою деятельность перед главой государства, но под контролем конгресса, в парламентских республиках (Франция) — перед парламентом.

Политические партии в массовых избирательных кампаниях из некогда аморфных объединений превращались в жесткие организации («партийные машины») с четкой структурой, целями и соответствующей им программой действий. Переход ко «всеобщему избирательному праву» повлек за собой создание *электоральных партий*. Каждой из них следовало сформулировать программу, максимально учитывая интересы различных социальных слоев, что было на практике мало осуществимо, и партийная пропаганда приобретала лицемерный характер. Демагогия и популизм выборных кампаний нередко служили поводом для критики и сатиры, иногда для дискредитации парламентаризма с ретроградных позиций. Не взирая на критику, партийные активисты стремились привлечь к своим программам внимание большего числа избирателей, проводили шумные политические компании, использовали средства массовой печати и пристально следили за формированием общественного мнения. В условиях политического плюрализма ни одна партия, исключая двухпартийную систему, не набирала абсолютного большинства на выборах. Поэтому в представительных органах разрабатывались комбинации партийных интересов, в ход нередко шли политические интриги, а межпартийные коалиции не отличались стабильностью.

В партийной структуре выделяются партии разных идеологических платформ и оттенков, имеющие при этом выраженную социальную базу («ядерный электорат»): консервативные, либеральные и социалистические — рабочие или крестьянские. В партиях национальных меньшинств, отстаивавших право на автономию в имперских государствах, проявлялись разные идеологические направления.

Консерваторы были, по преимуществу, партией крупных собственников, но за них голосовали и напуганные современностью аутсайдеры. Либеральные партии имели более «буржуазный» характер и ориентировались на средние слои. Новым явлением в политической жизни последних десятилетий XIX века стало формирование в странах Запада левых партий социалистической окраски (Социал-демократическая партия Германии, британские лейбористы, опиравшиеся на тред-юнионы, французские социалисты). Тем временем в идеологии прежних консерваторов и либералов обнаружили существенные сдвиги.

Старые консерваторы стремились к сохранению традиционных порядков и «устоев общества» — семьи, социальной иерархии, соответствующих ей

учреждений (сильное государство, церковь). Не отрицая в принципе возможности реформ, они, по возможности, старались их избежать. По мнению либералов-фритредеров, отстаивавших индивидуальные права, государство должно ограничиваться ролью «ночного сторожа»: следить за порядком, но не вмешиваться в экономику. Будучи противниками революционных потрясений, либералы считали возможным предупредить их с помощью политических реформ. Новая конфигурация общества и политической сферы привела к пересмотру в части либерального лагеря роли государства и содержания реформаторских усилий. Правительство теперь виделось в роли регулятора общественных противоречий и проводника социальных реформ (*буржуазный реформизм*). Такая программа предусматривала широкий спектр мероприятий, варьирувавшийся в зависимости от местных условий:

- перераспределение доходов с помощью налогообложения;
- жилищное строительство для малоимущих;
- эффективный контроль над городской инфраструктурой и благоустройством, медикаментами, продуктами питания, природопользованием;
- введением антимонопольного законодательства;
- социальные пособия и пенсионное обеспечение.

В консервативном лагере также обнаружилось социал-реформаторское крыло, хотя его запросы были более скромными (*«христианский социализм»*). Но на противоположном фланге появились группы *правых радикалов*, позиции которых еще резче расходились с прежними консервативными установками.

Консерваторы, подобно либералам, признавали ценность свободы (для собственников). Однако, в отличие от либералов, консерваторы скептически относились к общественному прогрессу, рациональной модели общества и достоинству личности. По их мнению, общество состоит из людей — несовершенных и неравных от природы. Новые радикальные консерваторы взяли на вооружение социал-дарвинизм и расовую теорию, проповедуя необходимость насилия для противостояния левой анархии и защиты цивилизации во внешнем мире. Таким образом, они заимствовали арсенал средств (включая террор)¹ из революционного лагеря. Подобные группы получили распространение в Германии и Австро-Венгрии (пангерманцы, фёлькише) и в мечтающей о реванше Франции. Идеолог и создатель «Аксьон Франсез» Шарль Моррас выдвинул программу, которая предусматривала упразднение парламентаризма и демократии, восстановление монархического правления, возвращение традиционных прав и привилегий католической церкви, восстановление сословно-патриархальных отношений в обществе. Правые радикалы предвоенного времени, призвавшие к бунту против современности, стали родоначальниками европейского фашизма.

¹ В канун Первой мировой войны, в июле 1914 г. правый радикал застрелил французского социалиста Жана Жореса, выступавшего за сохранение мира.

Рабочее и социалистическое движение. На протяжении длительного периода времени протестное движение рабочих, требовавших улучшения условий жизни и труда, было слабо связано с инициативами интеллектуалов, предлагавших варианты совершенного общества и решения «рабочего вопроса». Однако в последней трети XIX века ситуация стала меняться. С одной стороны, усилились позиции профессиональных союзов, созданных самими работниками, и в некоторых случаях они были признаны как полноправные защитники интересов трудящихся на законодательном уровне. С другой стороны, стали создаваться рабочие социалистические (или социал-демократические) партии, которые, наряду с экономическими, выдвигали и политические требования, апеллируя к тем же интересам трудящихся. Им удавалось привлечь на свою сторону все большее количество избирателей из рядов рабочего класса и других слоев населения.

Социалисты (от лат. *socialis* – общественный, товарищеский) надеялись заменить капиталистическое общество, основанное на прибыли и частной собственности, новым — с общественной собственностью и властью трудящихся. Здесь не останется угнетения и будет реализован принцип: «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Однако пути, предлагавшиеся для достижения этой высокой цели были разными. В результате, порой, довольно жесткой конкуренции между социалистическими учениями победу одержал марксизм, который стал доминирующим среди идейных течений подобного рода в последних десятилетиях XIX века.

Идеи Карла Маркса (1818–1883) отличались от иных социалистических доктрин большим содержательным богатством, интеллектуальной гибкостью и логической убедительностью, а его экономический анализ, предпринятый в «Капитале» (первый том вышел в 1867 г.), был на тот момент непревзойденным. Многолетним другом, единомышленником и соавтором Маркса являлся Фридрих Энгельс (1820–1895), сын фабриканта, наследник большой торгово-промышленной фирмы в Манчестере (Англия). Он финансировал труды Маркса при жизни мыслителя, а после его смерти стал хранителем и толкователем марксистского наследия. По версии марксизма, путь к обществу без эксплуатации лежит через ликвидацию частной собственности как основания классового деления. При этом капиталистический способ производства разбудил такие возможности экономического роста, с которыми он сам не сможет справиться в силу анархии, царящей на рынке. И он же породил своего «могильщика» — пролетариат. Будучи совсем лишенным собственности, он является самым революционным классом, призванным освободить всех трудящихся. В результате революции будет установлена диктатура пролетариата, чтобы сломить сопротивление эксплуататоров. Но картины грядущего коммунистического общества Маркс рисовать не любил, ограничиваясь афористическими максимами. Само становление общества, где «свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех», оставалось туманным. И Маркс, и Энгельс при этом подчеркивали, что ни один способ производства не уступит дорогу другому, пока не выработает весь свой ресурс.

Важную роль в распространении марксизма сыграла деятельность *Международного товарищества рабочих* (МТР) — первой организационной формы, призванной придать рабочему движению интернациональный характер. Осенью 1864 г. в Лондоне на массовой манифестации, совместившей внутреннюю (избирательная реформа) и внешнюю (протест против подавления царизмом восстания в Царстве Польском) повестку дня, поскольку в ней приняли участие многочисленные политические эмигранты, возникла идея такой организации.

Маркс и Энгельс претендовали на роль ее идейных предводителей, но им еще предстояло убедить в своей правоте соперников-социалистов. *Первый Интернационал* (МТР) организовывал сбор средств в пользу бастовавших рабочих, оказывал поддержку национально-освободительным движениям, призывал к солидарности с Парижской Коммуной 1871 г.¹ Но главным образом собиравшиеся на его конгрессы социалисты вели теоретические, организационные, тактические споры или даже выясняли личные отношения. Помимо сторонников Маркса, здесь присутствовали последователи *О. Бланки* (надеялся на революционный заговор меньшинства), *Ф. Лассаля* (отрицал экономическую борьбу, выдвигая «железный закон заработной платы», которая не может измениться в реальном исчислении), *Ж. Прудона*, отрицавшего необходимость политических партий и уповавшего на беспроцентный кооперативный кредит, *тред-юнионистов*, сосредоточенных лишь на экономических требованиях и собственном статусе. После поражения Парижской Коммуны члены МТР подверглись репрессиям. Но главный удар был нанесен изнутри фракцией *М.А. Бакунина*, русского эмигранта-анархиста, также претендовавшего на лидерство в организации. Маркс и Энгельс добились исключения бакунистов (1872), и это была пиррова победа, которая привела к расколу и организационному крушению.

Тем не менее, Первый Интернационал стал важным опытом, подтолкнувшим к созданию национальных пролетарских партий, объединившихся в 1889 г. во *Втором Интернационале*. В отличие от своего предшественника, это была скорее межпартийная ассоциация, организующая конгрессы с регулярностью в несколько лет. Их участники обобщали «опыт рабочего движения» и вырабатывали рекомендации в виде резолюций и деклараций. Парижский конгресс 1889 г., в частности, предложил считать 1 мая «днем международной солидарности трудящихся». Важнейшим вопросом стало отношение социалистов к милитаризму, войне и колониализму. Конгрессы в Брюсселе (1891), Лондоне (1896), Париже (1900), Штутгарте (1907), Копенгагене (1910) и Базеле (1912) принимали антивоенные резолюции. Но это не уберегло социалистов от раскола в начале Первой мировой войны, когда все

¹ Парижская Коммуна (18 марта – 28 мая 1871 г.) стала следствием национального кризиса, вызванного падением Второй империи Наполеона III и поражения Франции в войне с Пруссией. Возглавившие революционное правительство в Париже социалисты придерживались разных позиций, но были едины в необходимости решения острых социальных проблем вместе с делом национальной обороны. Коммуна, по сути, означала превращение межгосударственного столкновения в гражданскую войну. Она была жестоко подавлена с согласия Бисмарка умеренными республиканцами.

они (начиная с самой крупной СДПГ) голосовали за кредиты и поддерживали «свои» правительства. Отношение к колониальным захватам ранее вызвало споры, поскольку часть социалистов, формально следуя за Марксом, считали, что метрополии несут в отсталые страны цивилизацию и прогресс, а колониальная добыча может быть перераспределена в пользу пролетариата (*социал-империалисты*).

К началу XX века рабочие добились некоторого улучшения экономического положения и расширения политических прав. В ряде европейских стран было принято фабрично-заводское законодательство, регулировавшее условия труда и размер заработной платы. В Германии и Англии вводились пенсии по старости, пособия по безработице и другие социальные гарантии. Стали созываться международные конгрессы по рабочему законодательству. Деятельность профсоюзов была официально признана.

Экономический рост, уступки верхов и электоральные успехи рабочих партий привели к спорам о стратегической цели и о тактике действий среди марксистов. В 1890-х гг. один из деятелей СДПГ *Эдуард Бернштейн* призвал к ревизии программы партии, отказу от пролетарской революции как конечной цели («она — ничто, а движение — всё») с заменой ее постепенными реформами для «врастания» в социализм. Хотя его выступление было осуждено большинством («центристами» во главе с *Карлом Каутским*), оно положило начало умеренному течению в западном марксизме (*социал-реформизму*), готовому сотрудничать с реформистами-либералами. Прецедентом такого сотрудничества стало вхождение французского социалиста А. Мильерана в 1899 г. в состав коалиционного буржуазного правительства Вальдека-Руссо. Пикантности этому «казусу Мильерана» добавляло то, что на посту военного министра в этом правительстве находился умиритель Парижской Коммуны генерал Галифе.

С другой стороны, под влиянием революции 1905 г. в России, выявилось крыло сторонников внепарламентской тактики или «русских методов» — всеобщей стачки и вооруженного восстания. Эти левые марксисты (Роза Люксембург и Карл Либкнехт) были предшественниками коммунистических групп послевоенного времени. Ближайшими конкурентами марксистов (социал-демократов) на левом фланге являлись анархисты и *анархо-синдикалисты*¹, пользующиеся особым влиянием в романских странах с полутрадиционной социальной структурой. Их также отличала радикальная тактика (индивидуальный террор или всеобщая стачка), но они отрицали любые формы государственного насилия, включая «диктатуру пролетариата».

Вопросы

1. Как повлияли новации «второй промышленной революции» на развитии экономики ведущих стран Западной Европы и США?

¹ Синдикаты в данном случае — это профсоюзы, которые рассматривались как альтернатива государственному устройству.

2. В чем сходства и различия в развитии фаворитов (Германия, США) и аутсайдеров (Великобритания, Франция) «второй промышленной революции»?
3. Как связаны экономические перемены в странах капиталистического «ядра» и обострение битвы за колонии в конце XIX века?
4. Как связаны перемены в социальной структуре индустриальных стран и переход ко «всеобщему избирательному праву»? Какие перемены привнес этот переход в политическую жизнь?
5. В чем сходство и в чем различия Первого и Второго Интернационала?
6. Чем обусловлено выдвижение реформаторских планов в разных сегментах политико-идеологического спектра?
7. Какова природа радикальных мутаций справа и слева?

Литература

- Антюхина-Московченко В.И.* Третья республика во Франции. 1870–1918. – М.: Мысль, 1986. – 488 с.
- История Великобритании / Под ред. К.О. Моргана. – М.: Весь мир, 2008. – Гл. 9.
- История Германии. Учебное пособие 3 т. / Под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. – М.: КДУ, 2008. – Гл. I.
- Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. В 2 т. / Под ред. С. Бродберри, К. О'Рурка. Т. 2. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – Ч. 1.
- Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х гг. – 1918 г.: Учебник / Под ред. И.В. Григорьевой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 720 с.
- Патрушев А.И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. – Гл. 8–9.
- Римини Р.* Краткая история США. – М.: Азбука-Аттикус, 2015. – 480 с.
- Тилли Ч.* Борьба и демократия в Европе 1650–2000 гг. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2010. – Гл. 4–7.
- Хобсбаум Э.* Век империй. 1875–1914. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 512 с.
- Шишкин М.В.* Теории империализма: особенности становления и развития // Вопросы политической экономии. – 2017. – № 1. – С. 101–118.

Реформы и революции в странах Востока в середине XIX – начале XX века

Особенности традиционных восточных обществ. К началу XX века понятие «Восток» применялось к характеристике широкого круга неевропейских регионов (включая Африку, а иногда и Латинскую Америку). Во многом оно являлось идеологической конструкцией, противопоставляющей европейский опыт остальному миру (европоцентризм) и обосновывающей право на колониальное господство (ориентализм).

Разрыв в уровнях развития стран Востока и европейских государств углубился. Европа и Северная Америка прошли фазу промышленной революции, капитализм свободной конкуренции перерос в монополистическую стадию. А Восток как бы застыл в своем развитии, стал объектом экспансии европейского капитала. Страны, сохранившие феодальные институты и структуры, были насильственно включены в систему мирового капиталистического рынка. Противоречие между передовым Западом и отсталым Востоком стало в XX веке одной из самых болезненных проблем человеческой цивилизации.

Отставание стран Востока в общественно-экономическом развитии от европейских капиталистических стран имело объективные причины. Традиционное восточное общество часто характеризовалось большой ролью государственной власти и верховного владыки. К концу XIX века в большинстве восточных стран развивался частнособственнический уклад. Однако традиционные феодальные отношения преобладали. Государство выступало в качестве верховного собственника земли, осуществляло централизованный контроль над всем обществом. Это в свою очередь объясняло особенность социальной структуры восточных обществ — слабость и немногочисленность частных собственников, их правовую незащищенность перед всемогуществом властей и феодальной верхушки.

Другая особенность восточных обществ — определяющее значение не классовой, а корпоративной социальной структуры, то есть разделение общества на множество корпораций и кланов (землячества, общины, секты, цехи-гильдии и т.п.). Отсюда «поглощение» индивидуума коллективом, трудности выделения из него. Система вертикальных связей и замкнутых сообществ оставалась почти неизменной при всех сменах династий и в немалой степени определяла стабильность традиционного общества, его застойность, неподготовленность к глубоким изменениям, второстепенность классовых противоречий и конфликтов.

Кризис традиционного общественного строя. В большинстве восточных стран в конце XIX – начале XX века ускорила ломка феодальных отношений, патриархальных форм жизни и хозяйства. Строились железные дороги, порты, фабрики. Этот процесс сопровождался превращением многих стран в колониальные сырьевые придатки метрополий или в зависимые от иностранного капитала, но формально самостоятельные государства. Былая замкнутость и автономность восточных стран уходила в прошлое.

Включение восточных стран в мировую капиталистическую систему сопровождалось противоречивыми последствиями. С одной стороны, вторжение зарубежного капитала подрывало традиционные устои восточного общества, способствовало развитию буржуазных отношений, но, с другой стороны, иностранные дельцы и правительства поддерживали правящие клики и консервировали пережитки прошлого, если это было им выгодно. В итоге бедность, нищета, голод, невежество были уделом сотен миллионов людей в странах Азии и Африки.

Важной формой включения колониальных и зависимых стран в мировой рынок было насаждение в этих странах той или иной сельскохозяйственной монокультуры. Иностранные компании захватывали большие земельные массивы под организацию крупных плантаций технических и продовольственных культур (хлопок, сахарный тростник, чай, кофе, каучуконосы, хинное дерево, бананы, финики и пр.). Некоторые районы Индии, Цейлон, Ява стали главными производителями чая, Бенгалия — джута, Вьетнам — риса, Золотой берег — какао-бобов, Египет — хлопка. Монокультура во многих странах «съедала» земли, остро необходимые для производства продовольствия.

Гнет иностранного капитала, архаичный феодализм и традиционные общественные структуры, объясняют замедленный и противоречивый характер вызревания капиталистических отношений. Отсюда слабость тех социальных сил, с которыми могли быть связаны прогрессивные изменения. Национальная промышленность оставалась в начале XX века на мануфактурной стадии. Местный капитал устремлялся главным образом в сферу торговли, сельское хозяйство и в недвижимость. Часть местной буржуазии, сотрудничая с иностранным капиталом, выполняла роль торговых посредников.

Восточные страны оказались на историческом перепутье. Главным вопросом стал поиск путей преодоления отсталости, путей модернизации общества, прорыва на новую ступень исторического прогресса.

Османская империя на путях преодоления отсталости. По форме правления традиционная Турция являлась абсолютной теократической монархией. Вся земля в Анатолии и Румелии (Балканский полуостров) принадлежала султану, который раздавал ее за службу воинам (*сипахам*). Крестьянские надельные земли были обложены рентой-налогом как средством для подготовки военных походов. Хозяйственной обработкой земли сипахи не занимались, видя свое главное предназначение в военной службе и черпая основной доход в военной добыче. Заинтересованность сипахи в военных победах лежала в основании силы и могущества османской армии, благодаря которой к концу XVI века турки захватили Ближний Восток, Северную Африку, Юго-Восточную Европу и создали огромную империю.

Османская система управления была простой и достаточно эффективной, но плохо подходила к требованиям Нового времени, показателями чего стали участвовавшие с конца XVII века поражения в войнах, потери территорий, рост национально-освободительных движений. Эти кризисные проявления были связаны с рядом причин, прежде всего — с постоянным уменьшением доходов

в османскую казну, в результате чего сокращались и средства на содержание армии.

Султан Селим III (1789–1808) попытался исправить это положение. Он провел ряд умеренных реформ («низами-джедид» или «новый порядок»): была создана регулярная армия европейского типа, укреплен флот, созданы военные школы, на границах построены новые мощные крепости. Другие реформы Селима III нанесли удар по феодальному укладу. Так, цеховая система была ликвидирована и заменена мануфактурами. Но последние работали в основном на нужды армии и не могли обеспечить общий рост производства. Кроме того, реформы встречали сильное сопротивление со стороны янычарского корпуса, поскольку «новые воины» жили в более благоприятных условиях и получали более высокое жалование; мусульманского духовенства, считающего невозможным заимствование опыта «неверных»; крупных феодалов, недовольных наступлением на их права и привилегии.

Сложной была и внешнеполитическая обстановка: в 1798 г. Наполеон Бонапарт отбил у османов Египет, после ухода французов (1801) власть в Египте захватили местные вожди–шейхи; вспыхивали восстания на Балканском полуострове. Восстания сербов (1804–1813 и 1815 гг.) положили начало борьбе за восстановление государственности балканских народов.

В 1820–1830-е гг. ситуация усугубилась. Захваченные османами территории становились объектом внимания европейских держав. При поддержке России Греция получила независимость; в 1830–1833 гг. Сербия была признана автономным княжеством; отпал от империи и Алжир, который вскоре был завоеван французами. Весьма существенной потерей для османов стал Египет. После двух турецко-египетских войн (1831–1833 и 1839–1840 гг.) он фактически отделился от империи.

Это заставило турецких правителей продолжить политику реформ. Султан Махмуд II (1808–1839) снова реорганизовал армию на европейский лад, что вызвало очередное недовольство янычар, которые подняли бунт (в июле 1826 г.). Султан был вынужден его жестоко подавить и уничтожить янычарский корпус. Реформы Махмуда II затронули практически все сферы общественной жизни османского общества, но не принесли желаемых результатов в силу слабой социальной базы реформаторов.

Отставание Османской империи от ведущих европейских держав, новый виток национально-освободительной борьбы в империи вынудили султана Абдул-Меджида I (1839–1861) продолжить целенаправленную политику реформ, получившую название «танзимата». Гюльханейский хатт-и-шериф 1839 г. провозглашал обеспечение безопасности жизни, чести и имущества для всех подданных империи, независимо от религии, было принято уголовное законодательство, создан коммерческий кодекс, учреждались Государственный и провинциальные консультативные советы (меджлисы) из представителей мусульманской и немусульманской общин. Вновь была реорганизована армия, упорядочены финансовая система и налогообложение. Предприняты попытки создания светской системы образования. Однако большинство преобразований 1840-х гг. осталось на бумаге.

После окончания Крымской войны реформы продолжились, только теперь их направленность определялась интересами «великих держав», внесших весомый вклад в османскую победу над Россией. Преобразования существенно расширяли возможности немусульманского населения Османской империи и иностранцев, которые получили право приобретать в собственность землю, создавать предприятия и концессии.

Реформы затронули и политический строй: в 1876 г. была провозглашена конституция, превратившая страну в парламентскую монархию. Правда, ненадолго: в 1877 г. под предлогом начавшейся русско-турецкой войны турецкий меджлис был распущен султаном, провозгласившим режим «зулюма» — тирании.

Как показала русско-турецкая война, реформы не принесли желаемого результата, они не превратили Турцию в сильное капиталистическое государство, способное отстоять свою независимость и территориальную целостность. Османская империя продолжала терять территории, росла ее зависимость от европейских стран.

После войны турецкие финансы оказались в полном расстройстве. Страна объявила о банкротстве. Это позволило империалистическим державам взять на себя финансовый контроль. За взысканием платежей следила специальная организация — «Управление оттоманского государственного долга», насчитывавшая свыше 5 тыс. служащих. Пользуясь ослаблением страны и ее полной финансовой зависимостью, западные державы навязывали Турции кабальные условия займов и концессий, прежде всего в железнодорожном строительстве. Особенно преуспела в этом в начале XX века Германия, заключившая с Портой соглашение о строительстве пути от Берлина через всю Малую Азию до Багдада и Кувейта — Багдадской железной дороги.

В конечном итоге подчинение финансов, внешней и внутренней торговли Турции иностранному капиталу привело к превращению империи в полуколонию империалистических держав. Султан *Абдул-Хамид II* (1876–1909) стал марионеткой европейских держав. Он жестоко преследовал любую оппозицию своей власти. Угнетение подданных освящала мусульманская религия. В самой Турции и в провинциях за ее пределами сохранялась феодальная система землевладения и кабальная аренда. Массы крестьян оставались без земли. Султанский двор ловко использовал для сохранения власти провоцируемые столкновения различных народов, населявших империю. Восстания армян, партизанская борьба в Македонии, восстание на Крите, вылившееся в греко-турецкую войну 1897 г., рост оппозиционных сил в самой Турции были признаками вызревания революционной ситуации.

Младотурецкая революция. В 1889 г. учащиеся военного училища в Стамбуле создали тайное общество «*Единение и прогресс*». В эмиграции возникла другая организация во главе с *Ахмедом Реза-беем*. Обе организации объединяли в основном молодую интеллигенцию (отсюда их название, данное в европейских странах — *младотурки*). Своей целью они поставили восстановление конституции 1876 г., проведение умеренных буржуазных реформ, модернизацию общества по европейскому образцу.

Если по вопросу о восстановлении конституции и проведении умеренных реформ среди членов организаций больших расхождений не было, то по национальному вопросу единства достичь не удалось. Группа Ахмеда Реза-бея отстаивала идею «османизма», то есть сохранения империи, не считаясь с интересами иных народов (арабов, славян, армян, курдов, греков и др.) ее населяющих. Другая группа стояла на позициях децентрализации империи и признании автономии нетурецких народов. Только в 1907 г. эти и другие разногласия были временно преодолены. В Париже состоялся II съезд младотурецких обществ. Съезд принял программу действий по свержению деспотического режима Абдул-Хамида. Было решено начать подготовку к восстанию.

Восстание началось с выступления армейских частей в Македонии 3 июля 1908 г. Молодой майор *Ахмед Ниязи-бей* создал партизанский отряд и ушел в горы. Абдул-Хамид II поспешил объявить о восстановлении конституции.

Младотурки оказались излишне доверчивыми, свою программу они проводили умеренно и непоследовательно, вопреки своим собственным решениям, оставили султана главой государства. 13 апреля 1909 г. тот при поддержке духовенства и лидеров реакционных организаций поднял против правительства мятеж стамбульского гарнизона с требованиями восстановления шариата, отмены конституции, возрождения самодержавной власти. Младотурки сумели быстро подавить мятеж и до 1918 г. в основном сохранили правительственную власть. Но и на этот раз они не затронули власти султана, заменив Абдул-Хамида на Мехмеда.

Младотурки не выполнили обещаний провести антиимпериалистические и антифеодальные преобразования. Они шли на компромиссы с реакцией и мусульманским духовенством. Более того, в борьбе со своими политическими противниками младотурки прибегали к террористическим методам. Не удалось им и освободиться от политического, экономического и военного диктата империалистических держав. Лишь накануне Первой мировой войны правительство приняло ряд мер, способствующих развитию национальной промышленности и ослаблению феодальных форм эксплуатации.

Усиление националистических «пантюркистских» идей вызвало в стране волну погромов и преследований армянских и греческих торговцев и предпринимателей. Младотурки пытались превратить греков, болгар, арабов и албанцев в единый народ с одним (турецким) языком. Это привело к подъему антитурецких национальных выступлений в арабских провинциях и на Балканах, с которыми младотурки жестоко расправились. В годы Первой мировой войны национальная политика младотурок вылилась в массовое истребление армян.

Турецкая революция устранила наиболее варварские методы управления, стал работать выборный парламент — *меджлис*. Младотурки ввели начала конституционных норм, которыми, правда, сами пренебрегали. Они не смогли провести в жизнь принцип светского государства. Непоследовательность решения буржуазных задач объясняется слабостью социальных сил,

выступавших за новый путь развития и модернизацию по западному образцу, ограниченностью национальной буржуазии, тесно связанной с иностранным капиталом. Наконец, сами руководители революции и правительства, пришедшие из младотурецких организаций, часто оказывались весьма консервативны. Их националистические взгляды («османизм», «пантюркизм») не позволяли вовлечь в преобразования другие народы империи, что создавало угрозу дальнейшего ее распада. Борьба вокруг наследия Османской империи стала прелюдией Первой мировой войны.

Цинский Китай на пути модернизации. В конце XIX века Китай вступил в полосу глубокого кризиса. Военные поражения Цинского Китая во франко-китайской 1884–1885 гг. и японо-китайской 1894–1895 гг. войнах означали крах политики «самоусиления», которая была провозглашена в начале 1860-х гг. Китай потерял в итоге не только своих вассалов — Корею и Вьетнам, но и часть собственной территории (Тайвань, Пескадорские острова и др.), уступил требованиям европейцев открыть свои порты и глубинные районы страны для проникновения иностранного капитала, торговцев, миссионеров. Империалистические державы ускоренно делили Китай на сферы влияния, разграблению подвергались богатства страны, а народ нищал и бедствовал. Восстания, мятежи, бунты, заговоры, террористические акты стали обычным явлением во всех провинциях Китая.

Сопrotивление Китая иностранному вторжению было неудачным из-за целого ряда причин. Слабость, немногочисленность национальной буржуазии, незрелость социальной структуры китайского общества, сопротивление императорского дворца и феодалов препятствовали движению страны к модернизации.

На пути развития частнособственнического сектора в хозяйстве Китая стояли огромные трудности. Создание самостоятельных частных предприятий в промышленности ограничивалось жесткими бюрократическими предписаниями. Первые современные промышленные предприятия (арсеналы, верфи) в период «самоусиления» создавались в форме казенных предприятий региональными феодальными кликами. Частных предприятий основывалось крайне мало: с 1872 по 1894 гг. появилось всего 75 частных предприятий с числом наемных рабочих в 27 тыс. чел. Засилье феодальной бюрократии заставляло даже крупных представителей национальной буржуазии вступать в совместные казенные предприятия или в партнерство с иностранными фирмами. Это создавало слой посреднической (компрадорской) буржуазии, мало заинтересованной в обретении полной независимости страны. Эти причины обусловили низкие темпы формирования местной китайской буржуазии и тормозили рост национального самосознания.

«Сто дней реформ» и их провал. Формирование в 1890-е гг. основных направлений в буржуазно-национальном движении Китая во многом связано с именами двух политических деятелей — *Кан Ювэя* и *Сунь Ятсена*. До японо-китайской войны 1894–1895 гг. оба они выступали примерно с одинаковых позиций, предлагая цинскому правительству проекты либеральных реформ. Однако вскоре пути их разошлись. В общественно-политической борьбе они

возглавили два разных направления — конституционно-монархическое и революционно-демократическое.

Кан Ювэй (конституционно-монархическое крыло) родился в Кантоне, изучал мировую историю и особенно интересовался Японией. Его книга «Рассуждения о японском патриотизме» (1885) была попыткой понять и объяснить возвышение Японии. Кан Ювэй считал, что Япония добилась успехов благодаря патриотизму. Лишенный его, Китай отстал и подвергается экспансии иностранцев из-за своей слабости и разобщенности. Сравнительный анализ исторического развития разных стран, в том числе и петровской России, подвел его к выводу о необходимости реформ «сверху». Кан Ювэй объединил вокруг себя сторонников обновления Китая. Они распространяли свои взгляды через газеты и журналы, переводили на китайский язык европейскую литературу. Кан Ювэй неоднократно посылал императору доклады с программой необходимых реформ, которые неизменно отвергались. Однако поражение страны в японо-китайской войне 1894–1895 гг. и существенные территориальные потери заставили цинский двор прислушаться к этим советам. Экспансия иностранных держав вновь вызвала в стране национальный подъем.

Кан Ювэй и созданный им «*Союз охраны государства*» оказал на сей раз большое влияние на молодого императора *Гуансюя* (1876–1901). Он и целый ряд его последователей в 1898 г. были назначены советниками правителя. В лето 1898 г. был обнародован пакет реформ. Этот шаг к модернизации был назван «Сто дней реформ», поскольку с 11 июня по 19 августа 1898 г. император подписал более 60-ти указов, нацеленных на обновление всех сфер общества.

Лично Кан Ювэй подготовил несколько меморандумов, в которых предлагал создание торговых палат, введение самоуправления в уездах, смягчение уголовного кодекса, внедрение всеобщей системы образования, строительства железнодорожных магистралей, модернизации армии и флота. Однако цинский двор и мать-императрица *Цыси*, поддержанные милитаристами, совершили государственный переворот. Гуансюй был арестован, посажен под домашний арест. Кан Ювэй бежал, некоторые его единомышленники были схвачены и казнены. Так была пресечена первая попытка проведения реформ.

Начало деятельности Сунь Ятсена. В конце 90-х гг. в Китае активизировалось другое течение в национально-освободительном движении, связанное с деятельностью революционного демократа *Сунь Ятсена*. Он родился в зажиточной семье, в деревне недалеко от Кантона, учился в американской школе в Гонолулу, окончил в Гонконге медицинский институт и начал заниматься медицинской практикой в Макао. Однако вскоре, осознав гибельность сохранения в стране прогнившего режима маньчжурской династии, Сунь Ятсен создал на Гавайских островах из китайских эмигрантов свою первую революционную организацию — «*Общество возрождения Китая*». Источником всех бед Сунь Ятсен считал власть маньчжурской династии, иностранных захватчиков. Он бичевал прогнивший политический строй в стране, осуждал надежды на реформы «сверху». Сунь Ятсен вел

пропаганду за свержение династии маньчжуров и готовил восстание. Однако первая попытка небольшой группы революционеров осуществить восстание окончилась поражением. Сунь Ятсен бежал из Китая.

Русская революция 1905–1907 гг. и поражение царизма в русско-японской войне оказали большое влияние на сознание различных слоев общества в цинской империи. Важным событием стало объединение летом 1905 г. под руководством Сунь Ятсена нескольких китайских буржуазно-демократических и националистических организаций, которое произошло в Токио, где действовали многие эмигрантские организации разных направлений — от конституционно-монархических до революционно-демократических. Китайский революционный объединенный союз вобрал в свои ряды все основные организации, существовавшие как в стране, так и за рубежом, выступающие за свержение маньчжурской династии. Основой программы Объединенного союза стали *«три народных принципа»*, сформулированные Сунь Ятсеном: *«национализм»* (он расшифровывался как требование свержения чужеземной маньчжурской династии и восстановления чисто китайского правления); *«народовластие»* рассматривалось как ликвидация монархического строя и установление республики; *«народное благосостояние»* предусматривало уравнивание прав на землю, то есть проведение постепенной национализации земли и установление прогрессивного налога на землю.

Таким образом, программа «трех народных принципов» определяла цели китайской революции. Внутри Объединенного союза отношение к этим принципам было различным. В частности, собственнические круги выступали против принципа «народного благосостояния», усматривая в нем покушение на феодальную монополию, а уравнивание прав на землю как призыв к разделу имущества.

В 1907 г. после организации Объединенным союзом ряда восстаний в Китае, окончившихся поражением, цинское правительство обратилось к Японии с просьбой изгнать «штабы китайских революционеров». Сунь Ятсен и руководители Объединенного союза эмигрировали в Ханой, но и из Вьетнама по просьбе китайских властей они были изгнаны французскими колонизаторами, которые опасались распространения революционных выступлений из Китая.

Реформы Цыси в 1906–1908 гг. Участвовавшие восстания побудили либеральное крыло китайской буржуазии потребовать введения конституции, чтобы ослабить или приостановить нарастающую угрозу революции. В первое десятилетие XX века национальные стремления китайских буржуа окрепли. Они стремились направить антиимпериалистические стихийные выступления масс в русло экономической борьбы, призывая к бойкоту иностранных товаров.

Перед угрозой революции объединились силы умеренных либеральных реформаторов и дворцовая клика во главе с императрицей *Цыси*. В 1906–1908 гг. Цыси пошла на уступки требованиям национальной буржуазии и либеральных феодалов установить конституционное правление и провести ряд реформ: было отменено рабство, средневековые обычаи и пытки, сословные

различия и привилегии дворянства; отменены армейские привилегии и создана армия по европейскому образцу; введено европейское образование для занятия должностей; созданы представительные органы власти — совещательные палаты в провинциях и уездах. В экономической сфере — финансовая реформа, унифицировано денежное обращение, разрешены организация торгово-промышленных выставок, основание китайских банков, акционерных компаний. Крупные перемены произошли в области образования. К 1908 г. число учащихся в китайских школах превысило 1 млн чел. Создавались музеи. Запрещалось опиумокурение. В стране появилось немало легальных либерально-буржуазных партий и организаций. Все это говорило о том, что Китай начал пробивать себе дорогу к модернизации.

Однако инерция традиционного общества была громадной. Одновременно странная смерть императрицы Цыси в ноябре 1908 г. и бывшего императора Гуансюя, находившегося под домашним арестом, ознаменовали поворот в обратном направлении — отказ от реформ. Дворцовая клика, которая теперь толпилась у трона двухлетнего императора Пу И, возведенного на престол императрицей в день ее смерти, прервала процесс реформ. Обещанная конституция так и не была обнародована. Провал толкнул либералов в лагерь назревающей революции. Иного пути к обновлению Китая уже не было.

Буржуазная революция 1911–1912 гг. Революция началась в Ухане (общее название трех городов — Учан, Ханькоу, Ханьян). Случайный взрыв гранаты в Ханькоу обнаружил нелегальную квартиру революционеров, где власти нашли оружие и списки членов революционных организаций. Начались повальные аресты. Заговорщики решили не медлить и 10 октября 1911 г. в Учане восстали солдаты. Гарнизон Уханя присоединился к восставшим. За ним последовали студенты, рабочие-металлисты. Вслед за Уханем на восстания поднялись другие города и провинции, объявляя о своей независимости от Пекина и цинского двора.

Маньчжурские власти в поисках спасения обратились к бывшему фавориту Цыси *Юань Шикаю* с предложением взять на себя командование всеми вооруженными силами. Он согласился, и был назначен председателем императорского совета и премьер-министром. Юань Шикай стал полновластным диктатором Северного Китая. Маньчжуры рассчитывали, что Юань Шикай привлечет либеральную буржуазию, расколется революционный лагерь и вооруженной силой подавит региональные восстания. Эти же цели преследовало опубликование проекта конституции и ее признание со стороны монархии.

Наблюдался рост революционного движения, ширилась география восстаний. О своей независимости объявили Ханьчжоу, Шанхай, провинция Шаньдун, автономию провозгласила Внешняя Монголия. 2 декабря революционные войска заняли Нанкин. Маньчжурская империя начала распадаться.

Узнав о начале революции, Сунь Ятсен вернулся из эмиграции и 24 декабря прибыл в Шанхай. Это воодушевило революционеров. 29 декабря конференция делегатов революционных провинций, собравшихся в Нанкине,

провозгласила образование Китайской республики. Сунь Ятсен был единодушно избран ее временным президентом. Либеральная буржуазия сочла революцию законченной.

В Пекине Юань Шикай сохранял власть. Он устраивал и либералов, и земельных собственников. Его поддерживали империалистические державы. Оставалось лишь заставить маньчжурскую династию покинуть трон. 12 февраля 1912 г. Юань Шикай принудил мать шестилетнего императора Пу И от его имени подписать акт об отречении от престола. В таких условиях Сунь Ятсен со своей утопической программой «народного благоденствия» стал не нужен либералам. Оценив сложившееся соотношение политических сил, через день после отречения императора он отказался от президентства в пользу Юань Шикая, а Нанкинское национальное собрание оформило его избрание.

Китай пережил бурный год, который по лунному календарю назывался «синьхай». Синьхайская революция в Китае закончилась в марте 1912 г., когда в Нанкине была принята временная конституция Китайской республики и решено было перенести столицу в Пекин.

Однако борьба за власть с провозглашением республики продолжилась. Юань Шикай для упрочения своей власти начал наступление на газеты и демократические завоевания. Все яснее становился его курс на реставрацию монархии. В то же время стала спланироваться и демократическая оппозиция. В августе 1912 г. «Объединенный союз», созданный Сунь Ятсеном, и несколько других организаций объединились в Национальную партию — *Гоминьдан*. В избранном парламенте, начавшем работу в апреле 1913 г. на основе конституции, Гоминьдан имел солидное представительство. Депутаты Гоминьдана находились в оппозиции к Юань Шикаю. Отношения еще больше обострились после того, как стала известна причастность того к организации убийства гоминьдановского кандидата на пост премьер-министра. В стране вновь стали вспыхивать восстания. Семь южных провинций, где были сильны позиции Гоминьдана, заявили об отделении от Пекина. Началась новая гражданская война между севером и югом. В ноябре 1913 г. Юань Шикай объявил Гоминьдан вне закона, а его членов лишил парламентских мандатов. Революционеры ушли в подполье, а Сунь Ятсен вновь отправился в эмиграцию.

Разогнав парламент, став полновластным диктатором, Юань Шикай расчищал себе путь к монархической реставрации. В 1914 г. была принята более консервативная конституция, подавлено крестьянское движение в провинциях Хэнань и Хубэй. В стране до 1927 г. установилась военная диктатура.

Революция Мэйдзи в Японии и ее последствия. В середине XIX века Япония находилась в состоянии глубокого социально-политического кризиса. Основные сельскохозяйственные земли вместе с крестьянами находились в собственности крупных феодалов — князей (*дайме*), которые с помощью вассалов управляли своими владениями. Крестьяне отдавали князьям более половины урожая, не считая других поборов и повинностей. Дальнейшее усиление эксплуатации в условиях низкого уровня сельскохозяйственной

техники вело к разорению большинства крестьян. В стране почти непрерывно происходили крестьянские волнения и восстания.

В первой половине XIX в. появилась капиталистическая мануфактура. Однако феодальная регламентация, большие налоги, узость внутреннего рынка (крестьянство — основная часть населения страны — почти не покупало промышленных товаров) тормозили ее дальнейшее развитие.

Ухудшилось и внешнеполитическое положение Японии. В 1853 г. у ее берегов появилась американская эскадра. Командующий адмирал *Мэтью Перри* ультимативно потребовал заключения торгового договора на американских условиях, фактически лишавших Японию таможенной автономии. Под угрозой применения силы японское правительство было вынуждено подчиниться. Вскоре аналогичные договоры были подписаны с европейскими державами. Появилась реальная угроза превращения страны в полуколонию. Это привело к слиянию антифеодальной борьбы и национально-освободительного движения.

Недовольны были практически все слои населения страны: крестьянство, рабочие, ремесленники, торгово-промышленная буржуазия, самураи — военное сословие мелких дворян — и князья юго-западных княжеств, наиболее развитых в экономическом отношении. Они и возглавили революционное движение.

В этот период главой государства номинально считался император. Но реально власть находилась в руках *сёгуна*, являвшегося главнокомандующим и начальником всего аппарата государственного управления, бесконтрольно осуществлявшего исполнительно-распорядительные, фискальные и законодательные функции. Начиная с 1603 г. пост сёгуна занимали представители дома *Токугава*. В таких условиях были сформулированы конкретные задачи княжеско-самурайского движения: свержение сёгуната, восстановление власти императора, проведение буржуазных реформ.

В октябре 1866 г. руководители движения потребовали у сёгуна *Кэйки* немедленной передачи верховной власти императору (15-летнему *Муцухито*) и объявили сбор военных сил, поддерживающих императора. Сёгун капитулировал. Власть перешла в руки князей и самураев — сторонников императора. Было официально объявлено о восстановлении императорской власти. В японской официальной историографии этот период обычно называют реставрация *Мэйдзи*. Это время правления императора Муцухито (1868–1912).

По своему содержанию это была антифеодальная революция, руководство которой принадлежало умеренно-радикальным кругам дворянства, связанным с императорским двором. Раздробленность и недостаточная организованность крестьянского движения, относительная слабость буржуазии во многом обусловили незавершенный характер этой революции. Тем не менее, страна вступила на путь буржуазного развития. Об этом свидетельствовали начавшиеся экономические и политические реформы, призванные модернизировать японское общество, приобщить его к более высокому техническому и государственно-правовому уровню.

Развитие Японии в последней трети XIX века ускорилось. Реставрация власти императора сопровождалась отстранением от руководства страной тех феодальных кланов, которые противились проведению назревших реформ. Возглавляемое императором правительство опиралось на разнородную коалицию. Национальная буржуазия была связана преимущественно с земледелием, торговлей и ростовщичеством. Это определяло ограниченный характер программы преобразований. Вместе с тем реформы 70–80-х гг. вырвали Японию из международной изоляции, приобщили к внешнему миру, способствовали капиталистическому развитию и крупным переменам в социальном и политическом развитии.

Важную роль в ослаблении влияния феодальных кланов сыграла аграрная реформа, по которой часть земли перешла крестьянам. Реформа создала простор для развития товарного производства, хотя сельское хозяйство было отягощено феодальными пережитками. Была проведена военная реформа. Армия комплектовалась теперь на основе всеобщей воинской повинности. Были созданы военные академии и другие учебные заведения. Быстро поднимающаяся Япония готовилась к широкомасштабным планам экспансии на материке. Уничтожение княжеств, введение префектур позволило преодолеть раздробленность страны и консолидировать общенациональный рынок.

Слабость японской буржуазии определила большую роль государства в создании казенных предприятий и арсеналов. В 1880–1890-е гг. целый ряд государственных заводов и фабрик был передан в аренду или продан частным лицам. Образовались крупные фирмы (Мицуи, Мицубиси, Ясуда, Асано). Предприятия нередко передавались в руки дворян, высших чиновников. Так возникала тесная связь императорского двора, обуржуазившейся феодальной знати, национальной буржуазии. За счет государства была создана система транспорта и связи. Вместе с тем в промышленности преобладали мелкие предприятия. По уровню технического развития Япония несколько отставала от европейских капиталистических держав. Государство путем субсидирования поощряло развитие промышленности, отдавая, однако, предпочтение фирмам, работавшим на оснащение армии и флота.

Политическое развитие Японии в конце XIX – начале XX века. Европеизация политического строя, начатая реформами Мэйдзи, завершились принятием в 1889 г. конституции, которая писалась по образцу прусской. Была восстановлена власть императора. Его особа признавалась священной и неприкосновенной. Как глава государства император имел право объявления войны и мира, заключения договоров, утверждения и издания законов, созыва и роспуска парламента, назначения и увольнения гражданских и военных чиновников высокого ранга. По конституции парламент состоял из двух палат — палаты пэров и палаты представителей. В верхней палате была представлена аристократия, члены императорской фамилии, высшие чиновники, назначенные императором лица. Нижняя палата избиралась на основе ограниченного избирательного права с учетом определенного имущественного ценза, женщины избирательных прав не имели. Парламент

утверждал бюджет, но его права в этом вопросе были ограничены. Правительство было ответственным не перед парламентом, а перед императором.

В отличие от Китая, где традиционализм и консерватизм стояли на пути восприятия европейских новшеств, молодой император Муцухито смело встал на путь заимствования опыта Европы. Склонность к заимствованиям, перениманию чужого опыта, идей и знаний, способность соединять их с национальными традициями — характерная особенность японской культуры.

Восприятие культурного и технического опыта Запада не привело к забвению норм японского образа жизни. Благодаря этому создавался благоприятный климат обновления. Новшества сказались на разных сторонах жизни. Были введены европейские система образования, календарь. Уже к началу XX века в Японии утвердилась западная мода, европейский костюм стал повседневной формой чиновников. Западноевропейские обычаи в сочетании с японской дисциплинированностью, чувством долга, почитанием старших и корпоративной ответственностью воспитали тип дисциплинированного работника. Наем на работу в учреждениях, фирмах, предприятиях на пожизненный срок создавал особую атмосферу доверия, ответственности за свою работу и солидарности с хозяином, заинтересованности в процветании предприятия. Опыт модернизации Японии предвосхитил позитивные надежды второй половины XX века — не противостояние цивилизаций, порожденное колониализмом и империализмом, а взаимодействие культур, терпимость к лингвистическим, этическим и эстетическим, религиозным различиям.

Развитие капитализма меняло социальную структуру японского общества. Формировался класс новой буржуазии. В систему наемного труда вовлекалась все большая часть населения. В 80-е гг. возникли буржуазные политические партии. В конце XIX века в Японии были созданы профсоюзы.

Переплетение интересов императорского двора, знати и буржуазии, сохранение ряда феодальных пережитков в сельском хозяйстве, грабительские методы эксплуатации народа, ориентация на континентальную территориальную экспансию определили своеобразие японского империализма. Внешнеполитическая экспансия в Японии приобрела первостепенное значение как национальная стратегия и путь к модернизации общества. В этом были заинтересованы все правящие круги страны, включая реакционные монархические и феодальные силы.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. и русско-японская война 1904–1905 гг. Первым объектом экспансии Японии на материке стала Корея, находившаяся в вассальной зависимости от Китая. Навязав Корее в 1876 г. неравноправный договор, Япония расширяла экспансию под предлогом содействия национально-освободительному движению. Когда в начале 90-х гг. в Корее началось восстание и китайские войска выступили для его подавления, Япония направила армейские части на юг полуострова. Конфликты на Корейском полуострове вылились в японо-китайскую войну 1894–1895 гг., окончившуюся разгромом Китая и подписанием *Симоносекского* мирного договора. Китай признал независимость Кореи, передал Японии Тайвань и

Пескадорские острова, открыл для Японии торговые порты, предоставил право строительства предприятий и обязался выплатить огромную контрибуцию.

Война Японии против Китая обострила японо-русские противоречия на Корейском полуострове и в Южной Маньчжурии. Россия по соглашениям с Китаем начала строительство в Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и арендовала Ляодунский полуостров (с базой Порт-Артур). Назревал русско-японский вооруженный конфликт. Готовясь к нему, Япония в 1902 г. заключила англо-японское соглашение, которое было направлено не только против России, но и против Соединенных Штатов Америки. Таким образом, на Дальнем Востоке завязывался сложный узел межимпериалистического соперничества. Японо-китайская война отметила важный рубеж в развитии японского капитализма. Готовясь к военным конфликтам, правящие круги страны приняли программу десятилетнего (1896–1905) экономического развития. Главным стало развитие тяжелой промышленности и вооружений. В стране ускорился промышленный подъем, началось перерастание капитализма в монополистическую стадию. Сложное сочетание агрессивности, милитаризма, крупных корпораций и ряда пережитков определили особенности японского военно-феодалного империализма.

В начале XX века Япония пошла на острый конфликт с царской Россией. Широкая антирусская кампания, ставшая частью общей пропаганды национализма и шовинизма в Японии и идеологической подготовки к реализации планов создания «Великой Азии», особенно активизировалась после подписания англо-японского соглашения 1902 г. и получения английских займов. 8 февраля 1904 г. Япония напала на русский флот в Порт-Артуре и Чемульпо (Корея), не объявив войны. Проиграв два главных сражения под Ляояном и Мукденом (соответственно — в августе 1904 г. и марте 1905 г.), царская Россия пошла на заключение мирного договора. Разгром русской эскадры 28 мая 1905 г. в Цусимском проливе завершил военные действия. 31 мая японское правительство обратилось к президенту США Теодору Рузвельту с просьбой о посредничестве при заключении мира. 5 сентября 1905 г. в Портсмуте (США) был подписан мирный договор, согласно которому Япония устанавливала протекторат над Кореей. Порт-Артур, железнодорожная ветка в Южной Маньчжурии, а также южная часть острова Сахалин переходили к Японии. В последующем (в 1907 и 1911–1912 гг.) между Японией и Россией был заключен ряд тайных соглашений о разделе «сфер влияния» в Китае. Это ослабило русско-японские противоречия и перенесло их остроту на отношения Японии с США и Англией.

Таким образом, накануне Первой мировой войны Япония представляла собой довольно сильное государство, стремящееся играть важную роль в политике на Азиатском континенте. Внешнеполитические позиции Японии упрочились, она добилась ликвидации или пересмотра неравноправных договоров.

Революции рубежа XIX– начала XX века (за исключением Мэйдзи) не привели к крупным успехам. Восточные общества в целом еще не были готовы к тому, чтобы последовательно двигаться в том направлении, которое указывала идеология буржуазного национализма. В то же время они явились началом нового этапа в освободительной борьбе народов Востока и показали, что система прямого колониального подчинения вступает в кризис. В ходе борьбы окрепли и приобрели политический опыт национальные партии, стали более ясными их цели и задачи.

Вопросы

1. В чем причины отсталости стран Востока от западноевропейской цивилизации?
2. Сравните модернизационные процессы в странах Востока, выделите их общие черты и специфические особенности.
3. Почему реформы эпохи танзимата в целом можно считать неудачными? Каковы причины младотурецкой революции и в чем ее историческое значение?
4. Сравните взгляды Кан Ювэя и Сунь Ятсена, в чем сходство их позиций, а в чем принципиальные различия?
5. Какие преобразования пыталась осуществить императрица Цыси, и почему они не принесли желаемых результатов?
6. Докажите, что революция Мэйдзи в Японии создала благоприятные условия для дальнейшей модернизации японского общества.

Литература

- Васильев Л. С.* История Востока: В 2 т.: Учеб. для студ. вузов. Т. 2. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2003. – 568 с.
- История Востока: В 6 т. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII–начало XX в.): В 2 кн. / Отв. ред. Л.Б. Алаев. – М.: Вост. лит. 2004.
- История Китая: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по истор. специальностям / Под ред. А. В. Меликсетова. 4-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Оникс, 2007. – 750 с.
- Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М.* История Японии: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». – М.: Высшая школа, 1988. – 432 с.
- Мещеряков А.* Император Мэйдзи и его Япония. – М.: Наталис, 2009. – 735 с.
- Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX века: В 3 ч.: Учеб. для студентов вузов. Ч. 3 / Под ред. А. М. Родригеса. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 511 с.
- Новейшая история стран Азии и Африки. XX век: В 3 ч.: Учеб. для студентов вузов. Ч. 1. 1900-1945 / Под ред. А.М. Родригеса. – М.: Владос, 2003. – 368 с.
- Петросян И.Е., Петросян Ю.А.* Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). – М.: Наука, 1993. – 186 с.
- Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого: Научное издание. – Смоленск: Русич, 2003. – 464 с.

Шилькова В.И. Младотурецкая революция 1908–1909 гг. – М: Наука, 1977. – 294 с.

Особенности национально-освободительной борьбы народов Востока в Новое время

Общие закономерности национально-освободительной борьбы народов Востока. Во второй половине XIX – начале XX века в колониях и полуколониях прокатилась волна народных выступлений, в той или иной степени затронувшая большинство стран. В исторической науке это движение получило название «пробуждение Азии».

В основе выступлений лежало противоречие между колониальными режимами и традиционными структурами восточных стран. По мере укрепления национальной промышленности колониальное засилье в экономике стран Востока все более превращалось в главный тормоз развития местных экономик. Кроме того, эксплуатация колонизаторами зависимых стран привела к резкому ухудшению положения народных низов. Недовольство населения вызывало бесцеремонное хозяйничанье иностранцев, их пренебрежительное отношение ко всему «туземному». Такое поведение колонизаторов приходило в противоречие с растущим национальным самосознанием народов Востока, которое все более болезненно воспринимало зависимое положение.

В протестном движении второй половине XIX – начала XX века слились воедино два потока:

- стихийный протест широких масс, недовольных как иностранным засильем, так и последствиями модернизации;
- выступления национальной буржуазии, интеллигенции, патриотически настроенных помещиков и чиновников, заинтересованных не только в национальном освобождении, но и в продолжении модернизации.

Борьба за национальную независимость стала идеей, объединившей разнородные политические силы, экономические и социальные интересы которых часто не совпадали. Масштаб выступлений, цели и задачи борьбы, степень ее организованности различались в зависимости от уровня социально-экономического и политического развития.

К общим закономерностям национально-освободительного движения этого периода можно отнести:

- неприятие иноземного владычества, вызванное усилением колониального гнета и колониальной экспансии;
- недовольство феодальными общественными устоями и неосознанное стремление к серьезным социальным сдвигам;
- стихийность и неорганизованность;
- религиозная форма (ортодоксальная или сектантско-еретическая);
- утопичность целей и архаичность способов борьбы;
- авторитарно-харизматический метод организации масс делал их слепым орудием лидеров, смерть или отход которых от борьбы означал поражение движения в целом.

Идеологом национально-освободительных и буржуазно-демократических движений в колониальных и зависимых странах выступала, как правило,

местная интеллигенция. Это были выходцы из различных слоев общества — из чиновничества, офицерства, латифундистов, торговой буржуазии. Начав с просветительской деятельности, многие ее представители переходили к участию в антиколониальных и антифеодальных движениях. Немало эмигрантов из восточных стран обосновались в европейских столицах (Париже, Мадриде, Лондоне), а также в соседних странах, где издавали оппозиционные газеты, способствовали пробуждению национального самосознания. Они изучали историю развития европейских стран, искали «секреты» их процветания и успехов в развитии экономики и культуры, знакомились с передовой общественной мыслью, стремились приспособить к условиям своих стран опыт иных народов. Некоторые представители национальных движений критически воспринимали опыт западных стран, видели серьезные издержки капиталистического развития и искали собственный путь. Диапазон западного идейного влияния был весьма широк. Однако на местной почве определились два основных буржуазно-демократических течения: либерально-реформистское и революционно-демократическое.

Либерально-реформистское направление не выходило за рамки умеренных преобразований. Представляя интересы местной буржуазии, идеологи либерального реформизма выдвигали требования, нацеленные на развитие национальной промышленности, проведение социальных реформ, создание светской системы образования с учетом европейского опыта, устранение иностранного влияния. Они предлагали провести преобразования государственных и экономических структур, ввести конституционные формы правления, осуществить модернизацию армии и другие изменения. Буржуазные реформаторы рассчитывали добиться выполнения этих требований мирным путем, намереваясь убедить правящую элиту в необходимости модернизации. Кроме того, многие из них полагались на содействие и помощь со стороны европейских держав, которые распространяли среди туземцев иллюзии о «цивилизаторской» миссии европейских стран на Востоке.

Революционно-демократическое направление возникло почти одновременно с либерально-реформистским в конце XIX века. В Китае его представлял Сунь Ятсен, в Индии — Бал Гангахар Тилак, в Османской империи — Мустафа Кемаль. Понимая, что рассчитывать на помощь европейцев в деле модернизации бесполезно, они переходили к активной борьбе против колонизаторов, в том числе и вооруженными методами: создавали нелегальные организации, готовили восстания и революции, организовывали митинги и манифестации, прибегали к организации заговоров. Их идеалами были республика и конституционный строй.

Стихийные выступления народных низов в восточных странах составили как бы «третий фронт» антиколониальной и антифеодальной борьбы. Эти восстания нередко проходили в отрыве от буржуазно-националистических организаций и их лидеров. У стихийных восстаний были свои вожди, представлявшие, чаще всего, религиозные секты и тайные общества. Эти восстания, направленные против иностранного капитала, против феодальных

порядков подрывали устои прогнивших режимов, а правящую верхушку убеждали в необходимости перемен.

Еще одной силой, заявившей о себе в начале XX века был нарождающийся рабочий класс, который активно включился в дело освобождения от иностранного ига. Забастовочное и стачечное движения стали характерной чертой социально-политической жизни народов стран Азии и Африки.

Однако политическая, социально-экономическая и культурная отсталость народов Востока, отсутствие опыта политической борьбы, межэтническая, межкастовая, межрелигиозная разобщенность народов Востока не позволили им, за исключением Японии, полностью освободиться от иностранной зависимости, сбросить «ярмо колониализма» и встать на путь обновления.

Бабидские восстания в Иране. Феодалный гнет и проникновение иностранного капитала вызвали в Иране широкую волну народного недовольства, вылившегося в середине XIX века в так называемые бабидские восстания.

Со второй четверти XIX века экономическое положение Ирана резко ухудшилось. Отсталый аграрный строй, деспотизм шахских властей и произвол феодалов вызывали все возрастающее обнищание трудящихся. Теперь ко всему этому добавилась новая причина разорения страны — усиленное проникновение иностранного капитала (русского — на Севере и английского — на Юге), нанесшее тяжелый удар по иранским крестьянам, ремесленникам, мелким и средним торговцам.

Усилившаяся заинтересованность землевладельцев в разведении ценных экспортных культур способствовала тому, что стала расти барщина, ранее слабо распространенная. Возникла новая прослойка аграрных дельцов, преимущественно из купеческой среды, приобретавших на праве частной феодальной собственности бывшие ленные земли. Крестьяне, переходившие к новым хозяевам, подвергались еще более тяжелой, чем прежде, эксплуатации. Арендные платежи и другие сборы достигали двух третей и даже четырех пятых урожая. В огромной степени возросла ростовщическая кабала.

Тяжелые условия жизни складывались и для трудящихся слоев города. Иранские города не имели самоуправления и полностью зависели от феодальных правителей. Даже в больших городах, где было относительно многочисленное торгово-ремесленное население, экономическая жизнь носила застойный характер. Внешняя торговля обогащала иностранцев и ничтожную группу иранских купцов.

Добившись от шаха распространения на Англию льгот и привилегий Туркманчайского трактата (1828)¹, английские капиталисты в короткий срок наводнили Иран своими фабричными изделиями, преимущественно тканями, которые стали вытеснять предметы местного производства. Множество ремесленников осталось без средств существования. Домашнее ремесло, мелкое

¹ Договор, увенчавший русско-иранскую войну 1826–1828 гг., сопровождался торговым трактатом, по которому русские купцы получили право свободной торговли в Иране.

товарное производство и внутренняя торговля приходили в упадок. Низкий таможенный тариф (5 % от стоимости товара) создавал благоприятные условия для иностранной торговли и лишал слабую местную промышленность всякой возможности конкурировать с иностранными фабричными товарами. Ничем не ограниченный ввоз иностранных товаров довел иранский рынок до того, что уже в 1836–1837 гг. в стране разразился жестокий кризис сбыта, сопровождавшийся массовым разорением местных купцов, прекращением кредита со стороны иностранных фирм и переходом значительной части внешнеторговых операций в руки иностранцев.

Все это вызывало общественное недовольство. Тысячи ремесленников, кустарей, мелких и средних торговцев стали главной движущей силой вспыхнувших стихийных выступлений протеста. В 1844 г. в г. Ширазе 23-летний сеид¹ по имени *Али-Мохаммед* объявил себя «бабом» — «вратами», через которые «сокрытый имам» Махди сообщает свою волю народу, предтечей грядущего мессии.

Сама по себе мессианская идея не была новой. Предстоящий приход Махди признавала официальная шиитская религия и различные мусульманские секты — исмаилитов, шейхитов и др. Но пропаганда Баба отличалась тем, что он предвещал приход мессии не в отдаленном будущем, а в самое ближайшее время и, притом, не вообще на землю, а именно в Иран. Согласно шиитским верованиям имам Махди должен был явиться людям в момент, когда земля будет переполнена несчастьями и бедами. Баб заявил, что такой момент настал; гнет и притеснения со стороны властей и улемов переполнили чашу терпения народа; поэтому нужно считать, что уже наступило время пришествия Махди. С приходом Махди, учил Баб, в Иране наступит царство справедливости, в котором исчезнет всякое насилие, и все люди, мужчины и женщины, будут равны и станут жить в довольстве и счастье. До прихода Махди он, Баб, призван открыть народу истину и подготовить людей к предстоящему переустройству всей жизни на новых началах. Пропаганда Баба носила, таким образом, не столько религиозный, сколько социально-политический характер. В короткий срок число последователей Баба — *бабидов* — стремительно возросло.

Власти пытались задушить бабидское движение. В 1847 г. Али-Мохаммед был арестован и заключен в крепость в городе Мака. Но гонения привлекли к бабидам еще большее сочувствие масс. Сидя в макинской крепости Баб завершил свое основное произведение «*Беян*» («Откровение»), ставшее руководящей книгой бабидов, как бы новым Кораном. Тогда же Баб объявил, что он и есть ожидаемый имам Махди.

Социальные требования в учении Баба отличались умеренностью: ближайшей целью его пропаганды было моральное воздействие на иранских правителей, которых он наивно надеялся обратить в новую веру. В дальнейшем последователи Баба, теснее, чем он, связанные с низами, выдвинули более

¹ Почетный титул у мусульман для потомков пророка Мухаммеда (у шиитов — Али) через его дочь Фатиму и внука Хусейна.

радикальную программу. Мулла Мохаммед-Али из Барфоруша, возглавивший бабидское движение в Мазандеране, призывал к неповиновению властям и захвату имущества у богатых. В Хорасане с пламенной проповедью таких взглядов выступал мулла Хосейн из деревни Бушруйе. В Казвине огромной популярностью пользовалась проповедница по имени Заррин Тадж, получившая прозвище Куррат-уль-айн (Прохлада очей).

Летом 1848 г. большая группа бабидов, возглавляемая Мохаммедом-Али и Куррат-уль-айн, собралась в селе Бедашт (на границе между Мазандераном и Хорасаном). На бедаштских собраниях и была сформулирована демократическая программа бабидов, положенная в основу их дальнейшей деятельности, прозвучал призыв к открытой борьбе против господствующего строя. Иранские власти направили в Бедашт вооруженный отряд и разогнали бабидов; некоторые из них были схвачены. Мохаммед-Али ушел в город Барфоруш, который стал главным центром бабидского движения.

Слабость шахского правительства позволила бабидам перейти от пропаганды своих идей к решительным действиям. В октябре 1848 г., вскоре после получения известия о смерти Мохаммед-шаха, около 700 бабидов во главе с муллой Мохаммедом-Али, вынужденные покинуть Барфоруш, заняли расположенную неподалеку от этого города гробницу Шейх-Таберси и прилегающую к ней местность. Бабида жили в Шейх-Таберси в соответствии с провозглашенными ими принципами. Все имущество они считали общим и пользовались им сообща. Продовольственные и другие запасы находились в общественных амбарах и распределялись специально выделенными для этого уполномоченными. Питались бабида из общего котла.

Шахское правительство, не полагаясь больше на местных ханов, которым бабида нанесли несколько поражений, направило в ноябре 1848 г. в Шейх-Таберси двухтысячный отряд регулярных войск. Шахская армия осадила крепость. Но в январе 1849 г. бабида совершили смелую вылазку и разбили правительственные войска. Под влиянием этой победы бабидское движение развернулось в Зенджане (Иранский Азербайджан), а также в провинции Фарс. Пропаганда бабизма, усилилась и в Тегеране.

Правительство направило в Мазандеран новые, еще более многочисленные отряды войск с артиллерией. Но попытки взять Шейх-Таберси штурмом не удалось. Тогда бабидская крепость была подвергнута полной блокаде. Бабида стали испытывать голод; обнаружилась нехватка оружия и пороха. Артиллерийским огнем были разрушены дома. К весне измученные голодом и лишениями бабида вступили в переговоры с шахскими властями и сдались властям. Однако вместо помилования их окружили и уничтожили.

В начале 1850 г. произошло бурное, хотя и кратковременное, восстание бабидов в Йезде. Почти в то же самое время группа тегеранских бабидов подготовила покушение на шаха и Мирзу Таги-хана. Заговор был раскрыт, и семеро бабидов были публично казнены на главной площади столицы.

Летом 1850 г. вспыхнули новые крупные восстания: в мае — в городе Зенджане, в июне — в Нейризе (в провинции Фарс), которые были жестоко подавлены. Шахское правительство решило, что для устрашения бабидов

нужно казнить Баба, что и было выполнено в июле 1850 г. В течение 1851–1852 гг. бабиды неоднократно поднимали вооруженную борьбу, но большинство уже отошло от движения.

Уцелевшие руководители бабидов вступили на путь индивидуального террора. В августе 1852 г. было совершено покушение на *Насер-эд-дин-шаха*. Покушение не удалось: шах получил легкое ранение, а покушавшиеся были схвачены и после мучительных пыток казнены. Началась свирепая расправа над всеми заподозренными в сочувствии бабидам. Сотни людей, иногда даже не участвовавших в бабидском движении, были преданы зверской казни.

С разгромом бабидов феодальная знать полностью восстановила старый режим. Непосредственным результатом этого было дальнейшее ухудшение внутреннего и международного положения страны, возросла зависимость Ирана от западных стран, прежде всего Англии и России.

Сипайское восстание в Индии и его последствия. К началу нового времени большая часть Индии, население которой тогда составляло свыше 100 млн чел., входила в состав Могольской державы, включавшей в себя также территорию Афганистана. В начале XVIII века феодальная система переживала кризис. Армия Великих Моголов утратила свою былую мощь, власть делийских императоров становилась номинальной. Страна фактически вернулась к политической раздробленности, что было выгодно европейским колонизаторам.

Проникновение англичан в Индию было вначале чисто торговым. В 1600 г. была учреждена Ост-Индская компания, добившаяся от индийских властителей разнообразных торговых льгот. В 1690 г. англичане построили на земле, предоставленной им Моголами, укрепленный город Калькутту. В 1757 г. англичане захватили Бенгалию, положив начало систематическому завоеванию всей страны войсками Ост-Индской компании, продолжавшемуся до середины XIX века. Англичане содержали огромные армии сипаев — туземных наемных солдат, так что в значительной мере Индия была завоевана руками самих индийцев.

Ост-Индская компания постепенно переходила под контроль государства, превращаясь в административный аппарат по управлению главной заморской колонией. В XIX века две трети территории Индии управлялось английскими губернаторами во главе с генерал-губернатором. Остальная территория оставалась в руках индийских князей, лишенных какой-либо самостоятельности. Компания безжалостно эксплуатировала местное население, выкачивала ресурсы Индостана. Усиление налогового гнета со стороны Ост-Индской компании; насильственное смещение и экспроприация могольской феодальной знати; превращение Индии в рынок сбыта и источник сырья, неспособность конкурировать с более качественными и дешевыми английскими товарами; деятельность миссионеров, религиозные притеснения; ухудшение положения сипаев (уменьшение размера жалования, отмена прежних привилегий, сужение возможностей служебной карьеры, ущемление религиозных прав) — все это стало причинами мощного антиколониального восстания 1857–1859 гг., начавшегося как мятеж сипайских полков.

Восстание сипаев Бенгальской армии поддержали различные слои населения: торговцы и ремесленники, индуское и мусульманское духовенство, часть крестьянства, могольская знать, поэтому в историографии оно нередко называется «великим народным восстанием». Восстание охватило в основном северные регионы Индии — район Дели, Ауд, Канпур, в которых господство англичан было более ощутимым. Восстание не имело признанного лидера, в разных областях Индии его возглавили местные индийские феодалы: Бахадур-шах Пв Дели; Хазрат Махал, Ахмед-шахв Ауде (столице Лакхнау); Нана Сахиб, Тантия Топи в Канпуре. Восстание носило национально-освободительный, антиколониальный, антианглийский характер.

Военно-техническое превосходство англичан, кастовые, религиозные и социальные разногласия среди индийцев привели к поражению восставших. Однако колонизаторы были вынуждены отреагировать, чтобы не допустить подобного впредь: Ост-Индской компании была ликвидирована (1858); управление страной перешло непосредственно к британской короне, Индия стала частью Британской империи; был ограничен произвол заминдаров (землевладельцев); началось формирование прослоек, готовых к сотрудничеству с колонизаторами; были заложены основы светской системы образования (в Бомбее, Мадрасе и Калькутте открыты университеты); местная феодальная знать получила доступ к государственным должностям, возможности продвижения по карьерной лестнице в армии. Реорганизации подверглась сипайская армия, при формировании которой стали использовать принцип противопоставления различных этнических групп полуострова Индостан. Было увеличено число англичан в ее рядах, индийцев вооружали гладкоствольными, а не нарезными ружьями, и не допускали в артиллерию.

В 1861 г. был принят закон о создании законосовещательных Индийских советов с участием местной знати, в 80-е гг. — закон о местном самоуправлении. Члены индийских советов назначались сверху, система выборов в органы местного самоуправления охватывала 1 % населения страны.

Во второй половине XIX – начале XX века значение Индии как поставщика сырья, продовольствия и сферы приложения капитала для Англии особенно возросло. Английскому капиталу в Индии принадлежали чайные (в Бенгалии, Ассаме), кофейные и каучуковые плантации, джутовые фабрики в Калькутте, железные дороги, многие текстильные фабрики. Английские банки контролировали всю внешнюю торговлю, финансировали деятельность английских фирм.

Ускорилось развитие национальной промышленности. К 1911 г. появилось около 200 текстильных фабрик, принадлежавших национальному капиталу, начался выпуск продукции на металлургическом заводе, построенном крупным индийским предпринимателем Тата. Вместе с тем основная часть индийской промышленности еще находилась на мануфактурной стадии. Позиции национальной буржуазии отличались двойственностью: имея глубокие противоречия с британским колониализмом, в то же время значительная часть верхушки буржуазии была тесно связана с английским финансовым капиталом.

Медленное развитие капиталистических отношений выражалось и в том, что современных предприятий строилось очень мало. Численность рабочего класса была ничтожно мала (около 1 %). В деревне продолжали господствовать феодальные отношения. Аграрное перенаселение усиливалось в связи с бегством миллионов людей от голода и нищеты из городов. За первое десятилетие XX века удельный вес занятых в сельском хозяйстве возрос с 66 % до 72 % самодеятельного населения. В деревне широко распространялась мелкокрестьянская издольная аренда, почти даровой наемный труд. Города стали центрами голода, нищеты и социальных волнений, в то время как в XIX века такими центрами были сельские районы.

Деятельность Индийского национального конгресса. Становление индийской буржуазии и упрочение ее позиций в конце XIX века было той почвой, на которой возникло национально-освободительное движение. В 70–80-е гг. среди части индийской интеллигенции распространились патриотические настроения. Представители националистических кругов объединились в культурно-просветительские общества. Их участники призывали возвратиться к древним верованиям («Назад к Ведам»), отвергали кастовое деление индийского общества, провозглашали равенство людей и народов, ставили целью возрождение индийской культуры. Призывы к возврату в прошлое не могли скрыть действительного буржуазно-националистического и демократического содержания общественного движения. Наряду с возрождением культуры выдвигались проекты создания системы европейского образования, проведения социальных реформ и развития индийской промышленности.

Ведущей организацией освободительного движения стал *Индийский национальный конгресс* (ИНК, 1885). Общим языком для участников учредительного съезда был английский, так как делегаты принадлежали к различным индийским народностям. ИНК стал символом единства Индии в ее движении к независимости, несмотря на умеренность его лидеров и ограниченность программы. Появилась основа организованного движения.

Первоначально английские колониальные власти благосклонно отнеслись к созданию ИНК, однако вскоре отношения обострились вплоть до враждебности. В Национальном конгрессе доминировало умеренное либеральное крыло, которое определило программу организации и ее требования: защита национальной промышленности, снижение налогов, создание системы банковского кредита, расширение самоуправления и выборного представительства, сотрудничество с колониальными властями.

Левое крыло в конгрессе представлял *Б.Г. Тилак* (1856–1920), а также мелкобуржуазные демократы Бенгалии. Тилак окончил юридический факультет, приобрел большую известность благодаря своим статьям и созданной им школе, где преподавание велось в национально-патриотическом духе. Тилак происходил из брахманской семьи, видел в религии индуизма сплывающий элемент. Он сам строго соблюдал кастовые предписания и организовывал религиозные празднества. Выступая за безусловную ликвидацию английского колониального господства, Тилак негативно

относился к программам социальных реформ и отвергал совместные действия с либеральным крылом национального движения. Он не поддерживал вооруженные и террористические методы борьбы и тем не менее английский суд в 1897 г. приговорил его к каторжным работам «за отсутствие добрых чувств к англо-индийскому правительству и проповедь ненависти к нему». В тюрьме Тилак написал труд об исторической давности Вед, который был высоко оценен в международных научных кругах. Протесты против осуждения Тилака заставили колониальные власти досрочно его освободить. 10 тыс. бомбейских рабочих приветствовали Тилака по выходе на свободу.

Особенности национально-освободительного движения в Индии в начале XX века Гандизм. В начале XX века национально-освободительное движение находилось на подъеме. Этому способствовало немало факторов: укрепление позиций национальной буржуазии, патриотической интеллигенции, активизация рабочего движения в промышленных центрах Бомбея и Калькутты. Обычными стали выступления крестьянства против феодальной эксплуатации. Провокационная политика вице-короля *Керзона*, направленная на раскол индийского общества, подогревала недовольство. Керзон распустил выборный муниципалитет в Калькутте, увеличил вдвое плату за обучение в высших учебных заведениях, что закрыло многим индийцам дорогу к образованию, утвердил закон о разделе Бенгалии на две административные части, что рассекало исторически сложившуюся национальную и территориальную общность бенгальцев. Этот жестокий удар по национальным чувствам стал последней каплей, переполнившей чашу терпения. В колонии начался новый подъем национально-освободительного движения.

Главными центрами стали Бенгалия, Пенджаб и Бомбей. По предложению ИНК 16 октября 1905 г. в Бенгалии был проведен и поддержан по всей стране национальный траур (фактически общенациональная забастовка) в знак протеста против раздела Бенгалии. Началось движение «свадешы» (за развитие национальной промышленности), выразившееся в бойкоте английских товаров.

Обострившаяся обстановка в стране побудила даже умеренную часть ИНК поддержать решение о требовании «свараджа», под которым понималось предоставление Индии самоуправления в рамках Британской империи. В 1907 г. под этим лозунгом массовые мирные выступления, забастовки, митинги, шествия проходили в Бенгалии, Пенджабе, Мадрасе, во многих других провинциях Индии. В октябре прошла всеобщая стачка железнодорожников Восточно-Индийской дороги. Она парализовала экономическую жизнь в провинции, вице-король в Калькутте оказался отрезанным от всей страны.

Кульминацией движения стала политическая стачка в Бомбее в июле 1908 г. Стачке предшествовали крупные волнения в других провинциях Индии. Английские власти провели репрессии. В 1907 г. был принят закон о бунтовщиках, запрещающий митинги и демонстрации, а в 1908 г. — закон, по которому закрывались газеты, «подстрекающие к мятежу». На основе этого закона был арестован Тилак, над ним был затеян политический процесс, который привлек внимание всей страны. Голосами присяжных-англичан Тилак

был осужден на долговременную ссылку, хотя присяжные-индийцы высказались за оправдание. Эта очевидная предубежденность суда взорвала страну. 23 июля 1908 г. в Бомбее началась всеобщая политическая забастовка: прекратили работу все предприятия, магазины, транспорт, учебные заведения. Демонстрации и митинги перерастали в стычки с полицией. Подавить стачку не удалось. Она была прекращена через шесть дней, как об этом было заранее объявлено ее организаторами.

Бомбейская стачка и подъем освободительного движения заставили английские колониальные власти пойти на уступки: увеличилось представительство выборных лиц в совете при вице-короле, в законодательных собраниях провинций было создано выборное большинство. Одновременно были предприняты попытки внести национальный и религиозный раскол в индийское общество — выборы проводились по куриям, в том числе мусульманской. Наконец, вице-король отменил в 1911 г. закон о разделе Бенгалии и из беспокойной Калькутты перебрался в Дели — столицу Великих Моголов.

В национально-освободительном движении вызревала программа демократических требований. Стали сближаться позиции ИНК и *Мусульманской лиги*: в 1916 г. в Лакхнау состоялся одновременный съезд двух организаций. Заседавшие порознь, они приняли аналогичные требования: немедленное предоставление Индии широкого самоуправления, назначение индийцев на командные посты в армии, расширение таможенной автономии, установление индийского контроля над финансами.

В годы Первой мировой войны в индийском национально-освободительном движении заметной личностью стал *Мохандас Карамчанд (Махатма) Ганди* (1869–1948). Ганди прибыл в Индию из Южной Африки, где он приобрел большой опыт организации специфической формы национально-освободительной борьбы — ненасильственного сопротивления «сатьяграха» (упорство в истине). Основой учения Ганди послужила теория ненасилия Л.Н. Толстого, идея мирного массового действия, мирных шествий и других ненасильственных выступлений. Ганди был противником насилия и вооруженной борьбы, сознавая, что Индия с ее ранимым и взрывоопасным разделением на касты, языковые и национальные группы, конфессии должна избегать крайностей. Теория «ненасильственного сопротивления» или гражданского неповиновения, опыт ее применения в Индии приобрели впоследствии широкую популярность на международной арене.

Национально-освободительному движению Индии в начале XX века не удалось осуществить свои цели. Буржуазно-демократические и революционные патриотические силы не получили достаточно широкой поддержки снизу. Кастовые, религиозные, корпоративные, региональные, социальные разграничения стояли на пути консолидации освободительного движения. Однако был обретен бесценный опыт борьбы за свободу и независимость.

Китай против иностранного засилья: тайпинское восстание. Завоеванный маньчжурами в XVII веке, Китай представлял собой империю восточного типа, закрытую как для внешней торговли, так и для

дипломатических отношений. Политика изоляционизма, проводившаяся маньчжурской династией Цин, была вызвана опасениями за целостность и суверенитет страны. «Отмычкой», открывшей Китай, стала для европейцев и американцев торговля опиумом, который англичане контрабандой ввозили в Китай из Индии. Среди китайцев распространилось дурное пристрастие. Когда цинское правительство попыталось запретить ввоз опиума, англичане прибегли к силе оружия. В двух опиумных войнах (1840–1842, 1856–1860 гг.) отсталая китайская армия была разбита. По Пекинским соглашениям 1860 г. Китай в экономическом плане превращался в полуколонию.

Открытие Китая имело губительные последствия для его развития: перемещение основных торговых путей лишало торговцев и ремесленников прежних доходов; проникновение более дешевых и качественных товаров из Европы приводило к разорению традиционного китайского ремесла и к вывозу серебра из страны, что вызвало инфляцию и рост цен. Вместе с тем, необходимость выплаты контрибуции заставила цинское правительство увеличить налоги, что еще больше ухудшило положение основной массы населения.

В этих условиях представители господствующего класса пытались сохранить прежний уровень жизни за счет роста арендной платы, увеличения поборов и повинностей с крестьян, что не могло не вызвать ответную реакцию.

Движение против правящей династии возглавил сельский учитель Хун Сюцюань. Он с детства испытывал тягу к учению, мечтал, успешно сдав экзамены, потупить на государственную службу. Однако сделать это ему не удалось. Отчаявшись, он создал религиозно-политическое «Общество поклонения Небесному Владыке», которое было призвано объединить всех недовольных существующим режимом. В основе созданного Хун Сюцюанем учения лежала синкретическая смесь христианства протестантского толка, даосизма и конфуцианства. Суть идеологии тайпинов сводилась к необходимости борьбы против захватчиков–маньчжуров, олицетворявших силы Зла, и создания Небесного государства всеобщего благоденствия (*Тайпин-тяньго*, отсюда название участников движения — «тайпины»), где все будут равны и счастливы. Себя Хун Сюцюань провозгласил младшим братом Иисуса Христа, посланным на землю для создания этого царства справедливости и гармонии.

В 1850 г., когда число членов общества превысило 10000 чел., тайпины начали военные действия против цинских войск. Социальная база движения включала практически все слои населения: крестьян, торговцев, ремесленников, представителей интеллигенции и господствующего класса, недовольных политикой маньчжуров. Начавшись в провинции Гуанси летом 1850 г., восстание тайпинов вскоре охватило 18 провинций Китая.

Тайпины создали сильную армию с железной дисциплиной, которую отличали гуманное отношение к местному населению, отсутствие грабежей и произвола по отношению к простолюдинам. Ее бойцы строго следовали приказам командиров и десяти христианским заповедям. Опираясь на поддержку населения, тайпины успешно сражались с правительственными

войсками и частично вооружились за счет военных трофеев; позднее они организовали собственное производство оружия и снаряжения. В охваченных восстанием провинциях повстанцы громили правительственные учреждения, убивали маньчжуров и их ставленников, а также всех непокорных, конфисковали их имущество, облагая контрибуцией «богачей». По некоторым данным, армия тайпинов в период пика восстания насчитывала более 1 млн чел. Движение ширилось, 19–20 марта 1853 г. тайпинская армия штурмом взяла крупнейший город Китая — Нанкин, ставший столицей государства всеобщего благоденствия.

Еще в августе 1851 г., после захвата г. Юньаня, тайпины начали строительство Тайпин-Тяньго. Хун Сюцюань был провозглашен его главой — Небесным князем. Было создано правительство, ключевые посты в котором заняли *Ян Сюцин* («Восточный князь»), *Сяо Чаогуй* («Западный князь»), *Фэн Юньшань* («Южный князь») и *Вэй Чанхуэй* («Северный князь»).

Обосновавшись в Нанкине, тайпинское руководство обнародовало свою программу, названную «Земельной системой Небесной династии». В соответствии с принципами утопического «крестьянского коммунизма» в ней провозглашалось полное равенство всех членов китайского общества в сфере производства и потребления. Тайпины планировали совсем отменить товарно-денежные отношения, но понимая, что без торговли, хотя бы с иностранными державами, пока не обойтись, учредили специальную должность уполномоченного по торговым делам — «Небесного компратора». Трудовая повинность объявлялась обязательной для всех жителей. Основной административной и военной единицей являлась община-взвод, состоявшая из 25 семей. Жизнь людей была строго регламентирована. Все, что захватывали или производили тайпины, поступало в общественные кладовые, из которых, согласно уравнилельным началам, продовольствие и необходимые промтовары распределялись между гражданами. Несмотря на ярко выраженный военизированный характер этого государства, в нем имелись и некоторые демократические начала: командиры взводов избирались народом, женщины были уравнены в правах с мужчинами, запрещался обычай бинтования ног у девочек. Тайпины запретили на контролируемых территориях курение опиума, табака, употребление спиртных напитков и азартные игры. Они обещали освободить население на три года от налоговых тягот, поэтому крестьянство и городская беднота активно поддерживали тайпинов.

В восстании выделяются два этапа: первый (1850–1856), когда восстание развивалось по восходящей, распространяясь на новые территории и вовлекая новых сторонников, и второй (1856–1864), когда оно пошло на спад.

Первоначально международная ситуация благоприятствовала тайпинам. Европейцы были готовы сотрудничать с «братьями по вере», видя в них силу, способную подорвать цинский режим, с которым они вступили во Вторую опиумную войну. Однако в последствии ситуация изменилась: к началу 1860-х западные державы убедились в неспособности тайпинов свергнуть власть Цин. К тому же тайпины, запретившие сбыт опиума, стали помехой «открытию» внутренних провинций бассейна р. Янцзы для европейской торговли. Поэтому

европейские державы сделали ставку на сговорчивых Цинов и помощь последним в деле уничтожения Тайпин-тяньго.

Еще раньше, разуверившись в способности маньчжурских войск эффективно сражаться с повстанцами, к борьбе с ними подключились крупные землевладельцы Центрального Китая, которые на собственные средства стали создавать частные дружины из воинов–профессионалов и наемников–европейцев.

Территория Тайпин-тяньго превратилась в гигантский театр военных действий: разорялись города, гибли торговые заведения, мастерские и мануфактуры, пустели деревни, поля забрасывались, приходили в негодность оросительные системы, дамбы и плотины. В зоне тайпинского движения нарастали спад производства и торговли, а местами и голод. В этих условиях политика тайпинов становилась все более противоречивой и непоследовательной. Война требовала огромных расходов, а, значит, и налогов. Уставшие от бедствий войны люди, ищущие мира и порядка, стали покидать лагерь тайпинов.

К тому же, к середине 1850-х гг. движение было ослаблено внутренними противоречиями между «старыми» (выходцами из провинций Гуанси и Гуандун), и «новыми» (уроженцами центральных провинций) братьями; между гуансийцами, которых возглавлял Ян Сюцин и гуандунцами во главе с Хун Сюцюанем. Самовластие, деспотизм и высокомерие Ян Сюцина восставили против него остальных князей и их родню. Итогом противостояния стал военный переворот 2 сентября 1856 г., в ходе которого Ян Сюцин, его родня и сторонники были убиты. Однако жестокие расправы и чистки, осуществляемые Вэй Чанхуэем вызвали недовольство большинства тайпинов. Видя новую угрозу своему трону, Хун Сюцюань велел казнить Вэй Чанхуэя. Поставленный Хун Сюцюанем во главе государства и армии, Ши Дакай («Князь-помощник») на время стабилизировал положение, но и его «Небесный князь» вскоре отстранил от руководства. В итоге власть перешла к гуандунской группировке во главе с семейством Хун (братьям Хун Сюцюаня и его фаворитам). Это привело к расколу в лагере тайпинов, и стало одной из причин ослабления движения.

Выше перечисленное в итоге предопределило поражение восставших к 1864 г. Тайпинское восстание расшатало основы феодального строя, показало слабость маньчжурской династии, ее неспособность адекватно и своевременно реагировать на происходящие в стране процессы.

Движение ихэтуаней. В последующие годы зависимость Китая от западных держав выросла, он продолжал терять территории, превращаясь в рынок сбыта европейских, американских и японских товаров. В итоге к началу XX века Япония, Англия, Россия, Франция, Германия, США разделили Китай на «сферы влияния».

В этих условиях в 1895 г. создается организация «Союз охраны государства» во главе с *Кан Ювэем* и целью комплексного реформирования традиционного Китая. С 1898 г. начинается период реформ («Сто дней

реформ»). Однако начавшиеся преобразования были тут же были пресечены сторонниками сохранения старых порядков, что обострило ситуацию в стране.

В борьбу против иностранцев включились народные массы. Этими восстаниями руководили тайные общества, издавна существовавшие в Китае. В них входили крестьяне, городская беднота — ремесленники, подмастерья, лодочники, рикши, кули, нищие. Участники этих обществ верили в заклинания, магию, в духов, которые должны были убереечь их от иностранных пуль; они придавали особое значение искусству традиционного кулачного боя. Считая иностранцев — «заморских варваров» — главной причиной своих несчастий, восставшие убивали миссионеров, торговцев, инженеров, солдат, охранявших иностранные концессии, громили магазины, разрушали железнодорожные и телеграфные линии.

Одним из самых массовых и длительных было восстание под руководством общества *Ихэтуань* («Кулак во имя справедливости и мира»), отсюда название восставших «*ихэтуани*» или «*боксеры*», которое началось в конце 1899 г. в провинции Шаньдун, где нагло хозяйничали немцы. Попытка германских войск подавить восстание не удалась, и народное восстание распространилось на соседние земли. Весной 1900 г. восстание охватило столичную провинцию. Главным было требование изгнания иностранцев. Дворцовая клика и императрица Цыси пошли на сговор с ихэтуанями, рассчитывая подчинить антииностранное движение. 20 июня 1900 г. Цысиобъявила войну иностранцам. Повстанцы стали продвигаться к крупнейшим городам Северного Китая, уничтожая иностранные представительства, предприятия, концессии.

В августе 1900 г. в ответ на восстание последовала широкая иностранная интервенция, в которой приняли участие (под командованием германского фельдмаршала Альфреда фон Вандерзее) войска 8-ми держав — Англии, США, России, Японии, Франции, Италии, Германии и Австро-Венгрии. Интервенты бесчинствовали в Китае. Грабежам подверглись магазины, дворцы, жилища. Была уничтожена бесценная дворцовая библиотека, вагонами вывозились ценности: фарфор, слоновая кость, золото, жемчуг, имущество из частных домов. Восстание было жестоко подавлено.

По условиям протокола об умиротворении, подписанного в сентябре 1901 г., Китай обязался заплатить западным державам огромную контрибуцию, наказать виновных в убийствах иностранцев, допустить вооруженную охрану посольств, предоставить еще более широкие экономические права иностранцам.

Таким образом, большинство народных движений и восстаний в государствах Востока было подавлено колонизаторами, не привело к свержению их режимов. Однако эти выступления заставили правящие местные элиты задуматься о необходимости преобразований, а колониальные власти — о корректировке проводимой политики.

Национально-освободительное движение второй половины XIX – начала XX века показало, что между участниками освободительной борьбы нет

полного единства по вопросу о задачах и методах. В моменты отчаяния низовые слои были готовы к самой решительной борьбе с колонизаторами. В то же время национальная буржуазия выступала лишь за уравнивание в правах с иностранным капиталом и не ставила вопрос о полном изгнании чужеземцев, поскольку продолжала зависеть от западных кредитов, поставок иностранной техники и запчастей, от обслуживающих специалистов.

Вопросы

1. Перечислите основные закономерности национально-освободительного движения народов Востока в XIX– начале XX века.
2. Докажите конкретными примерами, что национально-освободительному движению народов Востока в XIX – начале XX века была свойственна стихийность и неорганизованность.
3. Какие социальные силы и почему выступали идеологами национально-освободительного и буржуазно-демократического движения в колониальных и зависимых странах Востока в XIX– начале XX века?
4. Сравните национально-освободительные движения в странах Востока, укажите их общие закономерности и специфические черты.
5. Можно ли ИНК назвать политической партией.? Ответ обоснуйте.
6. Охарактеризуйте деятельность ИНК, можно ли считать ее эффективной и плодотворной?
7. Почему Ганди, на Ваш взгляд, настаивал на ненасильственных методах борьбы с колонизаторами?

Литература

- Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* История Индии. – М.: Мысль, 1979. – 558 с.
- Васильев Л.С.* История Востока: в 2 т.: Учеб. для студ. вузов. Т. 2. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2003. – 568 с.
- Иоаннесян Ю.А.* Бабизм: Страницы истории, источники, вероучение. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. – 388 с.
- Иванов М.С.* Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX века. – М.: Наука, 1982. – 235 с.
- История Востока: В 6 т. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII–начало XX в.): В 2 кн. / Отв. ред. Л.Б. Алаев. – М.: Вост. лит. 2004.
- История Китая: учеб. для студентов вузов, обучающихся по истор. специальностям / под ред. А. В. Меликсетова. 4-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Оникс, 2007. – 750 с.
- Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX века: В 3 ч.: учеб. для студентов вузов. Ч. 3 / Под ред. А. М. Родригеса. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 511 с.
- Новейшая история стран Азии и Африки. XX век: В 3 ч.: Учеб. для студентов вузов. Ч. 1. 1900–1945 / Под ред. А.М. Родригеса. – М.: Владос, 2003. – 368 с.
- Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого: Научное издание. – Смоленск: Русич, 2003. – 464 с.

Хашимов И.М., Кутина М.М. Деятельность ИНК и региональных общественных организаций Индии (конец XIX – начало XX века) / Отв. ред. Л. Р. Полонская. – Ташкент: ФАН, 1988. – 280 с.

Международные отношения в Европе в 1871–1914 гг. Колониальные противоречия

Установление «вооруженного мира в Европе» (60–70-е гг. XIX века). После завершения Франко-прусской войны 1870–1871 гг. и провозглашения Германской империи в Европе появилось новый центр силы. Об усилении влияния на континенте заявила и объединенная Италия. Империя Наполеона III была повержена, а возникшая на ее месте Третья республика могла лишь мечтать о реванше. Австрийская империя после войны с Пруссией 1866 г. столкнулась с внутривластным конфликтом и была преобразована в дуалистическую монархию (Австро-Венгрия с 1867 г.).

Положение России на континенте укрепились. Правительство империи добилось пересмотра статей Парижского договора (1856). Лондонская конвенция (1871) упразднила принцип нейтрализации Черного моря, и Россия могла восстановить крепости на побережье и военный флот в его акватории. Англия использовала и даже поощряла франко-германские противоречия ради поддержания «баланса сил» в традициях *«политики блестящей изоляции»*. Последняя предполагала отказ от долговременных союзнических отношений с любой иной державой, дабы иметь полную свободу маневра в собственной политике и не зависеть ни от каких обязательств. Островное положение Британии и господство на морях только помогали ей в этом. Англичане не ограничивались сторонним наблюдением за европейскими конфликтами. Напротив, они инициировали соперничество и маневрировали в сложившейся ситуации с максимальной выгодой для себя. Основную идею подобной политики четко сформулировал лидер английских либералов Г. Пальмерстон в середине столетия: «У нас нет вечных союзников и вечных врагов. У нас есть постоянные, вечные интересы, и им мы должны следовать».

В 1871 г. баланс сил казался вполне устойчивым, и хотя в нем уже имелись трещины, мирный этап в отношениях великих держав на континенте продлился вплоть до 1914 г. Отто фон Бисмарк, опасаясь сближения Франции, Австро-Венгрии и России с целью создания антигерманского блока. Этот «кошмар коалиций», которые могут взять Германию в окружение, заставил «железного канцлера» создать упредительный блок, который бы воспрепятствовал такой опасности. Главной задачей при этом оставалась изоляция Франции (ключевого врага империи), а также поддержание доминирующей позиции Германии в центре Европы.

Первым шагом стала реализация идеи сближения монархических государств — Германии, России и Австро-Венгрии — с целью поддерживать соответствующий их интересам порядок. Для Российской империи это было удачной идеей, так как ей необходимо было не допустить австро-германского сближения на антирусской основе. Австрийское сотрудничество с Германией в максимальной степени соответствовало австро-венгерским экономическим и политическим интересам. Особенно большую роль этот фактор играл в условиях подъема национально-освободительного движения народов империи.

Главной трудностью на пути возможного союза оставались русско-австрийские противоречия на Балканском полуострове.

Тем не менее, 24 апреля 1873 г. Российская и Германская империи заключили союзный договор, в соответствии с которым каждая из сторон обязалась предоставить в помощь другой двухсоттысячную армию в случае нападения на одну из них какой-либо континентальной державы. 25 мая 1873 г., немецкими усилиями, Россия и Австро-Венгрия также подписали соглашение подобного характера. К данному акту впоследствии присоединилась Германия. Так в истории международных отношений был оформлен знаменитый *Союз трех императоров*, который дважды (в 1881 и 1884 гг.) возобновлялся и просуществовал вплоть до 1887 г.

Серьезной проверкой на прочность Союза трех императоров оказалась политика «военных тревог», провоцировавшаяся Бисмарком. Наиболее опасными стали события, именуемые в истории дипломатии как «военная тревога 1875 г.». «Приобретение» Германской империей Эльзаса и Лотарингии предоставило ей исключительно важные ресурсные и военно-стратегические преимущества. Господствуя в Лотарингии, Бисмарк получил удобный плацдарм для наступления на Париж. Французы стремились вернуть свои позиции, в том числе, путем возможного пересмотра столь негативных для них элементов Франкфуртского договора 1871 г. Получалось, что Франко-прусская война не столько сгладила франко-германский конфликт, сколько зацементировала его на много лет вперед.

Правительство Вильгельма I не ожидало от Франции скорой выплаты огромной контрибуции и того, что вследствие этого немецкие войска должны будут покинуть французскую территорию. Французские же вооруженные силы, как и ожидалось в самой Франции, по своей численности и составу (благодаря ряду правительственных актов) оказались в положении гораздо более выгодном, нежели еще несколько лет назад. Французские «военные реформы» проводились последовательно и очень аккуратно. Не замечать этого Бисмарк не мог. И уже в 1875 г. в инициированных «железным канцлером» статьях немецких журналов и газет стали появляться сведения об агрессивных намерениях Франции и призывы ответить ей тем же. За дружественный нейтралитет во франко-германском военном конфликте Бисмарк предложил российскому правительству содействие на Востоке. Но Александр II высказался резко «против». Бисмарк отступил, возложив всю вину в данном случае на далеких от реальной политики генералов генштаба. Все это значительно ухудшило русско-германские отношения, поскольку России надеялась избежать с помощью Союза трех императоров новой войны, а не способствовать ей.

Восточный кризис 1875–1878 гг. и его последствия. 1875-й г. вновь остро поставил в повестку дня международной жизни Европы «вечный» Восточный вопрос. Движение балканских народов за свободу и независимость разгоралось с середины XIX века. Летом 1875 г. восстали Герцеговина и Босния. Повстанцы последней намеревались продолжить свою борьбу совместно с Сербией, а Герцеговина склонялась к союзу с Черногорией.

Осенью 1875-го и весной 1876 г. вспыхнули два восстания в Болгарии, которые, впрочем, не обрели масштабный характер. Тем не менее, второе *Апрельское восстание* турецкий султан подавил с особой жестокостью: погибло более тридцати тысяч, большинство из которых — мирные жители. На европейском континенте поднялась волна негодования по поводу случившегося. Автономные княжества Черногория и Сербия объявили войну своему сюзерену — Османской империи. Конечно, обе стремились к завоеванию независимости и расширению владений за счет близлежащих земель, входящих в империю.

Великие европейские страны не могли допустить разрастания конфликта на Балканском полуострове. Это могло спровоцировать еще более глубокие противоречия между ними. Тогда Россия и Австро-Венгрия, при безусловной германской поддержке, попробовали добиться от Османской империи проведения политических и экономических реформ на Балканах, для чего организовали деятельность консульской комиссии в Герцеговине в 1875 г., инициировали Венскую ноту от 31 декабря 1875 г. и Берлинский меморандум от 13 мая 1876 г. Представители трех держав А.М. Горчаков, Д. Андраши и О. фон Бисмарк неоднократно затрагивали в своих дискуссиях вопрос о будущем Турции (как в случае распада, так и в случае продолжения конфликтов). Россия, которая колебалась в вопросе об использовании силы, поскольку восстановление Черноморского флота еще не завершилась, как и начавшаяся военная реформа, поддерживала национальные устремления славян на Балканах. В стране развернулось широкое общественное движение в защиту православных братьев («славянские комитеты»).

Конечно, защита балканских славян стала не единственной целью Александра II. Речь шла и о возвращении Южной Бессарабии, потерянной после Крымской войны. Переустройство Османской империи могло вовлечь в политическую стратегию России Болгарию, поскольку та была удачно расположена в непосредственной близости от зоны Черноморских проливов (Босфора и Дарданелл). Австро-Венгрия же на протяжении многих лет вынашивала планы захвата Боснии и Герцеговины. Новые земли позволяли расширить рынок сбыта производимых в стране промышленных товаров, рассчитывать на проникновение в Македонию и Салоники, а также, как думалось, нейтрализовать ирредентистские устремления укрепляющейся Сербии.

Бисмарк, с одной стороны, вроде бы поддерживал высказанные австрийцами планы, с другой, — как оказалось, подталкивал Российскую империю к войне с Турцией, ибо самым удобным для Германии стало бы «полное погружение» Петербурга в Восточный вопрос, так устранялась даже сама возможность со стороны императора Александра II поддерживать Францию. Бисмарк убеждал и Горчакова, и Андраши, что кризис нельзя разрешить дипломатически. Договориться с Турцией действительно не удалось. Конференция в Стамбуле, проходившая с декабря 1876 г. по январь 1877 г., провалилась. Султан Абдул Хамид II, понимавший позицию Германии, и к

тому же уверенный в поддержке англичан, официально отверг любые предложения компромисса и требования реформ.

24 апреля 1877 г. российский император Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. Русское правительство, помня предысторию Крымской войны, добилось благосклонной позиции: Австро-Венгрии (за счет договоренности об оккупации австрийцами Боснии и Герцеговины), Великобритании (за счет обещания содействовать приобретению Кипра), Румынии (союзный договор с формулировками о полной независимости последней); Сербия и Черногория возобновили военные действия против Османской империи. Для России война была тяжелой, и победа досталась дорогой ценой. А Вена и Лондон, не принимая эту победу, заявили, что условия мира затрагивают общеевропейские интересы и должны быть одобрены великими державами.

19 февраля (3 марта) 1878 г. в местечке *Сан-Стефано* близ турецкой столицы был подписан прелиминарный мир, который освобождал большую часть Балкан от османского владычества и, по сути дела, разделил европейские и азиатские владения султана. Сербии, Черногории и Румынии предоставлялась государственная независимость. Болгария провозглашалась автономным княжеством в широких границах («Великая Болгария»). Черногория получала земли Герцеговины и Северной Албании, Сербия — часть земель в так называемой Старой Сербии, Румыния — Северную Добруджу с дельтой Дуная взамен на Южную Бессарабию, возвращаемую России. Ключевые возражения западных держав касались большой Болгарии, подвластной России.

С 13 июня по 13 июля 1878 г. под председательством Бисмарка в Берлине состоялся международный конгресс с участием всех основных европейских держав, включая Османскую империю. Заключительный акт конгресса — *Берлинский трактат* — серьезно изменил условия Сан-Стефанского мира. Предусматривавшаяся им Болгария была разделена на три части: автономное Болгарское княжество, ограниченное с юга Балканским хребтом; турецкая провинция *Восточная Румелия* к югу от него с элементами автономии; Македония и Фракия, возвращенные в состав Османской империи. Временный оккупационный режим и русская гражданская администрация сокращались с 2 лет до 9 месяцев. Независимость Сербии, Черногории и Румынии в самых общих чертах подтверждалась, однако их территориальные приращения учтены практически не были. Австро-Венгрия добилась права оккупировать Боснию и Герцеговину, Англия — о. Кипр.

Вполне понятно, что Русско-турецкая война и Берлинский конгресс привели к резкому обострению взаимного недовольства Австро-Венгрии и России. Даже подписанные в 1881 и 1884 гг. русско-австрийско-германские договоры о взаимных гарантиях нейтралитета в случае войны с «четвертой великой державой» не снизили накала противоречий. Между ними вспыхнуло соперничество за влияние на новые государства Балканского региона.

Сначала были очевидны русские успехи. Россия в 1879 г. способствовала избранию князем Болгарии своего ставленника *Александра Баттенбергского*, племянника императора Александра II. Но и здесь русское влияние поменялось

на австрийское достаточно быстро с учетом того фактора, что Австро-Венгрия представляла собой гораздо больший интерес как экономический партнер. В 1881 г. Сербия заключила с Австро-Венгрией тайный договор, при ее поддержке в 1882 г. сербский князь *Милан Обренович* провозгласил себя королем. А в 1885 г., в ответ на воссоединение Болгарского княжества с Восточной Румелией без санкции великих держав, он развязал против Болгарии войну за спорные приграничные территории. Однако в сербо-болгарской войне успех сопутствовал болгарским войскам, обученным русскими офицерами.

3 марта 1886 г. под давлением гарантов Сербия и победившая Болгария подписали мирный договор, не изменивший их совместной границы. Однако последней удалось договориться о военном союзе с Османской империей на условиях передачи управления Восточной Румелии князю Александру, который каждые пять лет должен назначаться ее генерал-губернатором. Император Александр III настаивал на ликвидации понятия «военного союза» и на требовании «обязательного» утверждения генерал-губернатора великими державами, но потерпел фиаско. Ослаблением внешнеполитических позиций князя воспользовалась оппозиция. В ночь с 20 на 21 августа 1886 г. Баттенберг был низложен. Однако затем к власти пришло правительство Стефана Стамболова, чья внутренняя политика характеризовалась жестоким подавлением инакомыслия, преследованием русофилов, а внешняя — откровенно проавстрийским курсом. Новым князем без одобрения великих держав стал *Фердинанд Кобургский*, а в отношениях Болгарии с Россией начался десятилетний разрыв.

Формирование военно-политических блоков: Тройственный союз и Антанта. Создание объединенного блока во главе с империей Вильгельма I (дабы окончательно изолировать Францию) продолжало оставаться ключевой целью Бисмарка во внешней политике. Союз трех императоров, из-за балканских противоречий, играть подобную роль никак не мог. Россия или Австро-Венгрия? Германии нужно было сделать выбор. Русско-германские отношения только ухудшались на протяжении 70-х гг. XIX века (достаточно вспомнить военную тревогу 1875 г. и Берлинский конгресс 1878 г.). Кроме политических споров, были и серьезные экономические трения. После введения в 1879 г. в Германии высоких пошлин на хлеб, ввозимый из России, началась русско-германская таможенная война. Австро-Венгрия только приветствовала подобный разлад.

7 октября 1879 г. в Вене между Германской империей и Австро-Венгрией был подписан *секретный союзный договор* об оказании взаимной помощи всеми военными силами в случае нападения России. Не допускалось вступать с ней в отдельные мирные переговоры. Если же нападение совершала какая-либо другая страна, речь шла о соблюдении благожелательного нейтралитета. Однако, в случае российской поддержки нападающей державе (конечно, Франции), оба государства обязались действовать совместно всеми наличными силами. Договор был заключен на пять лет.

К австро-германскому «сотрудничеству» Бисмарк решил привлечь Италию. Она после объединения оказалась в тяжелом экономическом

положении. Узкие рамки внутреннего рынка, не до конца преодоленные феодальные черты в экономике его только усугубляли. Итальянское правительство возлагало надежды только на колониальную экспансию. Взоры Италии оказались обращены на Север Африки (Тунис). Однако здесь первенствовала Франция, установив в 1881 г. протекторат над Тунисом. Данные обстоятельства сблизили Италию с Германией и Австро-Венгрией, несмотря на давние претензии к монархии Габсбургов по поводу австрийских земель, населенных итальянцами (Южный Тироль и Триест).

В итоге 20 мая 1882 г. Италия заключила с Германией и Австро-Венгрией так называемый *Тройственный союз*. Союзный договор предусматривал следующие обязательства сторон. Во-первых, не принимать участия ни в каких соглашениях, направленных против одного из участников договора, и оказывать друг другу взаимную поддержку. Во-вторых, Германия и Австро-Венгрия предоставляют Италии помощь в случае нападения на нее Франции. Аналогичное обязательство принимала на себя Италия, если Франция нападет на Германию. Обязательства Австро-Венгрии в этом случае ограничивались сохранением нейтралитета, но только до вступления России в войну на стороне Франции. В-третьих, речь шла о взаимном нейтралитете в случае войны с любой великой державой, кроме Франции, и о военной поддержке друг другу в случае нападения двух или более держав.

Поскольку Рим настаивал и на гарантиях своих средиземноморских интересов, Бисмарк внес предложение итальянцам «отдельно достичь соглашения с Англией», ибо только английский флот мог бы обеспечить подобные гарантии. 12 февраля 1887 г. англо-итальянский договор был заключен. Италию не смутил даже тот факт, что «характер союзничества» Англия оговаривала «обстоятельствами каждого данного случая». Бисмарк очень искусно проводил свою линию дальше. 16 декабря 1887 г. был подписан и англо-австро-итальянский договор о совместной поддержке Турции в противовес российской политике на Балканах.

Безусловно, австрийцы и немцы не слишком рассчитывали на военные силы Италии. Однако взаимные обязательства в отношении с ней усиливали изоляцию Франции, а венский кабинет обеспечивал себе тыл в случае войны с Россией. Заключенный на пять лет с правом пролонгации, договор просуществовал до 1915 г. В него вносились изменения и дополнения. Например, по соглашениям 1887 г. Италию стали привлекать к обсуждению балканских споров. Именно так Германская империя устранила опасность избыточного давления Австро-Венгрии в самом ключевом для нее вопросе.

Впоследствии ненадолго к Тройственному союзу примкнула Румыния, надеясь на получение Бессарабии. Румыния обязывалась в случае нападения на соседние с ней области Австро-Венгрии прийти на помощь, а Австро-Венгрия взяла на себя аналогичные обязательства при нападении на Румынию. Австро-румынский договор был подписан в Вене 30 октября 1883 г. Германия и Италия присоединились к нему. Гораздо позднее, в 1914-1915 гг. к германскому блоку примкнули Турция и Болгария (Италия и Румыния перейдут в ходе Первой

мировой войны на сторону Антанты), образовав, таким образом военно-политический альянс, который получит название *Четверной союз*.

Тем не менее, в 80-е гг. XIX века, Бисмарк продолжал пристально следить за Россией. Он не информировал ее о ранее подписанных Германией обязательствах, опасаясь тем самым сблизить Россию и Францию. Чтобы обеспечить себе русский нейтралитет в случае войны с Францией, Российскую империю следовало продолжать удерживать в орбите германского влияния. Этому способствовал экономический фактор: немецкий рынок оставался важнейшим для сбыта русских сельскохозяйственных товаров, да и для российских ценных бумаг.

18 июня 1887 г. был подписан *русско-германский договор*, получивший в истории название «*перестраховочного*». Обеспечив себя союзами с Австро-Венгрией и Италией против Франции и России, Германия как бы перестраховывалась путем заключения договора с Россией от ее вмешательства во франко-германские отношения. По договору 1887 г. каждая сторона обязывалась сохранять нейтралитет в случае войны с любой третьей державой, кроме Франции и Австро-Венгрии (здесь нейтралитет обеспечивался только на случай их нападения на одну из договаривающихся сторон). В приложенном к договору особом протоколе Германия обещала оказывать дипломатическую поддержку России, если та окажется вынужденной «принять на себя защиту входа в Черное море». Однако уже в 1890 г. с приходом к власти в Германии нового императора Вильгельма II и нового канцлера Л. Каприви было принято решение отказаться от «перестраховочного договора».

Именно это обстоятельство сблизило Россию и Францию. Такого союза последняя активно добивалась после очередной «военной тревоги» 1887 г. Именно тогда были заложены основы франко-русской коалиции. Ее обеспечили наличие единой противостоящей стороны (Тройственного союза) и французская финансово-экономическая (кредитная) поддержка Российской империи. Важным этапом становления союза стал визит французской эскадры в Кронштадт в июле 1891 г. На торжественной встрече присутствовал император Александр III, стоя выслушавший революционную «Марсельезу», гимн Третьей республики. В октябре 1893 г. состоялся ответный визит русской эскадры в Тулон.

Образование *франко-русского союза* прошло в три этапа: 1) политический консультативный пакт 1891 г. («соглашение Гирса–Рибо», подписанное министрами иностранных дел двух стран), где речь шла о взаимных совещаниях в случае военной опасности, и фигурировали слова «сердечное согласие»; 2) секретная военная конвенция 1892 г., согласно которой при нападении на Францию Германии или Италии (на Россию – Германии или Австро-Венгрии), союзница предоставит военную помощь. В случае мобилизации сил Тройственного союза Франция и Россия, «мобилизуют немедленно и одновременно» 1 млн 300 тыс. и 800 тыс. чел. соответственно. Предусматривались взаимные военные консультации и отказ от сепаратного мира. Сроки договора ставились в прямую зависимость от деятельности держав

Тройственного союза; 3) взаимные извещения правительств 1893 г. о ратификации договора.

Следующим союзником для Франции стала «морская владычица» Британия, которая к началу XX века в условиях жесткой колониальной борьбы с Германией стала особенно нуждаться в сухопутных войсках. Франция, со своей стороны (особенно в условиях чрезвычайной «занятости» России на Дальнем Востоке 1904–1905 гг.), также испытывала потребность в английской поддержке. Урегулирование колониальных противоречий в 1899 г. (англо-французский договор о размежевании сфер влияния в Африке в ходе Фашодского инцидента, франко-итальянское соглашение о нейтралитете 1902 г. и др.) ускорили англо-французское сближение. 8 апреля 1904 г. в Лондоне между правительствами Англии и Франции было подписано соглашение по основным колониальным вопросам (в форме конвенции и двух деклараций), известное в истории международных отношений как *англо-французская Антанта* («сердечное согласие»). Согласно конвенции, Франция отказывалась от монопольных прав на рыболовство у берегов Ньюфаундленда, за что обрела свободу плавания по реке Гамбия (Западная Африка), а также право исправления в свою пользу границы в Восточной Нигерии. В Декларации о Сиаме устанавливалось его разделение на английскую и французскую сферы влияния. Наконец, Египет оставался «английским», а Марокко признавался «французским».

К 1907 г. сложились предпосылки и *англо-русского союза*. Важнейшей из причин стало резкое обострение русско-германских противоречий: возросло влияние Германии на Ближнем Востоке (приобретение ею концессии на строительство Багдадской железной дороги, германо-турецкое сближение, возможный контроль над проливами). Сказался и страх захват Германией российского внутреннего рынка в результате торгового договора 1904 г.

Англо-русское соглашение было подписано 31 августа 1907 г. в Петербурге. Стороны согласились признать территориальную неприкосновенность Тибета. Пообещав в российскую пользу «решать споры» касательно прохода русских военных кораблей через Босфор и Дарданеллы, Англия добилась признания афганской территории сферой своих интересов. Персия делилась на три зоны: Северную или российскую; Юго-Восточную, «нефтяную» или английскую (на подступах к Индии); и Центральную — нейтральную.

Таким образом, к началу XX века окончательно оформились два крупных военно-политических блока — Тройственный союз и Антанта. Военно-территориальные и экономические противоречия великих держав были чрезвычайно глубоки. Но основные конфликты происходили пока далеко за европейскими пределами и были связаны с колониальным разделом и переделом.

Колониальные противоречия на рубеже XIX–XX веков. Новая волна колониальных захватов в последних десятилетиях XIX века была вызвана ускорением темпов экономического развития, структурными сдвигами в социально-политическом устройстве метрополий и появлением новых

претендентов на имперский статус. Соперничающие державы и стоящие за ними деловые круги стремились подчинить себе новые территории (рынки сбыта товаров, источники сырья), а затем сохранить преобладающее влияние любым путем. В ход шли и самые неприглядные дипломатические, и самые жесткие военные средства.

Главными соперниками в колониальной гонке являлись Англия и Франция. К 1875 г. Великобритания владела территориями в 22,5 млн км² с населением в 252 млн чел. В колониях Франции проживали более 60 млн чел. Более скромные результаты имели Бельгия, Голландия, Испания и Португалия. Принять участие в разделе торопились Россия, Германия и США. Борьба за колонии приобрела глобальный характер.

Африканский континент сразу стал ареной соперничества в силу климатических, ресурсно-экономических и территориально-стратегических причин. Подчинение одной только Северной Африки знаменовало привилегированное положение на Средиземном море с его важнейшими торговыми путями. Центральными здесь были англо-французские противоречия, усилившиеся в связи с открытием в 1869 г. *Суэцкого канала*. С 1876 г., с подачи Б. Дизраэли, он уже контролировался Англией. Через этот канал проходил главный транспортный путь Великобритании из Европы в Индию и Австралию.

В 1881 г. Франция, как указывалось, установила протекторат над Тунисом. Затем, уже Англия и Франция, используя тяжелое финансовое положение Египта, предоставили его главе Исмаил-паше займы под уникально высокие проценты (до 17 % годовых), после чего установили в стране «двойственный англо-французский контроль». Но британцы, под предлогом защиты английских подданных, развязали с Египтом войну в 1882 г., завершив ее вводом войск в Каир и установлением оккупационного режима. *Египет* фактически стал колонией Англии.

Одно из самых острых столкновений произошло по вопросу о принадлежности территории в *устье р. Конго*, где сходились основные торговые пути Центральной или Экваториальной Африки. Здесь судьбу вершили дипломаты. Английские предложили передать этот район Португалии, а французские — Бельгии. По итогам Берлинской конференции 1884–1885 гг. власть «получил» бельгийский король Леопольд II. Ожесточенные споры о разделе сфер влияния в *бассейне р. Нигер* закончились соглашением 1898 г. в Париже. Англичанам достались земли в низовьях реки (Нигерия). Территория от пустыни Сахара до озера Чад стала достоянием Франции.

Следующее противоречие вызвал вопрос о *Судане*. Французский военный отряд под командованием капитана Маршана, выступил в 1896 г. из владений Франции и направился наперерез английской армии под командованием генерала Китченера, только что штурмом взявшей столицу Судана Хартум. Англичане и французы столкнулись в местечке Фашода. Каждый отстаивал данную территорию как свою. *Фашодский инцидент* стал кульминацией соперничества. Британия привела свой флот в полную готовность, обещая военное столкновение. Франция отступила. В 1899 г. было подписано

соглашение о разделе *Экваториальной Африки*. После чего почти одновременно были разработаны планы консолидации колониальных владений. Для англичан речь шла «о сплошной полосе британских колоний от Кейптауна на юге до Каира на севере» (авторы — министр колоний Дж. Чемберлен и крупнейший теоретик и практик колониальных захватов С. Родс). Для французов — о «единой полосе колоний в Африке с Запада на Восток».

В Германии Бисмарк отрицал необходимость колониальных захватов («Моя карта Африки — в Европе»). Первые германские колонии являлись частными предприятиями, нуждавшимися в поддержке государства. В 1884 г. Германия все же проникла в *Того* и часть *Камеруна* и объявила здесь свой протекторат (впоследствии — Германская Юго-Западная Африка). В 1885 г. она разграничила с Англией земли *Новой Гвинеи*, получив северо-восточные. Самое крупное беспокойство у «владычицы морей» вызвала практическая реализация грандиозной *программы строительства немецкого флота* (1898), означавшая вызов ее монополии. Германия поддержала бурских поселенцев (потомков голландских колонизаторов) в войне с Англией в 1899–1902 гг. за обладание *южноафриканскими территориями* Оранжевой республики и Трансвааля, полными месторождений алмазов и золота. Благодаря немецкому «содействию» (финансы и оружие) на первом этапе буры, используя преимущества в вооружении, организации и знании местности, перехватили инициативу у англичан. Борьба велась варварскими методами (тактика «выжженной земли») и стоила Британии огромных материальных и человеческих жертв, здесь впервые были применены «блокгаузы» с колючей проволокой и концентрационные лагеря. Весной 1902 г. буры признали свое поражение. В 1910 г. на территории бывших бурских республик будет образован Южноафриканский Союз со статусом доминиона.

Ситуация вокруг *Марокко* вызвала два международных кризиса в последнем предвоенном десятилетии. Претензии Франции на эту часть Северной Африки признали Англия, Италия и Испания, получившие за это колониальные компенсации. Однако в начале 1905 г. германский кайзер Вильгельм II прибыл Танжер и пообещал султану всемерную поддержку для защиты от внешних посягательств. Его целью была проверка на прочность Франко-русского союза, в условиях когда Россия была занята войной с Японией. В следующем году была созвана международная конференция в Альхесирассе (Испания), где Германию поддержала лишь Австро-Венгрия. Тем не менее, подчинение Марокко Франции было отложено.

Второй марокканский кризис разразился в 1911 г. после оккупации французами (под предлогом защиты своих граждан от беспорядков) тогдашней столицы страны Феса. Через некоторое время Германия послала в марокканский порт Агадир канонерскую лодку «Пантера». Из-за вмешательства Англии Германии пришлось ретироваться, получив как компенсацию лишь часть французского Конго. Эти события вызвал небывалые приступы шовинизма в странах, вовлеченных в события.

Италия тоже стремилась завоевать позиции в Северной Африке. Попытка расширить влияние в Эфиопии в 1894–1895 гг. завершились провалом. Войска

европейской державы потерпели поражения от туземной армии абиссинского императора Менелика II. Однако в следующем столетии, воспользовавшись ослаблением Османской империи, Италия в ходе военных действий 1911–1913 гг. захватила Триполитанию и Киренаику (современную Ливию), а также греческий архипелаг Додеканес (с о. Родос), как морскую базу и очаг проникновения на Балканы.

На исходе XIX века колониальная борьба охватила Ближний и Дальний Восток. На *Ближнем и Среднем Востоке* соперничали Англия и Россия. После хивинского похода генерала К.П. Кауфмана (1873) три государства Средней Азии — *Коканд, Бухара и Хива* — признали свою вассальную зависимость от Российской империи. Экспансия России в Средней Азии беспокоила Великобританию из-за Афганистана и Индии. Как итог длительных дебатов в сентябре 1885 г. в Петербурге было подписано англо-русское соглашение: Россия признавала за Англией сферу ее интересов в *Афганистане и Тибете*, Англия — присоединение к России среднеазиатских территорий.

В *Юго-Восточной Азии* на протяжении 80–90-х гг. XIX века Франция приобрела влияние в Индокитае, Великобритания захватила Верхнюю Бирму. Сиам (Таиланд) в 1896 г. специальным соглашением был поделен английским и французским правительствами на западную и восточную сферы влияния, соответственно.

На *Дальнем Востоке* особый интерес для западных держав, а также США и Японии составляли обширные территории Поднебесной империи. *Китай* был буквально «опутан» сетью кабальных договоров с Англией (Нанкинский договор 1842 г., приоритетные территории — к югу от р. Хуанхэ и в долине р. Янцзы), Францией (Юго-Восточные провинции Китая находились под ее контролем), Германией (закрепившейся на Шаньдунском побережье), Россией (особые интересы в Манчжурии).

Последними на китайские земли «обрушились» Япония и США. Япония развязала в 1894–1895 гг. войну с Поднебесной империей за влияние в Корее и практически молниеносно выиграла ее. После всех рассматриваемых событий Китай оказался буквально под угрозой распада и вынужден был подписать 17 апреля 1895 г. *Симоносекский мирный договор*. Пекин признал «полную независимость» Кореи, уступил Японии Тайвань, Пескадорские острова и *Ляодунский полуостров*, заплатив контрибуцию в 200 млн таэлей.

Интересы России оказались затронуты этой сделкой, поскольку захват Ляодуна не только давал Японии исключительно выгодное положение для дальнейшего проникновения в *Маньчжурию*, но и ставил под угрозу будущее Транссибирской магистрали и русский Дальний Восток. Поэтому Петербург стал инициатором совместной с Францией и Германией дипломатической акции: страны «рекомендовали» Японии отказаться от Ляодунского полуострова и захватов в Маньчжурии. «Дружеский совет» они подкрепили демонстративной посылкой флотов к берегам Японии. Страна восходящего солнца вынуждена была уступить. 3 июня 1896 г. был подписан секретный русско-китайский договор о создании оборонительного союза. 27 марта 1898 г., по другому подобному договору, Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и

Далянем (г. Дальний) передавались в арендное пользование России на 25 лет. Россия приступила к строительству Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) через Маньчжурию, а в Порт-Артур с Балтики прибыли 1-я Тихоокеанская эскадра и сухопутные войска. Эта ситуация стала прологом к последующей *русско-японской войне 1904–1905 гг.*

Уже произведенный де-факто раздел Китая противоречил интересам США, которые рассчитывали подчинить себе Китайскую империю в качестве одной огромной сферы влияния. Следуя такой политике, государственный секретарь США Дж. Хэй 6 сентября 1899 г. поручил американским послам обратиться к правительствам Англии, Германии, Франции, России и Японии с нотами, в которых провозглашал *доктрину «открытых дверей»* в Китае. Суть ее заключалась в том, чтобы предоставить всем странам равные права и равные экономические возможности (без дополнительных льгот и привилегий) для проникновения в Китай. Ведущие мировые державы ответили на ноту Хэя согласием, однако это было сделано в мало к чему обязывающих, общих выражениях.

В то же время унижительные военные поражения Китая и последующее экономическое закабаление страны вызвали резкий рост антизападных настроений в Поднебесной империи. Наибольшей остроты эти настроения достигли в 1899–1901 гг. в *движении ихэтуаней*. Оно было жестоко подавлено ведущими западными державами. Китаю навязали «режим капитуляций», и он надолго превратился в объект их политической, экономической и военной экспансии.

Следующий открытый конфликт на Дальнем Востоке датируется 1904–1905 гг. — это *Русско-японская война* за влияние в Корею и Северо-Восточном Китае (Манчжурии). Поводом к ней послужило приобретение близкими к российскому правительству дельцами лесных концессий на р. Ялу (Корея). Япония обрела поддержку в *морском союзе* с Англией (1902), взявшей на себя обязательства материально-финансовой, военной, организационной и дипломатической поддержки Токио. В Японию хлынули займы, оружие, военные материалы. На верфях Англии для японского флота строились новейшие броненосцы и крейсера. В Токио прекрасно понимали, что Россия не успеет надлежащим образом закончить подготовку к войне, и стремились начать ее как можно скорее: было очевидно, что через год-полтора рассчитывать на победу будет весьма опрометчиво.

Русско-японская война стала одной из первых войн с применением механизированного и первого автоматического оружия, скорострельной и дальнобойной артиллерии, минометов, многозарядных винтовок, пулеметов, «самодвижущихся мин» — торпед, броненосных кораблей, подводных лодок, приборных средств управления и электрических средств связи (телефон — телеграф — радио). Она явно обозначила начало нового этапа в истории военного дела и военного искусства, обнаружила исчерпанность тактики и стратегии прошлого. Были также поставлены вопросы пересмотра роли тыла и военного производства, организационных форм войск, тактики в наступлении и обороне, планирования и управления, подготовки генералитета, офицерского и

рядового состава, тотальной мобилизации ресурсов страны и многие другие проблемы. Обе стороны, готовясь к традиционной войне, как кратковременному столкновению армий, не предполагали столь крупных по размаху, длительности и напряженности сражений. Царская Россия, в которой к тому же разразились события Первой русской революции, проиграла дальневосточную войну и по *Портсмутскому договору* 1905 г. уступила Японии право на аренду Ляодунского полуострова, Южный Сахалин, отказалась от притязаний на Корею и вывела войска из Маньчжурии.

К началу XX века весь мир был практически поделен между великими державами, что было достигнуто в результате целой серии колониальных войн и договоров кабального характера между метрополиями и колониями, ключевые из которых были рассмотрены выше. Добиться передела колониального пирога можно было только военным путем.

Интересы великих держав на Балканах. В 1908 г. вновь обострилась международная обстановка на Балканах — разразился так называемый *боснийский кризис*. Его вызвала политика экспансии Австро-Венгрии, нацеленная на получение выхода в Эгейское море через македонский порт Салоники. 5 октября 1908 г. был опубликован рескрипт императора Франца-Иосифа об *аннексии Боснии и Герцеговины*. Ситуация напрямую нарушала утверждения Берлинского конгресса 1878 г. о формальном суверенитете Турции над этой провинцией. Но, охваченная революцией, она сопротивлялась недолго. Было подписано соглашение о выкупе земель за 2,5 млн фунтов. Свое возмущение высказала Сербия, претендовавшая на те же земли как «свою» национальную территорию. Ее покровительница Россия попыталась разрешить коллизию дипломатическим путем, но это не удалось.

В марте 1909 г. кризис достиг пиковой точки — Австро-Венгрия привела в боевую готовность на границе с Сербией крупные военные силы, а Германия предоставила ей поддержку, предложив России (и Сербии) признать легитимной только что совершенную аннексию. Ответ следовало дать немедленно. Отрицательный ответ повлек бы за собой вторжение австрийских войск на сербскую территорию. Россия, а затем и другие государства, подписавшие Берлинский трактат, вынуждены были согласиться. Но это не ослабило напряженность в регионе.

В марте–октябре 1912 г. сложился *Балканский союз* в составе Болгарии, Сербии, Греции и Черногории (на основе договоров и военных конвенций о взаимной помощи, заключенных между его участниками). Важнейшей целью союза стал раздел остатков Европейской Турции. Сербия и державы Антанты рассчитывали направить его и против Австро-Венгрии: в ключевом болгаро-сербском договоре от 13 марта 1912 г. прямо говорилось о совместных действиях против «какой-либо великой державы», если она попытается захватить балканские территории.

Поводом к *Первой Балканской войне* 1912 г. послужил отказ турецкого правительства от обещания предоставить автономию Македонии и Фракии. Военные действия начались в октябре 1912 г. Ввиду полного превосходства армий союзников Турция запросила перемирия. 16 декабря 1912 г. в Лондоне

открылась конференция представителей воюющих сторон и заинтересованных держав. Сербия и Россия, не готовые к открытому вооруженному столкновению с Германией и Австро-Венгрией, вынуждены были уступить коллективному посредничеству. Но в январе 1913 г. военные действия возобновились. Войска Османской империи вновь были быстро разгромлены, что сделало ее более сговорчивой. В мае состоялось подписание мирного договора, Турция уступала балканским государствам значительные территории к западу от линии Мидия–Энос.

Однако после подписания Лондонского договора разногласия между союзниками вступили в стадию открытой вражды. Сербия потребовала от Болгарии передачи ей части македонской территории, по которой они не смогли ранее договориться, Греция — Эгейское побережье, Румыния — Южную Добруджу и крепость Силистрия. Ответ был во всех случаях отрицательным, и три державы вместе с Турцией заключили антиболгарский союз. Так началась *Вторая Балканская война* (1913). Силы были неравными, и Болгария, несмотря на моральную поддержку Германии и Австро-Венгрии, потерпела поражение. Болгария утратила почти все свои завоевания. Вторая Балканская война серьезно изменила расстановку сил. Она содействовала сближению Румынии, Греции и Сербии с Антантой и переходу Болгарии на сторону австро-германского блока.

Таким образом, узловые колониальные и региональные противоречия (Балканы, Африканский континент и Дальний Восток) в начале XX века серьезно обострились. «Прекрасная эпоха» заканчивалась.

Вопросы

1. Сравните расстановку политических сил в Европе до и после Франко-прусской войны 1870-1871 гг.
2. Каковы причины и последствия Восточного кризиса 1875-1878 гг.? Как связаны итоги кризиса с обострением балканской проблемы накануне Первой мировой войны?
3. Какие соглашения обусловили отказ Англии от политики «блестящей изоляции»? В чем причины такого отказа?
4. Дайте сравнительную характеристику основных проблем и противоречий формирования Тройственного союза и Антанты.
5. Почему Англии удалось урегулировать колониальные противоречия с Францией и Россией, но не с Германией?
6. Какие последствия имел передел сфер влияния на Дальнем Востоке после Русско-японской войны? Почему затем стало возможным сближение позиций бывших противников, учитывая, что Япония стала членом Антанты?
7. Какие интересы, с помощью каких средств преследовали державы на Балканах в начале XX века?

Литература

Айранетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). – М.: Европа, 2006. – 668 с.

История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). – М.: Международные отношения, 1997. – 384 с.

История международных отношений. В 3 т. / Под ред. А. Торкунова и М. Наринского. – Т. 1. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. – М.: Аспект Пресс, 2012, 2017. – Гл. 7–8.

Макмиллан М. Война, которая покончила с миром. Кто и почему развязал Первую мировую / Пер. с англ. Е.Г. Пантелеева, Г.А. Карповой. – М.: Центрполиграф, 2016. – 719 с.

Мировые войны XX века. Кн. 1 / Отв. ред. Г.Н. Шкундин. – М.: Наука, 2002. – Гл. 1.

Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х гг. – 1918 г.: Учебник / Под ред. И.В. Григорьевой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – Гл. 8, 19.

Очерки истории международных отношений: Учебное пособие / Колл. авт.; под общей ред. О.А. Колобова. М.: ИМЭМО РАН – Нижний Новгород: ИФ ННГУ, 2001. – 635 с.

Хобсбаум Э. Век империй. 1875–1914. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 512 с.

Михаил Валерьевич Белов

Светлана Валерьевна Григорьева

Ирина Алексеевна Хвостова

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ: НОВОЕ ВРЕМЯ

Учебное пособие

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.